



Фонд исторической перспективы  
Центр исследований и аналитики

# Перспективы

## Электронный журнал

№ 1  
(январь–март)

2020

CENTER FOR RESEARCH AND ANALYTICS  
OF FOUNDATION FOR HISTORICAL OUTLOOK



# PERSPECTIVES AND PROSPECTS

## E-JOURNAL

**№ 1**  
(JANUARY–MARCH)

2020

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52  
П27

**Фонд исторической перспективы**  
Центр исследований и аналитики

Рецензируемый научный сетевой журнал  
«Перспективы. Электронный журнал»  
№1(21) (январь – март)

E-journal «Perspectives and prospects»  
№1(21) (January – March)

*journal.perspektivy.info*

Издается с 2015 г.  
ISSN 2411–3417 = Perspektivy (Moskva. 2015)  
Выходит 4 раза в год

---

***Редакционная коллегия:***

Редакционная коллегия:

Е.А. Нарочницкая – кандидат исторических наук, главный редактор;

Н.А. Нарочницкая – доктор исторических наук;

Е.Н. Рудая – кандидат исторических наук;

В.Г. Федотова – доктор философских наук;

Л.Н. Шишелина – доктор исторических наук;

П.П. Яковлев – доктор экономических наук;

А.В. Щербина – кандидат филологических наук, ответственный секретарь.

ББК 66.2я52+60.5я52+63.3я52

Москва  
2020

# Содержание:

Оксана ГАМАН-ГОЛУТВИНА. Современная сравнительная политология перед вызовами развития .....	6
Петр ЯКОВЛЕВ. Евросоюз после Брекзита: ключевые геополитические и геоэкономические вызовы.....	30
Наталья ТРАВКИНА. Импичмент Д. Трампа: бунт «глубинного государства».....	45
Наиля ЯКОВЛЕВА. Латинская Америка: социально-политический контекст протестной активности.....	66
Вадим ТРУХАЧЕВ. Чехия: неоднозначное прошлое как часть текущей политики .....	82
Антон КРУТИКОВ. Большевики и Тартуский мирный договор 1920 г.....	97
Владимир КОНДРАТЬЕВ. Азия как новый центр экономической силы.....	113
Тимофей ДМИТРИЕВ. «Желание быть видимым»: Френсис Фукуяма в поисках объяснения новых тенденций мировой политики. Рецензия на книгу: Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019. 256 с. ....	133
<b>Authors</b> .....	145
<b>Abstracts and Keywords</b> .....	146

# Contents:

<b>Oksana GAMAN-GOLUTVINA.</b> Modern Comparative Politics Facing Challenges of Development.....	6
<b>Petr YAKOVLEV.</b> The EU after Brexit: Key Geopolitical and Geo-Economic Challenges.....	30
<b>Natalia TRAVKINA.</b> Impeachment of D. Trump: Revolt of the Deep State .....	45
<b>Nailya YAKOVLEVA.</b> Latin America: Social and Political Context of Protest Activity.....	66
<b>Vadim TRUKHACHEV.</b> Czech Republic: Ambiguous Past as a Part of Current Politics.....	82
<b>Anton KRUTIKOV.</b> The Bolsheviks and the Tartu Peace Treaty of 1920.....	97
<b>Vladimir KONDRATEV.</b> Asia as a New Center of Economic Power.....	113
<b>Timofey DMITRIEV.</b> «Desire to be Observed»: Francis Fukuyama in Search of Explanation for the New Tendencies in World Politics Book Review: Fukuyama F. Identity. The Demand for Dignity and the Politics of Resentment. M. 2019. (In Russ.).....	133
<b>Authors</b> .....	145
<b>Abstracts and Keywords</b> .....	146

DOI 10.32726/2411-3417-2020-1-6-29  
УДК 303; 32

Оксана Гаман-Голутвина

## Современная сравнительная политология перед вызовами развития

**Аннотация.** *Статья посвящена анализу современного состояния сравнительной политологии в контексте эволюции политической науки в целом. Автор приходит к выводу, что существующие в этой науке принципиальные проблемы обусловлены упрощенным пониманием теории и методологии. В теоретическом измерении политология отстает от постнеклассической картины мира, для которой характерно соединение случайности и необходимости, обратимости и необратимости, линейности и нелинейности, динамичности и стабильности и т.п. Доминирует упрощенное понимание методологии как науки о методах, а не как способа рассмотрения объекта посредством помещения его в более широкий метаконтекст. Относительно инструментария отмечается неактуальность противопоставления качественных и количественных методов и нецелесообразность сведения палитры количественных методов к отдельным их категориям. Тем не менее прогноз дальнейшего развития компаративистики — позитивный, поскольку по многим направлениям ведется кропотливая «лабораторная» работа.*

**Ключевые слова:** *политическая наука, политическая компаративистика, методология, метод, количественные и качественные исследования, научная картина мира.*

Ко второму десятилетию XX в. сравнительная политология утвердилась в качестве самостоятельного и одного из ведущих направлений политической науки, что в 1912 г. было официально зафиксировано созданной в 1903 г. Американской ассоциацией политической науки (ААПН, или APSA) [Wahlke, p. 58; Ильин Сравнительный...]. Перечень достижений компаративистики за прошедший век обширен. Достаточно назвать только некоторые из них: предпринятое А. Тойнби монументальное сравнительное исследование цивилизаций; стэнфордский проект по изучению кризисов и политических изменений; концептуальная карта Европы С. Роккана; сравнительное изучение политических режимов, системных изменений институтов (в том числе административных, партийных и электоральных) и неинституциональных измерений — политических культур и политического лидерства. На протяжении нескольких десятилетий срав-

**Сведения об авторе:** ГАМАН-ГОЛУТВИНА Оксана Викторовна — член-корреспондент РАН, профессор, заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России, президент Российской ассоциации политической науки (РАПН), председатель ФУМО «Политические науки и регионоведение», председатель Экспертного совета Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), член Общественной палаты РФ, доктор политических наук, ogaman@mail.ru.

нительная политология была главным источником критических инноваций для всей политической науки [Schmitter, p.35], что во многом определялось ее способностью сопрягать философско-субстантивные, инструментальные и политико-прикладные измерения [Munck, Snyder, p. 59].

Торможение в развитии субдисциплины и, отчасти, политической науки в целом намечилось на рубеже XX–XXI вв. Это было установлено в ходе проведенного в 1994 г. исследования на основании собранных ранее в США данных относительно того, в каких научных отраслях достигнуты самые впечатляющие прорывы и в каких они наиболее ожидаемы. В анализе участвовали представители 32 дисциплин широкого спектра — от физики до психологии. Последнее, 32-е, место в рейтинге достигнутых и ожидаемых результатов заняла политическая наука [Hargens, Kelly-Wilson, p. 1177–1195].

С тех пор прошла четверть века, однако энтузиазма в оценках не прибавилось. Более того, для последних лет характерны выводы о наступлении кризиса в эволюции политической науки [см.: Таагерера Science... Патцельт, с. 72; Ильин Современная... с. 40–42]. Этот вердикт обосновывается отсутствием на протяжении последних десятилетий значимых новых идей, крупных эвристически эффективных теорий / парадигм (М. Ильин), способных дать ответ на критические политико-интеллектуальные вызовы, и/или искажением методического инструментария (Р. Таагерера). По мнению известного специалиста по эволюционной морфологии, члена исполкома Международной ассоциации политической науки (МАПН), немецкого профессора В. Патцельта, имеются и иные основания для скепсиса: современная политология замкнута в рамках западного этноцентризма, погружена в актуальность в ущерб историческому контекстуализму, неспособна к критической саморефлексии и состоит в непродуктивных отношениях с практической политикой [Патцельт, с. 72].

Рассмотрим состояние политологии посредством обращения к ее компаративной ветви. Положение в этой субдисциплине весьма показательно, поскольку политическая компаративистика — наряду с номотетической политической теорией — входит в разряд системообразующих областей политической науки. Каковы сегодня методологические параметры сравнительной политологии, насколько адекватен ее инструментарий, какие вызовы встают перед этой научной отраслью, и наконец, является ли ее состояние и состояние политической науки в целом кризисным?

### **Методологический вызов**

Сосредоточимся на тех методологических проблемах компаративистики, которые являются общими для политологии в целом. Исходной предпосылкой эффективности научного направления является релевантность его системообразующих параметров актуальной научной картине мира (НКМ). Последняя представляет собой базовую эпистемологическую матрицу, задающую способ и стиль научного мышления. Поскольку в современной философии науки сложилось определенное представление об эволюции НКМ [Степин; Алексеева Теория...], мы коснемся лишь тех параметров НКМ, которые имеют отношение к нашей теме. Применяемые в современной политической науке

методологические подходы и инструменты не соответствуют или не вполне соответствуют субстантивным характеристикам актуальной НКМ. Это несоответствие, на наш взгляд, не является критическим, но требует существенного обновления методологического аппарата.

Понятие «картина мира», как считается, первым ввел Людвиг Витгенштейн в «Логико-философском трактате» (1921). Мартин Хайдеггер в статье «Время картины мира» (1927 г.) определил мир как обозначение сущего в целом, к которому относятся космос, природа, история и, более того, вся мирооснова [Хайдеггер, с. 102]. В понимании М. Хайдеггера, картина мира — это изображение «сущего», а мировоззрение — отношение человека к «сущему». Хайдеггер приходит к принципиально важному выводу: историческая субъектность начинается с момента рефлексии картины мира, и с этого момента начинается деятельность человека как субъекта исторического процесса. Операциональное понятие современной философии науки — концепт научной картины мира — охватывает лежащие в фундаменте культуры мировоззренческие структуры: «образ мира», «модель мира», «видение мира» [Степин].

Анализ эволюции НКМ и ее вклада в процессы производства нового знания позволил выделить классическую, неклассическую и постнеклассическую картины мира. Первая системная научная картина мира — классическая (механистическая), сформировалась как переосмысление донаучного отражения реальности в XVII–XIX вв. на основании открытий Коперника, Галилея и Ньютона. Ее ключевыми характеристиками были однозначная и универсальная причинно-следственная зависимость, в рамках которой все состояния могли быть просчитаны и предсказаны, прошлое определяло настоящее, а настоящее — будущее. Объекты были представлены как существующие изолированно, в строго заданной системе координат. В природе случайность исключалась; обратимость времени определяла одинаковость всех состояний механического движения тел; пространство и время считались абсолютными. Требование элиминации субъективности как возмущающего фактора стало основной посылкой гносеологии. Ключевыми ориентирами выступали редукционизм и рационализм. Редукционизм как сведение высоких форм движения к более низким, предполагающее тождественность законам простейшей, механической, формы, вытекал из теории Ньютона, по которой Вселенная состоит из взаимодействующих по законам механики «материальных точек» (организм рассматривался как сложная версия механизма). Рационализм с его безграничной верой в возможности разума стал новой религией и обрел статус универсального инструмента познания.

Представление об однородной механической Вселенной как о часовом механизме было перенесено на иные сферы, включая социальное управление. Как заметил Олвин Тоффлер в предисловии к книге Ильи Пригожина и Изабель Стенгерс «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой» [Пригожин, Стенгерс], механицизм явно преобладал в умах авторов Конституции США, проектировавших структуру государственной машины, все узлы которой должны были действовать с безотказностью и точностью часового механизма.



В результате революционных достижений естествознания на рубеже XIX–XX вв., связываемых в первую очередь с именами Альберта Эйнштейна, Макса Планка, Нильса Бора, на смену классической НКМ пришла неклассическая (квантово-релятивистская) картина мира. Она привнесла новые взгляды на субъект-объектные отношения, вбирающий противоречия стиль мышления и более гибкую модель детерминации, учитывающую фактор случайности как проявления закономерности. Развитие системы стало мыслиться направленно, будучи подчинено статистическим закономерностям, законам вероятности и больших чисел, тогда как ее состояние в конкретный момент времени не детерминируется. Отсутствие жесткой детерминированности на индивидуальном уровне сочетается с детерминированностью на уровне системы. Сущность неклассической картины мира выражает принцип дополнительности, сформулированный Вернером Гейзенбергом: «Одно и то же событие мы можем охватить с помощью двух различных способов рассмотрения. Оба способа взаимно исключают друг друга, но также дополняют друг друга, и лишь сопряжение двух противоречащих друг другу способов рассмотрения полностью исчерпывает наглядную суть явлений» [Гейзенберг, с. 205–206]. В противоречащих одно другому явлениях присутствуют равно существенные аспекты единого комплекса сведений об объектах [Бор, с. 393]. Эвристический смысл неклассического типа рациональности заключается в акцентировании вероятностного движения, роли случайности, многовариантности развития, возможности сосуществования разнокачественных характеристик.

На исходе XX в., в результате кризиса квантово-релятивистской парадигмы, определились главные контуры постнеклассической картины мира. В ее основу легли выдвинутые немецким физиком Германом Хакеном идеи синергетики, сосредоточенной на изучении самоорганизации открытых систем. Параметрами самоорганизующихся систем становятся стихийно-спонтанный структурогенез, нелинейность, неустойчивость, неравновесность, непредсказуемость, темпоральность (повышенная чувствительность к ходу времени), открытость в ходе обмена веществом, энергией и информацией с внешним миром. В синергетической картине мира преобладает становление, отличающееся многовариантностью и необратимостью. Синергетика внесла в миропонимание возможность резонансного воздействия на систему, находящуюся в неравновесном состоянии («эффект бабочки»). Ключевым эвристическим принципом становится нелинейность, предполагающая отказ от однозначности и унифицированности в пользу методологии разветвляющегося поиска и многовариантного знания.

Основу постнеклассической картины мира составили достижения школы И. Пригожина (который, родившись в Москве в год Русской революции, совершил революцию научную). Постнеклассическая картина мира открывает новую онтологию реальности, радикально меняющую и гносеологию: если классическое научное знание построено на картезианском каркасе мира, то постнеклассическое опирается на холистическое видение мира и переосмысление времени. Кроме того, постнеклассическая наука расширяет поле рефлексии: получаемые знания об объекте соотносятся не только с процессом и субъектом, но и с его ценностно-целевыми структурами [Степин].

Классическая НКМ описывала предметную реальность в рамках модели научного знания, позже концептуализированной позитивистской философией науки. Неклассическая научная картина мира рассматривает реальность не как совокупность тел в пространстве, а как сеть взаимосвязей. В постнеклассической НКМ реальность, трактуемая как сеть взаимосвязей, включает познающего субъекта. Философская рефлексия синергетики открывает возможность сосуществования всех трех научных картин мира, синтезируя и примиряя их на основании принципа дополнительности и обретая статус не только науки, но и мировидения. Она становится инструментом постижения сложного нелинейного мира, в котором соседствуют или противостоят друг другу случайность и необходимость, устойчивость и неустойчивость, детерминация и индетерминация, обратимость и необратимость, равновесность и неравновесность, линейность и нелинейность, динамичность и стабильность, свобода и произвол, а также иные взаимоисключающие характеристики мира [Алиева].

Неуничтожаемость прежней картины при наступлении следующей является принципиальной характеристикой процесса смены НКМ. Это предопределено принципом соответствия Н. Бора: новая научная теория включает прежнюю теорию и ее результаты как частный случай. Как показал И. Пригожин, элементы и законы ньютоновской механики сохраняют свое локальное значение и продолжают функционировать в нишах, для которых характерны устойчивость, порядок, однородность, равновесие, замкнутость и линейные соотношения. Механистическая парадигма, несмотря на ее ограниченность, остается точкой отсчета для многих направлений мысли и продолжает определять мышление в ряде направлений социально-гуманитарного знания, в том числе в политической мысли.

Татьяна Алексеева справедливо констатирует запаздывание вхождения теории международных отношений (ТМО) и смежных областей, включая политическую науку, в неклассическую и постнеклассическую эпоху [Алексеева Теория...]. Одной из попыток обновить в этом смысле политологию и ТМО, имплантировать в них элементы неклассической и постнеклассической картин мира стали идеи конструктивиста Александра Вендта, предложившего рассматривать социальную науку под углом зрения квантовой физики [Wendt; Алексеева, Минеев, Лошкарев, Ананьев]. Этот подход расширяет возможности для обоснования теоретического плюрализма, поскольку использование квантово-волнового дуализма позволяет, в частности, примирить ряд противоположных философских течений. Крупная актуальная задача политического знания — понять, каким образом постнеклассические сдвиги проецируются в политическую сферу. Очевидно, что для политики все более характерны экспоненциальное универсальное нарастание нелинейной динамики, движение к нестационарной системе социальных связей, деиерархизация власти в пользу сетевой матрицы, распространение гибридных форм организации управленческих институтов и т.д. Параметрами политического мира становятся размывание референтов и референций, явление незавершенной переходности, составляющее «ускользающую натуру» текущего времени. В *онтологическом* плане постнеклассическая картина политического мира проявляется в том, что, как выразился Зигмунт Бауман, «указатели поставлены на колеса и имеют дурную привычку исчезать из вида, прежде чем вы успеете прочитать то, что на них написано, осмыслить прочитанное и поступить соответственно» [Бауман, с. 113–114].

Важно понять, как именно должно меняться политическое знание в контексте изменения научной картины мира и общей методологии науки. Очевидно, что речь идет не об однонаправленной связи причина-следствие, а о более сложном взаимовлиянии. Проблема заключается в прояснении этой взаимосвязи и соответствующем переосмыслении эпистемологии политического знания. Пока же преобладающей методологией политической рефлексии остается по преимуществу механистическая гносеология: динамичные нелинейные процессы рассматриваются в линейно-детерминистском ключе. Гносеологическая некорректность коренится в ограниченности *методологии* политологии и компаративистики в частности.

В чем истоки сложностей в обновлении политической методологии? В 1980-х годах Кристофер Ахен скептически оценил аутентичность политической методологии, отмечая, что она в большой мере построена на заимствованиях — на «поддержанных преобразованных инструментах, созданных в свое время представителями других дисциплин» [Achen Towards theories...]. «Отсутствием дисциплинарной аутентичности» Хейуард Роуз Алкер-мл. объяснял «комплекс неполноценности» политических методологов [Алкер, с. 766, 769]. Действительно, недавно вышедшее в свет первое в России фундаментальное издание по методологии политической науки [Современная политическая наука...] показало, что большинство представленных в этом компендиуме парадигм в той или иной мере востребовано также смежными дисциплинами.

Однако уязвимость политической методологии видится не в этом. Еще в середине 1990-х годов Х.Р. Алкер-мл. предлагал переосмыслить основы политической методологии, «определение которой как политической статистики слишком узко» [Алкер, с. 776]. Путь к достижению ее аутентичности он видел в преодолении «антипатии к философским течениям в рамках социальных наук и к теоретическим спорам, начатым еще классиками политических исследований» [Там же]. Позиция Алкера развивала подход, изложенный еще Хэдли Буллом в его статье 1969 г., положившей начало «вторым большим дебатам» в теории международных отношений. Известный британский теоретик считал недопустимым редуцирование международной политики к ее позитивистской интерпретации: «Студент, для которого изучение международной политики сводится исключительно к введению в методики теории систем, теории игр, симуляции или контент-анализа, просто отрезан от предмета; это отнюдь не способствует развитию его интуиции, касающейся превратностей международной политики или моральных дилемм, к которым они приводят» [Bull, p. 24–25]. Алкери Булл были отнюдь не одиноки в подобных оценках, однако их призыв оставался без внятного ответа.

Мэтр современной политологии, соавтор известного концепта эффективного числа партий Рейн Таагепера в начале наступившего столетия настаивал на необходимости существенного расширения методологии социальных наук. Оценивая гносеологический аппарат политологии, Таагепера вел речь, среди прочего, не просто о применении математики и вычислений, а «об уместном их соединении с логикой и другими исследовательскими возможностями» [Taagepera Making... Taagepera Logical...]. Причем в 2016 г. он говорил об этой проблеме уже едва ли не в алармистской тональности,

подчеркивая, что «политология, как и другие социальные науки, сегодня *менее* научна, чем полвека назад» [Taagerpera Science...].

Такое положение тем более удивительно, что предпосылки прорыва в мировой компаративистике / политологии налицо: впечатляющий эвристический потенциал, солидный корпус исследователей, интенсивность и качество профессиональной коммуникации. Уплотняется и формирующий повестку список системных вызовов — достаточно упомянуть новую проблему искусственного интеллекта. Почему же прорыва не происходит? О причинах, как и об оценке состояния политической науки по существу, можно спорить. На наш взгляд, надо говорить скорее об инерционной фазе в развитии научного знания — «нормальной науки» в терминологии Т. Куна. Но это не снимает вопроса об эвристической уязвимости политологии в целом и ее сравнительной ветви в частности. Поскольку речь идет о многофакторном явлении, ответ не может быть односложным. Однако в данном контексте принципиальное значение имеет качество методологии — именно от него зависит эвристическая эффективность.

Можно предложить три неисчерпывающих объяснения «застоя». 1) Методологический дискурс вытеснен на далекую периферию дисциплины. 2) Налицо дисбаланс в использовании различных категорий методов: применение статистических методов гипертрофировано в ущерб всей палитре количественных, и тем более качественных инструментов. 3) В сфере собственно методологии слабо сопряжены актуальный и исторический опыт: доминирует американская сциентистская традиция, порвавшая с традициями английского историзма и, шире, — с традициями континентальной европейской философии; кросс-темпоральный компаративный анализ недостаточно обоснован методологически и методологическое обоснование порой выглядит как «уходящая натура».

Затронем лишь две первые из отмеченных проблем. Прежде всего обращает на себя внимание смещение фокуса методологических дискуссий: под рубрикой *методологии* обсуждаются вопросы *методики* — процедуры, техники и методы. Посвященный методологии раздел знакового издания «Политическая наука. Новые направления» на три четверти посвящен методическим вопросам [Политическая наука]. Изданный в Оксфорде объемный фундаментальный труд по политической *методологии* «The Oxford Handbook of Political Methodology» [The Oxford...] представляет собой главным образом обсуждение *методов*, как и соответствующий раздел другого авторитетного издания «The Oxford Handbook of Political Science», [Brady, Collier, Box-Steffensmeier Overview...], и так — повсеместно. Характерно, что такой подход складывался на протяжении десятилетий. Л. Бартелз и Г. Брейди в начале 1990-х годов перечисляли заимствования в политической методологии из других дисциплин: технические приемы для применения событийного счета, пространственные модели и модели ложных определений, параметры совокупных данных, измерения пропавших данных, анализ данных динамического ряда [Bartels, Brady, p. 121]. Конечно, выбор методов задается методологической оптикой, ракурсом, однако это никак не заменяет обсуждения методологической проблематики. Налицо подмена даже не понятий — системных категорий, а значит, неблагополучие в выстраивании профессионального дискурса.

Путаница, встречающаяся даже в солидных академических изданиях (и отечественных, и зарубежных), побуждает к уточнению ключевых эвристических инструментов. Хрестоматийно известное различие теории, методологии (которая в случае с политологией нетождественна философии политики!), методике и методов исследования — отнюдь не достояние прошлого.

*Теория* – совокупность логически увязанных между собой утверждений/суждений, выведенных из исходных предположений/допущений, призванная дать объяснение/характеристику изучаемых явлений/процессов. Наиболее общие (большие теории) представляют собой метатеории — парадигмальные/межпарадигмальные конструкции, являющиеся масштабными средствами интерпретации крупных областей/процессов и связывающие онтологические, методологические и эпистемологические измерения. Хотя идеи Т. Куна принято критиковать, введенное им понятие *парадигмы* в качестве модели постановки проблем и их решений имеет существенную ценность. Предложенный Робертом Мертоном термин *теории среднего уровня* обозначает конструкции, находящиеся между частными рабочими гипотезами и всеохватными систематическими попытками разработать единую теорию, способную дать объяснение всем типам социальных изменений. Наконец, *частные теории* описывают конкретные параметры объектов/процессов и операционализируют объяснительные возможности теорий среднего уровня.

*Методологию* никак нельзя свести к методам — это контекст интерпретации, определяющий систему координат, исходные установки, принципы и способ рассмотрения предмета. Разница между *теорией предмета* и *методологией его изучения* состоит в том, что теория объясняет структуру/действие явления/процесса, а методология задает модус/ракурс/способ его рассмотрения посредством помещения в контекст более общих парадигмальных конструкций, близких к метатеориям. В сфере политики различие между *политической методологией* и *политической философией* состоит в том, что первая задает принципы и способ рассмотрения *политического мира*, тогда как вторая фокусируется на *отношениях человека и политического мира*. *Методы* представляют собой совокупность разнообразных эвристических средств, стандартов, правил, инструментов, позволяющих выявлять причинно-следственные связи, закономерности и тенденции развития мира политики [Гаман-Голутвина Сравнительная политология, с. 25]. *Методика* – совокупность приемов, техник, процедур применения методов.

Следует отметить, что разграничение политической методологии и политической философии необходимо в аналитическом смысле; в реальном же процессе познания политическая философия выполняет и методологическую функцию. По сути, любая политическая методология — это то или иное понимание политики, явно или неявно основанное на определенной философской системе. Из этого вытекает фактическое единство методологии и онтологии, и за различными методологиями — будь то бихевиоризм, структурно-функциональный анализ, сетевой подход или картирование — стоят определенные трактовки политики.

Понимание методологии в мировой политической науке определили особенности американской компаративистики — не только старейшей, но также и наиболее профессионально развитой школы. В свою очередь, в США характер дискурса о политической методологии во многом определен относительной молодостью этой субдисциплины, которая сформировалась только в середине 1970-х годов, когда был основан журнал «Политическая методология», позже переименованный в «Политический анализ» [Beck]. Как вспоминал К. Ахен, тогда политическая методология чаще была призванием, чем профессией: «Ни один политологический журнал не приветствовал методологические статьи, и многие журналы отклоняли их сразу же. Никаких форм организации политических методологов, которые бы агрегировали их потребности, не существовало» [Achen Editorial].

В начале 1990-х годов крупный специалист в области количественного анализа Гэри Кинг привел целый ряд понятий, определивших то, что «сейчас мы называем политической методологией» [King On Political... p. 1]: «политическая статистика» (год появления — 1926), «политическая арифметика» (1971), «полиметрия» (1972), «количественная политическая наука» (1973), «политиметрия» (1975), «политометрия» (1976) и т.д. Г. Кинг однозначно отождествил политическую методологию с количественным анализом и выделил пять этапов эволюции этого направления в XX столетии, исходя из масштабов и сложности применяемых количественных методов. Последние главным образом заимствовались из других областей — по признанию Кинга, без должной модификации или адаптации, — прежде всего из эконометрии и психометрии. Но то уже в 1980–1990-х годах отождествление политической методологии с количественным анализом подверглось критике. К. Ахен настаивал на том, что взятые из других областей статистические техники не должны доминировать в политической методологии, и призывал развивать теорию [King On Political... p. 9].

В начале XXI в. политическая методология все еще считалась «молодой» субдисциплиной [Achen Toward a New... p. 423]. С тех пор она прошла период активного роста, и в настоящее время две секции по политической методологии относятся к крупнейшим в Американской ассоциации политической науки. При этом и сегодня характер данной субдисциплины продолжает трактоваться лишь как знание о методах, как «характеристика методов и способов подбора методов для решения вопросов политической науки» [Roberts, p. 597].

Существенную роль в американском понимании политической методологии сыграл генезис политической науки. Можно выделить четыре мотива, повлиявших на идентичность этой научной отрасли при ее построении в США. А АПН возникла в начале XX в. в результате выделения инициативной группы из Американской исторической ассоциации. Стремясь обрести отдельную от историков идентичность, политологи положили в основу определения своего предмета дистанцирование от истории. Во-первых, они оставили историкам прошлое и сосредоточились на современности, во-вторых — ограничили ракурс своего анализа формально-юридическими измерениями политики, предоставив изучение остальных социальных факторов другим. В-третьих, новая наука Нового Света стремилась обрести собственное лицо, отличное от европейских социо-

научных школ, — отсюда ее дистанцирование от традиций европейского теоретизирования в области философии, истории, социологии. Это отличало политологов от социологов, которые и в США работали в логике европейской теоретической традиции, что способствовало впечатляющему и продуктивному развитию американской социологии в XX в. В-четвертых, политологи, опять же в отличие от социологов, изначально стремились к специализации, и это определило эмпирический профиль новой науки. Данный алгоритм становления имел серьезные последствия: политология формировалась вне адекватного исторического, теоретико-методологического и философско-социологического контекста и была по сути лишена теории, будь то метатеория или теории среднего уровня [об истории отрасли см.: Munck, Snyder].

В дальнейшем арсенал политической методологии в США складывался в немалой мере путем инкорпорации подходов и методов других, главным образом формализованных, дисциплин, особенно прикладной эконометрики. В 1980-х годах департаменты политологии даже принимали в штат эконометристов и статистиков. Политическая методология и сегодня в немалой мере опирается на эконометрику и современную статистику, хотя различия между методологией и статистикой очевидны: статистика оперирует данными, методология основана на теории [Beck]. Разумеется, существуют и менее узкие трактовки методологии политической науки. Например, в обзоре Г. Брэйди, Д. Кольера и Ж. Бокс-Стеффенсмейер [Brady, Collier, Box-Steffensmeier Overview...] политическая методология понимается несколько шире, но акцент все равно сделан на методах.

Все это, на наш взгляд, является неизбежным следствием того, что еще в середине 1980-х годов критиковал К. Ахен, — отторжения субстантивной повестки, неприятия философско-сущностных измерений политики и ее философско-методологической рефлексии как аксиологически избыточных, диссонирующих с преобладающим типом рациональности, смещения порой в плоскость *de facto*-позитивистской тональности. Несмотря на мощную традицию обсуждения политико-культурных измерений политики на протяжении более полувека, содержательно-динамические, антропологические, ценностные и в целом нормативные компоненты политической методологии оказались потеряны. Точнее, они остаются элементами предметного поля, но лишены методологической роли.

Позитивистская методология, казалось бы, давно изгнанная с официальной кафедры и раскритикованная в бесчисленном числе работ последних десятилетий, частично вернулась «через окно» — в образе новейших тенденций, которые при близком рассмотрении оказываются хорошо знакомым отрицанием «метафизики». Вариацией свежей версии неузнанного позитивизма в рамках тренда коммерциализации политического времени выглядит дальнейшее смещение дискурса в плоскость даже не утилитаризма, а упрощенной маркетизации. Экспансия эконометрики, к строгой научности которой апеллировала целая когорта политологов, и в целом экономизма имела одним из своих следствий маркетизацию политико-методологического дискурса. Наблюдаемое перерождение методологического дискурса в методический может объясняться, среди прочего, тем, что политологи в условиях кризиса политической науки совершенствовали метод и его теорию.

В отечественной политико-философской и науковедческой традиции понимание методологии принципиально иное. Она трактуется в эпистемологически-динамическом ключе — как модус/угол зрения/способ рассмотрения объекта посредством помещения его в более широкий метаконтекст, задающий фокус изучения. Сложившаяся в СССР в 1960–1980-е годы школа философии, методологии, гносеологии науки и науковедения, представленная плеядой ярких имен, принадлежала к числу наиболее развитых направлений отечественной философии и, несомненно, соответствовала мировому уровню. Состояние же современного российского политико-методологического дискурса удручает.

По-видимому, это стало результатом наложения двух факторов. Во-первых, становление отечественной политической науки, официально признанной в конце 1980-х годов, пришлось на период упадка социальной роли и авторитета фундаментальной науки в обществе. Спрос практической политики преимущественно на прикладные отрасли повлек за собой диспропорции в структуре политического знания в пользу инструментальных направлений. Во-вторых, на этапе своего становления отечественная политология восприняла не столько сильные стороны американской школы политической методологии (эффективный количественный анализ), сколько индифферентность к философско-методологической рефлексии. Более того, в постсоветском контексте этот тренд обрел гипертрофированную форму, и интерес к вопросам методологии в России упал даже ниже того уровня, на котором он находится в американской политической науке. В итоге методология изучения политики занимает маргинальное место в профессиональных дискуссиях, публикации по теме малочисленны и фрагментарны, а предметное поле поддерживается усилиями немногих энтузиастов. Подчеркнем, что речь идет именно о политической методологии (принципы, способ изучения): если философия политики (отношения человека и политического мира) все же находит в России авторов, хотя и заметно уступает прикладным направлениям, то политическая методология остается падчерицей политической науки. Не случайно первое систематическое отечественное издание по методологии было опубликовано только в 2019 г.

Необходимо подчеркнуть и другое — методологическая слабость состоит в отсутствии адекватной рефлексии о том, какой должна быть трансформация политологии, чтобы она была релевантна субстантивным и динамическим характеристикам постнеклассической политики. Одно из проявлений этого — разделенная оптика анализа статических и динамических (процессуальных) измерений нелинейных процессов. Методологический вызов заключается в императиве соединения субстантивных и динамических измерений в оптике, адекватной постнеклассической политике. Отрадно, что в последние годы методология политической науки, наконец, получает развитие благодаря деятельности Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН под руководством Михаила Ильина и изданию под эгидой этого центра специализированного ежегодника.

Что касается компаративистики, то, как и в политической науке в целом, ее принципиальная проблема видится именно в эрозии методологических оснований. Сегодня мы вновь наблюдаем многие из тех слабых мест, осознание которых в 1970-е годах



побудило к отказу от методологии бихевиоризма и структурного функционализма. Критика в адрес двух этих парадигм была связана с тем, что они ставили компаративистику преимущественно на основу позитивистской методологии и тем самым лишали ее аксиологической составляющей, делали ее мало восприимчивой к неинституциональным измерениям политики, способствовали не всегда оправданной формализации и преобладанию количественных методов анализа. Как следствие, данный тип методологии, с его эвристической уязвимостью, ограничивал возможности создания картины политического мира, обладающей многообразием адекватным реальности.

Обновление компаративистики в 1970–1980-х годах опиралось в большой мере на неоинституционализм, имеющий такое множество разнообразных направлений, что его порой не признают в качестве единого направления. Именно эта множественность неоинституционализма (наряду с целым спектром других политико-философских течений, которые также послужили источниками методологического обновления компаративистики) обуславливала ее плюралистичность в 1990-х годах и в первом десятилетии XXI в. Как справедливо констатировал Л. Сморгун, неоинституционализм — доминировавшая методологическая парадигма сравнительной политологии на рубеже веков — определил многие особенности данного этапа ее развития. Усилилась междисциплинарность исследований; возросли роль и значение концептуализации и моделирования, равно как и степень реализации объяснительной функции сравнительных исследований. Неоинституционализм расширил политико-региональный спектр анализа на макроуровне, способствовал интересу к процессам возникновения институтов в различных культурных контекстах и расширил возможности универсальных обобщений [Сморгунов Методологический... с. 302–303].

Заслуживают внимания изменения, направленные на очищение методологии компаративистики от издержек сциентизма. Особую роль здесь сыграл конструктивизм, который стал попыткой преодолеть недостатки теории рационального выбора и экономического экспансионизма в целом, реакцией на коммуникационную революцию и повышение значимости когнитивных аспектов политики. Конструктивистский подход, восприняв идеи коммунитаризма и коммуникативизма, синтезировал достижения когнитивистики, интерпретативизма, постмодернизма и «мягких» течений неоинституционализма. В компаративистике конструктивизм оказался наиболее продуктивен в изучении политических культур и изменений; идентичности, этничности; субъективно-когнитивных сторон политики. Тем не менее, в отличие от ориентированного на нарратив и объяснение интерпретативизма (еще одного противовеса сциентизму), конструктивизм сохранил свойственный позитивизму акцент на каузальности в анализе политики, в связи с чем его нередко рассматривают как не выходящий за рамки позитивизма.

Хотя методологический плюрализм компаративистики начала XXI в. порой считается признаком ее теоретического кризиса, такая оценка не бесспорна. В последний период в отрасли усилилась тенденция к синтезу конкурирующих методологий и смягчению традиционных методологических оппозиций (анализа и описания, объяснения и понимания, позитивизма и герменевтики). Проблема состоит в том, что синтез разно-

направленных исследовательских ориентаций достигается преимущественно на пути аддитивности. В этой связи в литературе обоснованно отмечается важность поиска холистской основы, которая позволила бы разрешить проблемы методологического синтеза и повысить его роль в трансформационных процессах в компаративистике, повысив ее эвристические возможности [Сморгунов Методологический... с. 302].

В методологическом плане современная сравнительная политология мультипарадигмальна, но вопрос о непротиворечивых основаниях синтеза ее методологий остается открытым. Здесь важно не просто избежать эклектики — предстоит найти ключи к интерпретации таких измерений политического процесса, как неустойчивость, переходность, разнокачественность, что предполагает не только преодоление чрезмерно жестких эвристических схем, но и выход за границы дисциплины. Самоочевидным решением кажется междисциплинарность, однако вряд ли этот простой рецепт способен дать адекватный ответ на сложный вызов. Междисциплинарные подходы востребованы там, где источники и факторы возникновения, причины и драйверы эволюции изучаемых явлений и процессов имеют разнокачественную природу, а динамика эволюции детерминирована множеством факторов различного происхождения. Применительно к политической науке актуальность междисциплинарных исследований дополнительно обусловлена сложносоставностью предмета — вспомним знаменитую метафору Габриэля Алмонда о «столиках в кафе», отражающую множественность «школ и сект» в политической науке [Almond]. Серьезная методологическая дилемма состоит в алгоритме сопряжения этих условных «столиков»: станет ли внутренний дизайн этого многообразия вавилонской башней или же обернется «цветущей сложностью», соответствующей многослойности объекта — бесконечно сложного мира относительных истин? [Торкунов; Гаман-Голутвина Политология...]. Сложность политологии в этом качестве состоит, в частности, в том, что она оперирует закономерностями вероятностного порядка, большинство из которых имеет относительно короткий период действия [Алмонд].

Далеко не всякое пересечение межпредметного знания означает подлинно междисциплинарное исследование – велика вероятность мультидисциплинарного шведского стола (Р. Таагепера). Более эффективной представляется иная модель интеграции. Обычно междисциплинарность мыслится по предметному принципу, однако несистемный и неустойчивый *ad hoc* характер данного подхода к интеграции ограничивает его эвристические возможности и делает его методологически уязвимым.

Более многообещающей выглядит предложенная Центром перспективных методологий ИНИОН РАН идея трансдисциплинарной стратегии, меняющей связи и соотношения между предметом и методом. Трансдисциплинарное взаимодействие представляет собой трансферт знаний методологического типа, которые не затрагивают теоретического содержания дисциплин, не вносят изменений и не закрепляются в теории их предметной области. Данный подход состоит в интеграции через определенное дистанцирование от поля предметного дробления и выход в более абстрактное «надпредметное», «наддисциплинарное» пространство науки, что возможно в рамках рефлексивного подхода, получившего в современных исследованиях статус метатео-

ретического. Он образует слой знания, располагающегося как бы «поверх» поля наук, но тесно с ним связанного посредством методологической рефлексии многообразных предметных знаний. С другой стороны, этот подход восходит к всеобщим основам рефлексии как таковой, сближаясь с философией, но ориентируется на вычленение в ней особого типа научной рефлексии, связанной с общими условиями формирования и развития научных знаний. Коллеги выдвигают гипотезу о существовании именно в этом слое тех комплексов методологических и метатеоретических знаний, которые они определяют как органы-интеграторы, способствующие методологически корректной интеграции различных наук. Органы-интеграторы могут существовать вне приложения к предметным областям конкретных дисциплин, но при этом способны действовать и в определенных дисциплинарных границах, насыщаясь необходимой предметностью [Ильин Методологический... с. 6–11; Ильин, Фомин, с. 23; Авдонин, с. 266, 269]. В этом качестве обсуждаются эвристические возможности математики, семиотики и морфологии. Вскользь упоминается и потенциал компаративистики, однако ее эвристические возможности как инструмента трансдисциплинарной интеграции субдисциплин политической науки и смежных направлений остается недооцененным. Между тем именно политическая компаративистика способна эффективно выполнять функции трансдисциплинарной интеграции политического знания.

Как уже отмечалось выше, существующие эпистемологические парадигмы ориентированы на устойчивость, системность, упорядоченность. Их нерелевантность стимулирует поиск адекватных новой реальности эпистемологических конфигураций, отражающих такие явления в современной политике, как экстраординарность, случайность, неустойчивость. В последнее десятилетие вышли в свет работы Джейн Беннет, Квентина Мейасу, Бруно Латура, в которых предлагается принципиально новый взгляд на онтологию (и, соответственно, эпистемологию), объединяющий природу, технику и человека в единые «ассамбляжи» («коллективы»), по-новому ставятся вопросы причинности, субъектности, уникальности, случайности [Latour; Meillassoux; Bennett].

В контексте обсуждения новых теоретико-методологических горизонтов уместна постановка вопроса об эвристических возможностях синтеза общей космологии с социальной космологией и с когнитивистикой, подкрепленной нейронаукой (М. Ильин). Востребованы теоретические конструкты, обладающие потенциалом многомерного и нелинейного отражения характерных для постнеклассической картины мира неустойчивых состояний политической сферы как сада расходящихся тропок.

Примером служит интегративная концепция лиминальности (от лат. *limen* — порог), которая может стать новой парадигмой познания политической реальности. Как отметил Леонид Сморгунов, обобщая имеющиеся исследования по этой теме, концепция лиминальности открывает возможности описания таких состояний, когда система меняет свои структурные, идентификационные и функциональные свойства на другие, но переход остается незавершенным, что ведет к неустойчивости и росту конфликтности. Лиминальность может быть истолкована как переходное состояние между различными порядками социальности [Neumann; Сморгунов Политическое...]. Эта концепция черпает методологические основания в символической интеракционистской антропо-

логии, постструктурализме и реляционной социологии и апеллирует к реляционности и процессуальности политической феноменологии. Эвристический потенциал данного подхода может оказаться особенно востребован в политической сфере, где неразличимы современное и традиционное, насилие и слабость, свобода и подчинение, западное и восточное [Чугров]. Актуальности этому направлению добавляет специфика субъектных измерений современной политики [Соловьев; Gaman-Golutvina *Political Elites in the USA... Gaman-Golutvina Political Elites in the Commonwealth... Gaman-Golutvina The Changing Role...*].

Проблемой компаративистики, таким образом, является существенное отставание в интеграции постнеклассической картины мира в свой методологический арсенал, что в немалой степени связано с преобладающим влиянием сциентизма. В какой-то мере такое запаздывание оправдано тем, что ньютоновская картина мира остается верной локально. Однако ориентация на нее как на гносеологический инвариант, по всей видимости, методологически уязвима. Данное противоречие имеет объективный характер — оно обусловлено вероятностной природой политического знания, побуждающей искать источники повышения его достоверности в знании естественнонаучном, отличающемся более высокой внутренней валидностью. Но принципиальной ошибкой является обращение не к постнеклассическим теориям, а к теориям классической эпохи. В этом случае мы имеем дело с очевидным онтологическим редукционизмом, который предстает результатом редукционизма эпистемологического — сведения методологии к методу, что побуждает обратиться к рассмотрению методного измерения сравнительной политологии.

### **Споры о методах**

Для инструментария современной компаративистики импульс бихевиоральной революции 1950–60-х годов был благотворным, и в последующие десятилетия методное оснащение субдисциплины и политической науки в целом интенсивно совершенствовалось. (При этом первое постбихевиоральное поколение американских политологов получало подготовку в рамках других дисциплин — сначала по профилю социологии, позже экономики [Beck]). Дискуссии о методах в политологии хронологически и по своей концептуальной сути совпали со вторыми «великими дебатами» в теории международных отношений и, несомненно, принесли свои плоды — методический арсенал компаративистики в настоящее время обширен и разнообразен, хотя картина далеко не безоблачна. Видный американский специалист по вопросам методного оснащения компаративистики Джон Герринг как-то заметил, что ключевые размежевания в современном социальном знании проходят не по идеологическим, а по методическим границам, и это разделение настолько глубоко, что обозначающие различные методические направления и школы определения иногда используются в полемике оппонентами как бранные [Gerring *Social... p. XIX–XX*].

Методная экспансия бихевиорализма и близких ему направлений была настолько активной, что в 1994 г. известный французский исследователь Матей Доган констатировал тенденцию «сверхквантификации» [Dogan, p. 37]: прогресс в методной технике

не сопровождался должным продвижением в деле корректного сбора данных и преодолением разрыва между данными и методом. Доган был не одинок в осознании проблемы — годом ранее Дэвид Кольтер [Collier; см. также Collier, Munck] представил аргументы в пользу качественных методов, а в год, когда Доган вынес свой вердикт, Гэри Кинг, Роберт Кеохейн и Видни Верба предприняли первую значимую попытку синтеза количественных и качественных методов [King, Keohane, Verba; анализ дискуссии см.: Гаман-Голутвина Сравнительная политология, с. 81–86; Локшин]. Эти авторы исходили из того, что количественные и качественные методы в главном фундаментально схожи: они прокладывают путь к строгому научному знанию, и поэтому исследовательский дизайн, применяемый в границах этих подходов, на глубинном уровне может быть одинаковым. Они старались последовательно применить к двум парадигмальным методикам один и тот же алгоритм и продемонстрировать эффективность единой логики. Ограниченная эвристическая ценность этого эксперимента была обусловлена спорностью исходной посылки: универсальная логика и проистекающий из нее исследовательский дизайн были заимствованы преимущественно из математической статистики и эконометрики.

В качестве центрального критерия и основной цели «правильного» исследования авторы рассматривали выявление причинно-следственных связей — то есть на первый план анализа выдвинулась проблема причинности. При этом использовалось понимание причинности, сложившееся в рамках количественной парадигмы, которая соответствует свойственному естественным наукам идеалу научной строгости. Однако детерминизм в такой интерпретации настолько трудно реализуем, что его можно обнаружить разве что в лабораторных условиях. Кроме того, данное понимание причинности не является единственным.

Илья Локшин справедливо обращает внимание на заслуживающие более пристального внимания альтернативы. Так, идея прослеживания причинного механизма («causal mechanisms» и «process-tracing») играет особенно заметную роль в традиции качественных исследований, при этом существенно отличаясь от модели причинности, характерной для количественных проектов. Отличие это столь глубоко, что даже элементы информации, на которых строятся выводы в этих двух моделях, различны: в количественном подходе это «наблюдение из базы данных» («data-set observation»), в качественном — «наблюдение о процессе причинности» («causal-process observation»).

Полагание на императивы количественной методной техники обусловило отсутствие внимания к прослеживанию причинного механизма. Неслучайно и такие существенные элементы исследования, как концептуализация, качество измерения, а также используемые в качественных исследованиях иные детерминистские модели остались вне поля зрения, что косвенно связано с акцентом на статистическом анализе. В целом приведенные трактовки причинности побуждают вспомнить пришедшие из механистической картины мира аналогии с естественными науками, а заявленная попытка преодоления односторонности двух методных техник стала по сути апологией количественных (читай — статистических) методов, поскольку была построена на методологически некорректной абсолютизации квантификации.

Заметим, что в компаративистике «process tracing», выполняя функции прослеживания причинных механизмов, сыграл роль также в качестве сравнительной методологии решения вопроса о том, нужно ли изучать статистическое множество случаев, чтобы получить обоснованный результат. Ответ был отрицательным, поскольку изучение возможно посредством рассмотрения отдельных казусов.

Осознание эвристической уязвимости безапелляционной ставки на количественную парадигму и попытки ее балансировки обрели концептуальную форму спустя десятилетие [Rethinking social...]. В фокусе критики оказались завышенные возможности количественных техник и недооценка потенциала качественных методов. Эта и последующие дискуссии показали, что заимствованное из естественнонаучной сферы узкое понимание причинности не только не является универсальным (и доказуемо преимущественно в искусственных условиях), но и оставляет вне сферы рассмотрения механизм причинности, ограничивая тем самым возможности концептуального понимания каузальности. Исключительное сведение фокусов исследования только к выявлению детерминистских связей неправомерно девальвирует потенциальные эвристические эффекты иных гносеологических форматов, включая фокусированные case-studies, типологизации и классификации, которые, даже если они традиционно уступают в эвристическом плане анализу каузальности, отнюдь не лишены познавательной ценности.

Завышение возможностей количественных методов неоправданно и потому, что они не позволяют выявлять эффекты сочетанной каузальности, успешное распознавание которых стало возможным благодаря разработанному Чарлзом Рэгином качественному компаративному анализу (QCA) [Ragin The Comparative...]. В компаративистике методология QCA (именно методология, а не только логическая техника) родилась не просто как результат качественно-количественных (Q/Q) дебатов, а как стратегия расширения возможностей описания более полного многообразия; кроме того, эта методология решала ряд методических проблем сравнения. Ставка исключительно на количественные методы не позволяет критически оценить их издержки, порой весьма существенные: ошибки измерения; неточности и искажения при отборе казусов; проблематичность получения адекватных характеристик сложных объектов, чреватая системным упрощением. Качественные исследования в основном избавлены от этих издержек — при углубленном изучении фокусированных сравнений не актуальна проблема отбора казусов; более последовательная концептуализация снимает проблему концептной натяжки.

Хотя около десяти лет назад казалось, что дебаты Q/Q в основном окончены [Brady, Collier, Vox-Steffensmeier Overview... p. 1040], они продолжаются. В одном из последних обзоров этих дискуссий Дж. Герринг констатирует, что качественный подход часто считается противоречащим современным стандартам анализа и недостоверным по той причине, что он способен представлять несколько правдоподобных точек зрения на предмет, ни одна из которых не может быть окончательно доказана или опровергнута. На самом деле, это недостаток, лишь если речь идет о проверке гипотез, однако если задача состоит в выдвижении новых гипотез, то это, наоборот, достоинство. Ключевое

преимущество качественных методов заключается именно в их способности генерировать новые концепции и новые рамки анализа [Gerring Qualitative methods].

В процессе длительных дебатов сторонников двух групп методов сложилась третья позиция — комбинированное применение качественных и количественных методов в рамках единой стратегии. Для ее обозначения применяются различные понятия: триангуляция, «сочетаемые» исследования, мультиметодные исследования, комбинированные, интегративные/объединенные, синтезированные методы. К настоящему времени в качестве общепринятого закрепился термин смешанные методы (mixed methods). Смешанные методы сочетают разнообразные качественные инструменты со статистическими подходами там, где это возможно. Особый интерес представляет nested analysis («совмещенный», или «гнездовой» анализ) [Lieberman]. Сторонники комбинированных методов ратуют за использование «аналитического нарратива» [Laitin; Фидря; Смирнов, Фидря] и/или «трипартистских» методов, включающих статистику, формализацию, нарратив.

Вместе с тем не стоит рассматривать смешанные методы, при всех их достоинствах, как панацею. Несмотря на то, что мультиметодные исследования становятся все более распространенными, имеются серьезные вопросы в отношении их эффективности [Gerring Qualitative methods]. Их использование также не свободно от изъянов — слабая совместимость теоретико-методологических и философских оснований, лежащих в основе различных используемых методов; сложность построения общей для количественных и качественных методов концептуальной рамки в качестве непротиворечивого базиса исследования; разные форматы сбора и обработки данных различными методами, следствием чего могут быть несопоставимые форматы различных блоков изучаемого объекта.

Таким образом, с разработкой смешанных методов проблема методической корректности компаративистики не исчезла, но обрела новое измерение, связанное с возникшим искажением в применении количественных методов, о чем в полный голос заявил на XXIV Всемирном конгрессе политической науки Р. Таагепера. Свой жесткий диагноз («Политология от полной «ненаучности» переходит ко все большей «псевдонаучности») Таагепера делает в том числе на основании анализа методического инструментария: «Это произошло, поскольку бессмысленная обработка статистических данных вытеснила логическое моделирование» [Taagepera Science...].

Тревога Таагеперы, физика по первому образованию, убежденного сторонника и разработчика количественных методов, связана не с проблемой Q/Q — сегодня очевидно, что те и другие равно востребованы и взаимодополняемы. Его озабоченность относится к неверному пути, по которому пошла эволюция количественных подходов: палитра количественных методов в значительной мере сведена к статистическим методам, чаще всего к методам линейной регрессии. Причем, по оценке Таагеперы, данный методический дискурс обрел обязательный характер в том числе из-за практики профильных профессиональных журналов — авторов, осуществляющих «логически обоснованное количественное исследование, порой принуждают к добавлению бессмы-

сленных линейных моделей» [Taagepera Science...]. Вместо того чтобы использовать статистику как инструмент, ее превращают в подобие религиозной литургии: «Слишком много рецензентов научных журналов выступают ревностными служителями такой религии. Они навязывают исполнение ее ритуалов даже тем исследователям, которые от нее далеки. .... Статистические методы — полезные инструменты. Они как долото. Но горе тому обществу, где каждый принуждается использовать долото и для выпиливания, и для копания или где количественные исследования упрощаются до одной статистики» [Taagepera Science...].

Р. Таагепера не одинок в критике неоправданного применения квантификации (в связи с чем он призывает к большему использованию качественных методов в политологии). На издержки неверного применения статистических методов и/или его неверной интерпретации обращают внимание и другие исследователи [см. в частности: Gigerenzer; Kittel; Longford; Schrodt; Valentin, Aloe, Lau.] Эта проблема поднималась представителями возникшего в начале XXI в. в американской политологии «перестроечного» движения [Perestroika!.. Making Political...]. Хотя повестка движения была пестрой, его ключевой тезис состоял в том, что мейнстрим слишком полагается на использование количественных методов, моделирование на основе теории рационального выбора и теории игр. Предлагая расширить палитру методов, обладающих потенциалом критической рефлексии реальной политики, оппоненты мейнстримного подхода утверждали, что по аналогии с описываемой в самой компаративистике ошибкой «искать ключи не там, где они потеряны, а там, где светлее», дисциплина порой склонна двигаться не в том направлении, которое наиболее актуально для общества, а в том, которое лучше всего обеспечено данными [The Relevance ... p. 10]. Видные компаративисты Б.Г. Петерс, Г. Стокер и Дж. Пьер [The Relevance...] также ставят вопрос об адекватности практикуемых ныне методов современной политической реальности. Аналогична позиция Вернера Патцельта, который констатирует неоправданное использование количественных методов за пределами их реальной востребованности, получившее распространение в связи с позицией ряда профильных журналов и аттестационных комиссий. Обратной стороной этого тренда становится недооценка качественных методов (особенно уместных в вопросах выработки новых теорий) и сопутствующее падение уровня владения данной категорией методов. [Патцельт, с. 73–75].

Подчеркнем: все эти специалисты оспаривают не само использование в политической компаративистике количественных методов (то, что они абсолютно необходимы, сомнению не подвергается), а сведение всей палитры количественных методов к одной их категории, а именно линейной статистической регрессии, поскольку такой подход рискует подменить всю множественность социальных каузальных взаимосвязей их упрощенными версиями.

В отечественной компаративистике проблема избыточной квантификации не актуальна. Скорее, остро стоит проблема слабого владения сложными количественными методами анализа, и насущной задачей является ликвидация этой лакуны.



В целом истоки неблагополучия в методическом арсенале сравнительной политологии видятся не в профессиональном несовершенстве — они обусловлены объективным противоречием. Вероятностная природа политического знания побуждает искать более надежные инструменты доказательности, которые заимствуются из формальных наук, что сопровождается системной методной экспансией. Определенные резоны для этого есть: аргументация в формальном знании обладает существенными преимуществами в плане точности, глубины и фундаментальности; соответственно, более совершенными и развитыми выглядят познавательные средства, позволяющие достигать таких результатов. Однако эвристическая неэффективность сведения высших форм и более сложных явлений к их упрощенным вариантам очевидна. Построение сложных аналитических схем на основании простого суммирования информации о более простых формах методологически несостоятельно. А. Эйнштейн показал, что ни одну значимую проблему нельзя разрешить на том уровне, на котором она возникла, — требуется обращение к более высокому уровню. Неудачи попыток разрешения отмеченного противоречия в рамках собственно методической сферы возвращают нас к методологическим поискам. Именно формулировка методологических оснований анализа, в большей мере релевантных объекту, способна дать ключ к разрешению данного противоречия, и в этом заключается серьезный вызов для политической науки в целом и политической компаративистики в частности. Предварительным условием выбора/разработки методы выступает концептуализация, реализуемая в рамках методологического позиционирования стратегии.

\* \* \*

Основные нынешние проблемы мировой и отечественной компаративистики во многом обусловлены упрощенным пониманием роли теории и методологии, которое обедняет и применяемые методные техники. Есть все основания говорить о системном редукционизме. Понимание методологии сводится к ее восприятию как метода, затем палитра разнообразных методов сужается — порой до одной категории внутри группы количественных методов. Этот двойной редукционизм обуславливает ограниченность современной компаративистики и политологии в целом с точки зрения адекватного отражения постнеклассической политики. Еще одним крупным теоретико-методологическим вызовом является императив преодоления разделенной оптики в анализе статичных и динамических (процессуальных) измерений нелинейных процессов и поиска алгоритма синтеза субстантивных и динамических измерений политики в адекватной постнеклассической политике оптике.

Однако мы склонны расценивать сложившуюся ситуацию скорее как кризис развития. Точнее, нынешний этап можно оценить — в логике модели «нормальной науки» Т. Куна — как эволюционную фазу аккумуляции, осмысления/переосмысления созданного ранее эвристического потенциала. Общепризнанное представление о циклах развития науки выделяет в каждом из них две несоразмерные по продолжительности фазы. Периоды долгого накопления данных сменяются кардинальными прорывами, после которых наступает новый длительный период освоения и развития полученных в результате прорыва результатов, исподволь готовящий новую

революцию. «Сова Минервы вылетает в полночь», — гласит известный афоризм Г. Гегеля.

В России значительная часть трех десятилетий, минувших после официального конституирования политической науки в конце 1980-х годов, прошла под знаком естественной «парадигмы освоения» (А. Богатуров), позволившей форсированным темпом и в целом успешно создать инфраструктуру (и субъекта) дисциплины. В настоящее время инерционное движение исчерпано, но выйти за его пределы пока не удастся. Данная фаза коррелирует с состоянием и мировой науки, которая находится в стадии переосмысления имеющегося потенциала, не предлагая больших идей и теорий, сопоставимых с масштабными парадигмами прошлого. Однако поскольку по многим направлениям ведется кропотливая «лабораторная» работа, вектор ближайшего развития выглядит скорее позитивным. Индуктивным и эмпирическим путем идут накопление и углубление политического знания, проверка и уточнение гипотез и теоретических конструкций. Это состояние можно выразить словами Гегеля: «Крот истории роет медленно, но роет хорошо»; потому и подлинно значимые события — «это не наши самые шумные, а наши самые тихие часы» (Ф. Ницше).

О продуктивности «негромкой», но добротной лабораторной работы свидетельствуют как результаты многих эмпирических проектов, так и восходящая динамика политологических исследований, многократно превышающая, к примеру, аналогичные показатели по истории. Разумеется, количественные индикаторы мало что говорят о качестве изысканий, но их кумулятивный эффект должен сказаться в будущем. Все это не отменяет актуальности поиска «технологий перезагрузки» — крайне важной является задача «выйти из гетто» описательных исследований [Мельвиль], что предполагает обсуждение возможных путей этого выхода. Компаративистике необходимы свои «Великие дебаты» о теории, методологии и методах, которые позволят реструктурировать поле, его теоретико-методологические и методные измерения.

Достойный ответ на эти внутренние вызовы может дать импульс к решению и более общих проблем, порождаемых меняющимися характер социальности технологическими сдвигами (искусственный интеллект, цифровизация политики, «большие данные» и т.п.). В совокупности все это помогло бы найти ключи к решению еще одной системной проблемы — оптимизации отношений между академической политической наукой и практической политикой, которые пока тяготеют к равно непродуктивным полюсам конформизма и конфликта.

## Литература

- Авдонин В.С. Методы науки в вертикальном измерении (метатеория и метаязыки-органоны) // Метод. М. 2015. Вып. 5. С.265–278.
- Алексеева Т.А. Теория международных отношений в зеркалах «научных картин мира»: что дальше? // Сравнительная политика. 2017. Т.8. №4. С. 30–41.
- Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарев И.Д., Ананьев Б.И. «Квантовый подход» к международным отношениям / Отв. ред. Т.А. Алексеева. М. 2018.

- Алиева Н.З. Постнеклассическое естественнонаучное образование: концептуальные и философские основания. М. 2008.
- Алкер Х.Р. Политическая методология: Вчера и сегодня // Политическая наука: Новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М. 1999.
- Алмонд Г.А. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука. Новые направления. М. 1999. С. 69–112.
- Бауман З. Глобализация. Последствия для общества и человека. М. 2004.
- Бор Н. Избранные научные труды. Статьи 1925–1961 гг. М. 1971. Том 2.
- Гаман-Голутвина О.В. Отв. ред. Сравнительная политология. М. 2015.
- Гаман-Голутвина О.В. Политология как метадисциплинарная матрица // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 1 (44). Январь–март (86–94).
- Гейзенберг В. Физика и философия: Часть и целое. М. 1989.
- Ильин М.В. Методологический вызов. Что делает науку единой? Как соединить разъединенные сферы познания? // Метод. М. 2014. Вып. 4.
- Ильин М.В. Современная политическая наука: кризис или развитие? // Политическая наука. 2018. № 1. С.40–67.
- Ильин М.В. Сравнительный подход в истории политической мысли // Современная сравнительная политология / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М. 2019.
- Ильин М.В., Фомин И.В. Чем и как могут насытить политические исследования математика, семиотика и морфология? // Ежегодник РАПН. М. 2017.
- Локшин И.М. 20 лет дискуссии об обновлении методологии социальных наук // МЕТОД. М. 2014. Вып. 4.
- Мельвиль А.Ю. Выйти из «гетто»: о вкладе постсоветских исследований/Russian Studies в современную политическую науку // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 22–43. — URL: doi.org/10.17976/jpps/2020.01.03 (дата обращения: 14.05.2020).
- Патцельт В. Переживает ли политическая наука кризис? // Политическая наука. 2018. № 1. С. 68–92.
- Политическая наука: новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М. 1999.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М. 1986.
- Смирнов В.А., Фидря Е.С. Сравнительный анализ проницаемости каналов рекрутирования властных групп в странах Прибалтики // Власть. 2016. №9. С. 98–104.
- Сморгунов Л.В. Методологический синтез в современной сравнительной политологии // Метод. М. 2014. Вып. 4. С. 300–310.
- Современная политическая наука. Методология. 2019 / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной и А.И. Никитина. М. 2019.
- Соловьев А.И. Политическая повестка правительства, или зачем государству общество // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 8–25.
- Степин В.С. История и философия науки. М. 2011.
- Торкунов А.В. Вызовы социогуманитарной науке в России // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 10 (8–16).
- Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. М. 2008.
- Фидря Е.С. Факторы и логики реконструирования смысла политического текста в условиях когнитивной и интерпретативной неопределенности // Полис. Политические исследования. 2019. № 4. С. 40–56.

- Хайдеггер М.* Новая технократическая волна на Западе. М. 1986.
- Чугров С.В.* Существует ли незападная политология? // Полис. 2016. № 4. С. 182–191.
- Achen C.* Toward a New Political Methodology: Microfoundations and ART // Annual Review of Political Science. 2002. Vol. 5. P. 423–450.
- Achen C.* Towards theories of data: The state of political methodology // Political Science: The State of the Discipline / Ed. by A. Finifter. Washington, D.C. 1983. P. 69–94.
- Achen C.* Editorial // Political Methodology. 1985. № 11.
- Almond G.* A Discipline Divided: Schools and Sects in Political Science. Newbury Park, L. 1990.
- Bartels L., Brady H.* The State of Quantitative Political Methodology // Political Science: The State of the Discipline / Ed. by A. Finifter. Washington, D.C. 1993. Vol. 2. P. 121–59.
- Beck N.* Political Methodology: A Welcoming Discipline // Journal of the American Statistical Association. 2000. Vol. 95. № 450. P. 651–654.
- Bennett J.* Vibrant Matter. Durham. 2010.
- Brady H.E., Collier D., Box-Steffensmeier J.M.* Overview of Political Methodology: Post-Behavioral Movements and Trends // The Oxford Handbook of Political Science. 2011.
- Bull H.* 1969. International Theory: The Case of a Classical Approach // Contending Approaches to International Politics / Ed. by K. Knorr, J. N. Rosenau. Princeton. 1969. P. 20–37.
- Collier D.* The Comparative Method // Political Science: The State of the Discipline II / Ed. by Ada W. Finifter. 1993. №105–19.
- Collier D., Munck G.* Building Blocks and Methodological Challenges: A Framework for Studying Critical Junctures // Qualitative & Multi-Method Research 15. 2017. № 1. Spring. P. 2–9. — URL: [zenodo.org/record/1145401#.Xsgbs\\_8zbc](http://zenodo.org/record/1145401#.Xsgbs_8zbc) (date of access: 15.04.2020).
- Dogan M.* Use and Misuse of Statistics in Comparative Research // Comparing Nations. Oxford, Blackwell. 1994.
- Gaman-Golutvina O.* Political Elites in the USA under George W. Bush and Barack Obama: Structure and International Politics // Historical Social Research. 2018. Vol. 43. № 4. P. 141–163. — URL: [doi.org/10.12759/hsr.43.2018.4.141-163](https://doi.org/10.12759/hsr.43.2018.4.141-163) (date of access: 15.04.2020).
- Gaman-Golutvina O.V.* Political Elites in the Commonwealth of Independent States: Recruitment and Rotation Tendencies // Comparative Sociology. 2007. Vol. 6. № 1–2. P. 136–157.
- Gaman-Golutvina O.V.* The Changing Role of the State and State Bureaucracy in the Context of Public Administration Reforms: Russian and Foreign Experience // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2008. Vol. 24. № 1. P. 37–53. — URL: [doi.org/10.1080/13523270701840449](https://doi.org/10.1080/13523270701840449) (date of access: 15.04.2020).
- Gerring J.* Qualitative methods // Annual Review of Political Science. 2017. Vol. 20. P. 15–36.
- Gerring J.* Social science methodology: A unified framework. Cambridge. 2012.
- Gigerenzer G.* Mindless statistics // Journal of socio-economics. 2004. Vol. 33. P. 587–606.
- Hargens L., Kelly-Wilson L.* Determinants of disciplinary discontent // Social forces. 1994. Vol. 72. № 4. P. 1177–1195.
- King G.* On Political Methodology // Political Analysis. 1991. Vol. 2. P. 1–30.
- King G., Keohane R., Verba S.* Designing social inquiry: Scientific inference in qualitative research. Princeton. 1994.
- Kittel B.* A crazy methodology? On the limits of macro-quantitative social science research // International sociology. L. 2006. Vol. 21. P. 647–677.
- Laitin D.* Comparative Politics: The State of the Subdiscipline // Political Science: The state of the discipline. American Political Science Association. Washington, DC. 2002.

- Latour B.* Down to Earth: Politics in the New Climatic Regime. 2018.
- Lieberman E.* Nested Analysis as a Mixed-Method Strategy for Comparative Research // *American Political Science Review*. 2005. №. 99 (3). P. 435–452.
- Longford N.T.* Editorial: Model selection and efficiency — Is ‘Which model...?’ the right question? // *Journal of the royal statistical society. Series A. L.* 2005. Vol. 168. P. 469–472.
- Making Political Science Matter* / Ed. by S. Schram, D. Caterino. N.Y. 2015. P. 17–31.
- Meillassoux Q.* Science Fiction and Extro-Science Fiction. Univocal. 2015.
- Munck G., Snyder R.* Passion, Craft, and Method in Comparative Politics. Baltimore, MD. 2007.
- Neumann I.* Introduction to the Forum on Liminality // *Review of International Studies*. 2012. Vol. 38. № 2.
- The Oxford Handbook of Political Methodology* / Ed. by J. Box-Steffensmeier, H. Brady, D. Collier D. Oxford. 2008.
- Perestroika! The Raucous Rebellion in Political Science* / Ed. by K.R. Monroe. New Haven. 2005.
- Ragin C.* Redesigning Social Inquiry: Fuzzy Sets and Beyond. Chicago, L. 2008.
- Ragin C.* The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies. Berkeley. 1987.
- The Relevance of Political Science* / Ed. by G. Stoker, B.G. Peters, J. Pierre. N.Y. 2015.
- Rethinking social inquiry: diverse tools, shared standards* / Ed. by H. Brady, D. Collier. 2004. (2<sup>nd</sup> ed.: 2010).
- Roberts M.E.* What is Political Methodology? // *PS: Political Science and Politics*. 2018. Vol. 51. № 3. P. 597–601.
- Schmitter Ph.* The nature and future of comparative politics // *European Political Science Review*. 2009. Vol. 1. № 1.
- Schrodt P.A.* Seven deadly sins of contemporary quantitative political analysis // *Journal of peace research*. L. 2014. Vol. 51. № 2. P. 287–300.
- Taagepera R.* Logical models and basic numeracy in social sciences. Tartu. 2015.
- Taagepera R.* Making social sciences more scientific: The need for predictive models. Oxford. 2008.
- Taagepera R.* Science walks on two legs, but social sciences try to hop on one // *International political science review*. Beverly Hills, Calif. 2018. Vol. 39. Iss. 1. P. 145–159.
- Valentine J.C., Aloe A.M., Lau T.S.* Life after NHST: How to describe your data without ‘p-ing’ everywhere // *Basic and applied social psychology*. Mahwah, NJ. 2015. Vol. 37. № 5. P. 260–273.
- Wahlke J.C.* Liberal Learning and Political Science Major: A Report to the Profession // *Political Science and Politics*. 1991. Vol. 24. № 1.
- Wendt A.* Quantum Mind and Social Science. Cambridge. 2015.

DOI 10.32726/2411-3417-2020-1-30-44

УДК 321; 327

ПЕТР ЯКОВЛЕВ

## Евросоюз после Брексита: ключевые геополитические и геоэкономические вызовы

**Аннотация.** Принятое английским парламентом и согласованное Лондоном и Брюсселем решение о выходе Великобритании из состава Европейского союза разделило историю этого объединения на «до» и «после». По сути, оставшиеся страны-члены ЕС должны будут не просто «переварить» политические, торгово-экономические и психологические последствия расставания с одним из крупнейших партнеров, но и создать в значительной степени новый алгоритм функционирования Объединенной Европы. На этом пути Евросоюз сталкивается со многими геополитическими и геоэкономическими вызовами, ответ на которые должны будут дать новые руководители Еврокомиссии, Европейского совета и Европарламента.

**Ключевые слова:** Европейский союз, Brexit, новое руководство ЕС, европейские и глобальные вызовы, интересы России.

Прошлый год (и очередной политический цикл) Европейский союз завершил парламентскими выборами и избранием нового руководства основных институтов этого крупного международного объединения, в последнее время переживающего не самый простой период своей истории.

Еврокомиссию (высший орган исполнительной власти) возглавила представительница Германии, первая женщина-министр обороны этой страны в 2013–2019 гг. Урсула фон дер Ляйен. Во главе Европейского совета (высшего политического органа, состоящего из глав государств и правительств стран-членов ЕС) встал премьер-министр Бельгии в 2014–2019 гг. Шарль Мишель. Пост председателя Европарламента (законодательного органа) занял итальянский журналист и политик Давид-Мария Сассоли. На ответственную должность верховного представителя ЕС по общей внешней политике и политике безопасности назначен известный испанский политик-социалист Жосеп Боррель, бывший председателем Европарламента в 2004–2007 гг. и министром иностранных дел Испании в 2018–2019 гг. В новом качестве Ж. Боррелю предстоит управлять дипломатическим корпусом Евросоюза, насчитывающим свыше четырех тысяч сотрудников по всему миру. Наконец, Европейский центральный банк (ЕЦБ) возглавила

**Сведения об авторе:** ЯКОВЛЕВ Петр Павлович — доктор экономических наук, руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, профессор Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, [petr.yakov-lev@yandex.ru](mailto:petr.yakov-lev@yandex.ru).

француженка Кристин Лагард, в 2011–2019 гг. исполнявшая обязанности директора-распорядителя Международного валютного фонда (МВФ) [Núñez Villaverde Nueva...].

Этим чиновникам предстоит решить ряд сложнейших задач: оздоровить социально-политическую обстановку на обширном пространстве ЕС, сдемпфировать негативные геополитические и геоэкономические эффекты Брекзита и попытаться вернуть Евросоюзу то место в мировой экономике и политике, которое он занимал до кризиса 2008–2009 гг. и последовавших вслед за ним глобальных потрясений.

### На пути к «Westlessness»?

В марте 2016 г. в газете «The Washington Post» была опубликована привлекающая широкое международное внимание статья известного журналиста и политолога, лауреата Пулитцеровской премии за книгу «ГУЛАГ» Энн Эпплбаум с характерным и провокационным названием в виде вопроса: «Это конец того Запада, который мы знали?» [Applebaum] По мнению автора, в тот момент от неумолимо надвигавшегося краха НАТО, Евросоюз и в целом мировую либеральную систему отделяли всего три знаковых политических события (референдум и две избирательные кампании) с весьма вероятным разрушительным для Запада результатом.

Первое такое событие — избрание (не в последнюю очередь благодаря особенностям американской электоральной системы) на пост президента США эпатажного и совершенно непредсказуемого миллиардера Дональда Трампа. Второе — казавшаяся сначала абсолютно невозможной, но постепенно становившаяся почти неизбежной победа на референдуме в Великобритании (23 июня 2016 г.) сторонников выхода Туманного Альбиона из ЕС. Третье — остро конкурентные президентские выборы во Франции в 2017 г., успех на которых многие наблюдатели прочили лидеру правой партии «Национальный фронт» Марин Ле Пен, последовательно выступавшей против участия своей страны в НАТО и Евросоюзе, критиковавшей «демонизацию России европейскими государствами с подачи США» и ратовавшей за национализацию частных французских компаний. Не случайно возможная победа М. Ле Пен расценивалась представителями европейского истеблишмента как «политическое землетрясение» в самом сердце Европы [Walt].

Похоже, что тогдашние опасения и алармистские прогнозы западных либералов не были беспочвенными. Достаточно напомнить, что Д. Трамп в роли хозяина Белого дома принялся за дело, что называется, с места в карьер. В считанные недели новый американский лидер круто изменил традиционную внешнеэкономическую политику Соединенных Штатов, торпедировав ранее достигнутые договоренности об интеграции с Европейским союзом (Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, ТТИП) и формировании торгово-экономического мегаобъединения в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Транстихоокеанское партнерство, ТТП). Д. Трамп прочно встал на путь неопротекционизма, развязав торговую и (что значительно важнее) технологическую войну с Китаем, постоянно расширяя финансовые и торговые санкции в отношении неугодных Вашингтону политических режимов и угрожая дополнительными

экономическими репрессиями латиноамериканским, азиатским и европейским государствам [Яковлев «Эффект Трампа»... с. 87–100].

Отдельные страны Евросоюза уже столкнулись с ужесточением таможенного режима в отношении ряда своих экспортных товаров (главным образом продовольственных), а в середине февраля текущего года в Вашингтоне объявили об увеличении с 10 до 15% пошлин на импортируемые в США самолеты *Airbus*, совместно производимые на десятках предприятий Франции, Германии, Великобритании и Испании. Тем самым американо-европейская торговая война грозит вступить в новую фазу, подрывая торгово-экономическую основу атлантической солидарности. В срочно опубликованном специальном заявлении руководство *Airbus* выразило «глубокое сожаление» в связи с недружественным демаршем американской стороны, попутно отметив, что от его реализации в конечном счете пострадают партнеры и клиенты европейской компании в самих Соединенных Штатах, на плечи которых ляжет тяжелое бремя оплаты повышенных таможенных тарифов [*Airbus*...].

31 января 2020 г. в 23.00 по лондонскому времени Великобритания покинула Европейский союз. Так материализовалось второе событие международной жизни, приближавшее, по утверждению Э. Эпплбаум, «конец Запада». Действительно, по мнению большинства зарубежных аналитиков, Брекзит поколебал фундамент западноевропейской интеграции, исторический успех которой в Брюсселе долгое время связывали с планомерным расширением границ ЕС и присоединением все новых и новых членов. Соединенное Королевство, с его значительными финансово-экономическими и военно-стратегическими возможностями, с особыми отношениями с США и десятками стран Содружества, представляло для Объединенной Европы один из краеугольных камней всего интеграционного процесса. Вольно или невольно подхватывая тезис Э. Эпплбаум, европейские политики и политические эксперты, включая президента Франции Эммануэля Макрона, наперебой заговорили о Брекзите как о «сигнале исторической тревоги» для всей Европы, а 2020 г. стали определять в качестве «переходного» для судеб Европейского союза. В этот период, подчеркнул Э. Макрон, новые лидеры институтов ЕС должны разработать стратегию «глубоких реформ», чтобы в будущем ни у кого не возникало «желания рассматривать выход из Евросоюза как ответ на возникающие трудности» [Alimi]. Другими словами, в европейском политическом истеблишменте теплится надежда, что Брекзит станет для континентальной Европы своего рода «прививкой» от дальнейшего развала ЕС.

Нет сомнений, что настойчиво анонсируемое Парижем «глубокое реформирование» Евросоюза — задача огромной сложности, учитывая количество накопившихся проблем и вызовов, а также весьма пестрый состав стран-членов этого объединения. Уже сейчас в рамках ЕС пролегли разделительные линии, по различные стороны которых собираются группы государств с изначально несовпадающими национальными интересами и порой противоположными представлениями о будущем Объединенной Европы. Трудно даже вообразить, какие могут возникнуть политические и дипломатические коллизии, когда начнется реальный (и неизбежно болезненный) процесс перестройки уже сложившейся системы межгосударственных отношений внутри Евросоюза.



На наш взгляд, после Брексита круто изменится в худшую сторону международное положение и самой «виновницы торжества» — Великобритании. Как бы сейчас сторонники разрыва с ЕС ни расписывали «радужные экономические перспективы» Соединенного Королевства, отправляющегося в свободное плавание в бурных водах глобальной экономики и мировой торговли, действительность, скорее всего, окажется весьма жесткой. Не без оснований многие международные аналитики указывают на то, что Лондон вступает в «полосу неопределенности и неизвестности», где весьма вероятны не самые приятные политические и экономические сюрпризы [Patten].

В то же время, демонстрируя показной оптимизм, британский премьер-министр Борис Джонсон и его единомышленники проигрывают сценарий превращения страны в своего рода «Большой европейский Сингапур на Темзе» с традиционными английскими пабами и популярным блюдом «fish and chips». Речь идет о том, что Великобритания (разумеется, при самом благоприятном стечении обстоятельств) может сохранить и даже усилить свою роль важного международного финансового центра, а также, покинув «склеротическую и чрезмерно зарегулированную» экономическую зону ЕС, стать со временем одним из мировых лидеров открытой динамичной экономики, повторив на европейской почве впечатляющий исторический успех Сингапура [Davies]. Адепты такого сценария, впрочем, искажают хорошо известные факты: сингапурская экономическая модель в действительности предполагает весьма жесткое регулирование многих сфер хозяйственной деятельности, также как и поведения граждан в общественных местах (попробуйте даже минимально намусорить на улицах Сингапура!).

Каким образом и с помощью каких макроэкономических инструментов Лондон будет решать эту квадратуру круга? Четкого ответа до сих пор не сформулировал никто из ответственных английских политиков. Скорее всего, как считают многие эксперты, британская экономика испытает травматичную ломку, а самой Великобритании придется привыкнуть к мысли, что после Брексита она (по глобальным меркам) — небольшая страна.

До настоящего времени не произошло третье событие, знаменующее, согласно прогнозной оценке Э. Эпплбаум, приближение «конца Запада». М. Ле Пен еще не стала президентом Франции, хотя вопрос окончательно не закрыт и шансы на ее победу в очередной президентской гонке с «Финансовым Моцартом» (прозвище нынешнего хозяина Елисейского дворца) остаются. Но в последние годы и без конфликтогенного президентства М. Ле Пен накопилось немало свидетельств если не конца, то стратегического отступления западной политико-экономической системы под напором других, более мощных и агрессивных глобальных (в первую очередь, азиатских) конкурентов, значительно расширивших и укрепивших свои геополитические и геоэкономические позиции [Кондратьев].

Отражением этого процесса явилась 56-я Мюнхенская конференция по безопасности (14–16 февраля 2020 г.), точнее — предварительный доклад под выразительным названием «Westlessness» («Беззападность»), подготовленный для этого междуна-

родного форума его организаторами [Westlessness...]. В документе поставлены четыре сакраментальных вопроса:

- Становится ли мир менее западным?
- Становится ли менее западным сам Запад?
- Что будет означать для мирового сообщества, если Запад уступит пальму первенства другим игрокам?
- Какую стратегию выберет Запад в эпоху конкуренции великих держав?

Отвечая на эти многозначительные вопросы, авторы доклада признали, что в последние годы в системе международных отношений сложились два мегатренда. С одной стороны, происходит «распад Запада» как относительно сплоченной геополитической конфигурации. С другой — на глобальной карте наблюдается «процесс изменения в соотношении сил», в результате чего западные державы «теряют политическое вдохновение» и все более явно утрачивают способность руководить мировым развитием. В этих сложных условиях, отмечено в докладе, жизненно необходима единая западная стратегия, но в реальности имеет место отчуждение и расхождение во взглядах по важнейшим политическим вопросам: от контроля над вооружениями и проблем международной торговли до изменения климата и роли многосторонних организаций. Поэтому неудивительно, подытожили авторы документа, что другие глобальные игроки, в первую очередь Китай («Срединное царство») и Россия, «пытаются в своих целях воспользоваться трещинами, образовавшимися в западном сообществе» [Massimo Parenti].

Таким образом, в значительной мере искусственный термин «Westlessness», вынесенный в заглавие аналитического доклада к Мюнхенской конференции 2020 г., постепенно приобретает конкретные геополитические очертания, вербализуя новую мировую архитектуру, в рамках которой, как заявил Ж. Боррель, «идея Европы может исчезнуть как политический проект» [Ignacio Torreblanca].

## Глобальное отступление Евросоюза

Что лежит в основе ослабления международных позиций Запада в целом и стран Европейского союза в частности? Ответ напрашивается сам собой: прежде всего, сокращение их удельного веса в мировой экономике (табл. 1).

Приведенные данные международной статистики показывают, что все последние годы наблюдалась сравнительно слабая динамика роста ВВП экономически развитых государств, уступавшая темпам увеличения мирового ВВП и, особенно (в 2–2,5 раза), аналогичного показателя развивающихся стран. В результате в 2006–2018 гг. в общем объеме мировой экономики произошло весьма существенное сокращение удельного веса как всех развитых государств (с 57,5 до 44%), так и стран-членов Европейского союза (с 22,9 до 16,3%).

Характерно, что самые низкие индикаторы экономического роста, на грани статистической погрешности, демонстрировали (помимо уже давно стагнирующей Японии) все

три крупнейших государства Зоны евро: Германия, Франция и Италия. Если торможение итальянской экономики стало делом привычным, то свалившаяся как снег на голову информация о резком падении прироста германского ВВП (0,4% в 2019 г.) явилось для Объединенной Европы настоящим шоком, поскольку речь шла о главном локомотиве всей экономики Евросоюза. На заказы основных отраслей мощной германской индустрии (автомобилестроение, станкостроение, химия и нефтехимия, фармацевтика и др.) десятилетиями «завязаны» тысячи европейских предприятий, которые в близких к рецессии условиях несут колоссальные убытки [Яковлев Время...].

Таблица 1

**Динамика мирового ВВП по ППС (изменение в % к предыдущему году)**

Страны	2017	2018	2019	2020	2021	Доля в %, 2006	Доля в %, 2018
Мир	3,7	3,6	2,9	3,0	3,1	100,0	100,0
Развитые страны	2,7	2,4	1,7	1,6	1,6	57,5	44,0
США	2,4	2,9	2,3	1,8	1,6	22,3	15,2
Япония	1,9	0,8	0,9	0,4	0,6	6,9	4,1
Канада	3,0	1,9	1,6	1,7	1,7	2,0	1,4
Развивающиеся страны	4,5	4,5	3,9	4,2	4,3	42,5	56,0
Китай	6,8	6,6	6,1	5,8	5,6	10,3	18,7
Индия	6,9	7,4	5,6	6,1	6,3	4,5	7,7
Индонезия	5,1	5,2	5,1	5,0	5,0	1,3	2,6
Евросоюз	2,6	2,0	1,4	1,4	1,4	22,9	16,3
Зона евро	2,5	1,9	1,1	1,2	1,2	16,7	11,3
Германия	2,5	1,5	0,4	1,0	1,0	4,6	3,2
Франция	2,3	1,7	1,3	1,3	1,2	3,5	2,2
Италия	1,7	0,8	0,1	0,4	0,7	2,9	1,8
Испания	2,9	2,4	1,9	1,5	1,4	1,9	1,4

**Источник:** European Commission. European Economic Forecast. Autumn 2019. Luxembourg: European Union, 2019. P. 195. (2019–2021 гг. — прогноз).

В третьей ключевой стране ЕС — Франции — снижение деловой активности, особенно в производственной сфере (обрабатывающая промышленность и ряд секторов сельского хозяйства), сопровождается стабильно отрицательным счетом текущих операций, негативным сальдо торгового баланса, неустойчивостью фондового рынка, сравнительно высокой (по европейским меркам) безработицей. На этом фоне попытка президента Э. Макрона реформировать крайне громоздкую и запутанную пенсионную систему спровоцировала массовые протесты и крупнейшие за последнее время забастовки. В частности, широкое возмущение вызвало планируемое повышение возраста выхода на пенсию с 62 до 64 лет. Предлагая такую непопулярную меру, правительство ссылалось на опыт других европейских стран: в Испании и Великобритании граждане выходят на пенсию в 65, а в Германии и Италии — в 67 лет. Однако такого рода аргументы на протестующих не подействовали и противостояние с властями продолжилось [Schofield...].

Сам факт синхронного нарастания все более заметных экономических трудностей в ведущих странах-членах Еврозоны неизбежно «тянет вниз» большинство основных макроэкономических показателей этой группы государств, в значительной мере определяющих положение дел во всем Европейском союзе (табл. 2).

Таблица 2

**Основные макроэкономические показатели стран Зоны евро  
(изменение в % к предыдущему году, 2010–2017 гг. — среднегодовые данные)**

Показатель	2010–2017	2018	2019	2020	2021
ВВП	1,3	1,9	1,1	1,2	1,2
Душевой ВВП	1,1	1,7	0,9	1,0	1,0
Государственное потребление	0,7	1,4	1,1	1,2	1,2
Частное потребление	0,8	1,1	1,6	1,5	1,3
Инвестиции в основной капитал	2,6	4,3	2,5	1,6	1,9
Экспорт товаров и услуг	5,2	3,3	2,4	2,1	2,3
Импорт товаров и услуг	4,5	2,7	3,2	2,6	2,7
Безработица (% от ЭАН)	10,7	8,2	7,6	7,4	7,3
Производительность труда	1,0	0,4	0,0	0,7	0,8
Стоимость рабочей силы	0,7	1,9	2,0	1,4	1,4
Государственный долг (% ВВП)	91,5	87,9	86,4	85,1	84,1

**Источник:** European Commission. European Economic Forecast. Autumn 2019. Luxembourg: European Union, 2019. P. 168–191. (2019–2021 гг. — прогноз).

Агрегированные данные, отражающие экономическую динамику в Зоне евро, показывают, что на протяжении всего периода после кризисного провала 2008–2009 гг. наблюдается вялый рост ВВП, на относительно низком уровне сохраняется увеличение государственного и частного потребления, а значит — медленно растет совокупный спрос и вслед за ним снижаются темпы наращивания инвестиций в основной капитал. Откровенное беспокойство деловых и политических кругов вызывает наметившееся падение международной конкурентоспособности европейских товаров. На это, в частности, указывает стагнация производительности труда на фоне опережающего роста стоимости рабочей силы.

О снижающейся конкурентоспособности европейской экономики говорит и падение темпов прироста стоимостных объемов экспорта товаров и услуг: 5,2% в среднем в 2010–2017 гг. и только 2,4% в 2019 г. Как видно из прогноза на 2020–2021 гг. (см. табл. 2), этот понижательный тренд скорее всего сохранится в обозримом будущем, что в перспективе может создать серьезную проблему предприятиям стран Евросоюза, поскольку для многих из них выпуск товаров и услуг на экспорт критически важен

и составляет сердцевину производственной стратегии. Например, Испания (второй после Германии производитель автомобилей в Европе) направляет на экспорт более 80% всех выпускаемых в стране машин, а потому крайне болезненно реагирует на любое снижение международного спроса на свою продукцию [Martín...]. Похожая тревожная ситуация сложилась и в других государствах-членах Евросоюза с крупной автомобильной промышленностью: Франции, Италии, Бельгии, Чехии, Словакии.

Удержание все еще сравнительно сильных позиций европейских производителей разнообразных промышленных и сельскохозяйственных товаров и услуг на мировых рынках (в том числе с помощью заключения соглашений о свободной торговле со странами, не входящими в ЕС) — одна из важнейших стратегических задач руководства Евросоюза, что на протяжении последних лет неоднократно подчеркивалось в документах Еврокомиссии [Negotiating...]. На это направлены международные усилия Брюсселя и отдельных стран Объединенной Европы, являющихся значимыми глобальными трейдерами (Германии, Франции, Нидерландов, Италии, Бельгии, Испании).

Однако доля государств Евросоюза в мировом экспорте товаров и услуг медленно, но неуклонно сокращается, поскольку конкуренция на глобальных товарных и сервисных рынках с каждым годом усиливается. В итоге в 2006–2018 гг. эта доля снизилась с 39,4 до 35,3%, тогда как аналогичный показатель Китая вырос с 7,2 до 10,8%, а Индии — с 1,4 до 2,2% (табл. 3).

Таблица 3

**Динамика мирового экспорта товаров и услуг  
(изменение в % к предыдущему году)**

Страны	2017	2018	2019	2020	2021	Доля в %, 2006	Доля в %, 2018
Мир	5,6	3,3	1,3	2,2	2,5	100,0	100,0
Развитые страны	5,0	3,2	1,3	1,9	2,2	62,1	66,7
США	3,5	3,0	0,3	1,5	1,6	10,0	10,2
Япония	6,8	3,4	-1,5	0,6	0,8	4,8	3,7
Канада	1,1	3,2	2,9	2,6	2,5	3,2	2,2
Развивающиеся страны	6,9	3,7	1,2	2,6	3,0	37,9	33,3
Китай	9,1	4,0	1,1	1,4	2,5	7,2	10,8
Индия	10,0	4,7	3,8	4,2	5,1	1,4	2,2
Индонезия	13,4	3,5	2,3	3,9	4,4	0,8	0,8
Евросоюз	5,7	3,0	2,5	2,3	2,4	39,4	35,3
Зона евро	5,5	3,3	2,4	2,1	2,3	29,2	26,6

**Источник:** European Commission. European Economic Forecast. Autumn 2019. Luxembourg: European Union, 2019. P. 196. (2019–2021 гг. — прогноз).

**Примечание:** снижение совокупной доли развивающихся стран в мировом экспорте связано с переходом отдельных государств этой группы (например, Южной Кореи) в категорию экономически развитых.

Конечно, роль ЕС в мировой торговле остается очень заметной, но сам факт ее снижения подтверждает тренд на глобальное отступление европейских стран под натиском зарубежных, прежде всего азиатских, конкурентов.

### **Главные задачи международной повестки дня**

Ключевая внешнеполитическая цель нынешнего руководства Евросоюза — вернуть этому объединению то место в системе международных отношений и в рамках коллективного Запада, которое оно занимало до глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Это были времена легендарного испанского политика-социалиста Хавьера Соланы во главе НАТО (1995–1999 гг.) и в качестве верховного представителя ЕС по общей внешней политике и политике безопасности (1999–2009 гг.). Назначение на эту должность другого опытного международного политика и тоже испанца — Ж. Борреля — дает, по мнению многих экспертов, шанс усилить внешнеполитическую роль Брюсселя. Но при этом они отмечают, что Ж. Боррелю будет отнюдь не просто лидировать в проведении внешнего курса ЕС, поскольку на эту роль явно претендуют и У. фон дер Ляйен, и Ш. Мишель [De Miguel...].

Актуальную международную повестку Евросоюза формируют три группы проблем: обеспечение долгосрочной энергетической стабильности стран-членов ЕС, защита внешнеторговых интересов объединения и повышение уровня военно-стратегической субъектности.

В энергетической сфере Европейский союз сталкивается с рядом вызовов. Прежде всего, сложный клубок проблем образуют поставки в Европу природного газа, как трубопроводного, так и сжиженного. Круг значимых поставщиков сравнительно узок: Россия (порядка 40%), Норвегия (26%), Алжир (11%), Катар (5%), а также Нигерия, Ливия, Перу, США, Тринидад и Тобаго. Зависимость ЕС от импортных поставок чрезвычайно высока, поскольку в целом по объединению доля зарубежных источников газа в совокупном потреблении составляет около 80%, а у 15 стран Евросоюза данный показатель превышает 90% [Natural gas...].

В самое последнее время острая конкуренция разворачивается между США, Россией, Катаром, Алжиром и другими поставщиками за быстро растущий европейский рынок сжиженного природного газа (СПГ), который с января 2018 г. по ноябрь 2019 г. увеличился более чем в два раза и вплотную приблизился к 13 млрд куб. футов в сутки [European LNG...]. Особенно агрессивно повели себя Соединенные Штаты, поставившие целью «затопить Европу» своим СПГ. С этой целью Вашингтон усиливает политический нажим на Брюссель, убеждая нынешнее руководство Евросоюза не расширять сотрудничество с Российской Федерацией, а максимально переориентироваться на импорт американских сланцевых углеводородов. С этим связана и жестко негативная позиция администрации Д. Трампа в отношении строительства газопровода «Северный поток — 2», предусматривающего прокладку по дну Балтийского моря двух ниток трубопровода из России в Германию.

20 декабря 2019 г. президент США подписал оборонный бюджет (National Defense Authorization Act) на 2020 финансовый год, включавший санкции против проекта «Северный поток — 2» [Statement...]. По существу, Вашингтон вводил экстерриториальный запрет на завершение строительства уже на 90% готового газопровода, что носило беспрецедентный характер и прямо противоречило экономическим интересам стран-членов Евросоюза, рассчитывавших на увеличение доступа к высоко конкурентоспособному российскому природному газу. Угрожая санкциями, Белый дом политическими методами добивается получения преимуществ для своих энергетических компаний в ущерб Европе. Так геополитика вторгается в сферу международных экономических отношений.

Одновременно администрация Д. Трампа, прибегая к мерам протекционистского характера, требует от европейских стран выравнивания баланса во взаимной товарной торговле (табл. 4).

Таблица 4

**Торговля стран Евросоюза с США (товары, млрд долл.)**

Показатель	2001	2010	2015	2016	2017	2018
Экспорт	217,4	327,0	408,9	398,6	419,4	471,7
Импорт	193,1	275,5	300,9	302,3	319,4	344,1
Оборот	410,5	602,5	709,8	700,9	738,8	815,8
Сальдо	+24,3	+51,5	+109,0	+96,3	+100,0	+127,6

**Источник:** Trade statistics for international business development. — [trademap.org/Bilateral\\_TS.aspx?npv](http://trademap.org/Bilateral_TS.aspx?npv)  
 m=1%7c%7c14719%7c842%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%...

Евросоюз имеет положительное сальдо в торговле с США, которое с 2001 по 2018 г. увеличилось в 5,3 раза: с 24,3 до 127,6 млрд долл., но составило всего 13% общего объема дефицита американской торговли, превысившего 966 млрд долларов [European Commission]. То есть дисбаланс товарообмена со странами ЕС — сравнительно небольшая часть совокупного отрицательного сальдо внешней торговли товарами Соединенных Штатов. К тому же в отношениях с Евросоюзом дефицит практически наполовину (на 60 млрд долл.) компенсировался профицитом в торговле коммерческими услугами [Office...]. Впрочем, последнее обстоятельство Д. Трамп в своих многочисленных критических выпадах в адрес экономической политики Брюсселя, как правило, замалчивает.

Совершенно по-другому складывается товарообмен стран-членов Европейского союза с Китаем. В 2001–2018 гг. дефицит в торговле ЕС с КНР вырос в 5 раз и перешагнул отметку в 261 млрд долл., что традиционно больше объема товарного экспорта Евросоюза в Китай (табл. 5). В данном случае действительно наличествует крупный дисбаланс в торговле, что не может не беспокоить деловые и политические круги европейских государств, которые чувствуют свою беспомощность перед китайской торгово-экономической экспансией.

Таблица 5

## Торговля стран Евросоюза с Китаем (товары, млрд долл.)

Показатель	2001	2010	2015	2016	2017	2018
Экспорт	27,1	150,7	186,7	186,6	220,3	244,6
Импорт	79,6	422,4	422,6	421,9	458,3	506,2
Оборот	106,7	573,1	609,3	608,5	678,6	750,8
Сальдо	-52,5	-271,7	-236,0	-235,3	-238,0	-261,6

**Источник:** Trade statistics for international business development. — [trademap.org/Bilateral\\_TS.aspx?npv m=1%7c%7c14719%7c156%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%...](http://trademap.org/Bilateral_TS.aspx?npv m=1%7c%7c14719%7c156%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%...)

Таким образом, в сфере внешнеторговых связей Европейского союза практически синхронно образовались очаги противоречий с крупнейшими партнерами. Это ставит нынешнее руководство ЕС в весьма сложное, двойственное положение. С одной стороны, Брюссель вынужден (хочет он того или нет) противостоять Вашингтону, лавировать и изыскивать способы ослабления негативных эффектов неопротекционизма Д. Трампа. Как с тревогой отмечали эксперты Европейского совета по международным отношениям (European Council on Foreign Relations), 2020 г. станет периодом «американского экономического принуждения» [Hackenbroich, Geranmayeh]. С другой стороны, в европейских коридорах власти признают, что глобальная проекция резко возросшей торгово-экономической и финансовой мощи Китая стала проблемой громадного масштаба, с подобными которой коллективный Запад раньше «никогда не сталкивался» [The state of China-European...].

Но и этого мало: Европа, помимо своей воли и вопреки своим интересам, оказалась втянутой в торговую и технологическую войну, начатую вашингтонской администрацией против Пекина с целью сдержать его наступление на международных рынках и «загнать в технологическую резервацию». Сейчас данная проблема оказалась в фокусе внимания европейского экспертного сообщества. В многочисленных аналитических докладах акцент сделан на двух последствиях вовлеченности Евросоюза в американо-китайские «разборки». Первое — заметное ухудшение общемирового торгово-экономического климата, негативно воздействующего на динамику экспорта стран-членов ЕС, и без того переживающих не лучшие времена. Второе — политическое давление США на государства Евросоюза с требованием отказаться от сотрудничества с китайскими высокотехнологичными компаниями, оказавшимися под теми или иными американскими санкциями. Характерный пример — требование Соединенных Штатов свернуть взаимодействие с телекоммуникационной корпорацией «Huawei», обвиненной в промышленном шпионаже и распространении дезинформации [Gonzalez, Veron].

Сложившуюся конфликтогенную ситуацию усугубляет геополитическое противостояние Европейского союза и Российской Федерации, затянувшееся и контрпродуктивное для обеих сторон, негативным образом сказавшееся на их взаимодействии в торгово-экономической области.



Как видно из табл. 6, товарооборот между ЕС и РФ в 2001–2013 гг. вырос в 5 с лишним раз и превысил 412 млрд долларов. Именно в эти годы Россия стала для Европы крупнейшим поставщиком энергоносителей, обеспечила европейскую промышленность и домохозяйства критически необходимыми видами сырья (нефть и нефтепродукты, природный газ, уголь). Тем самым была создана прочная материальная основа сотрудничества и в других отраслях. Однако последовавший в 2014–2016 гг. обвал товарооборота, вызванный «войной санкций» и перепадами рыночной конъюнктуры, нанес обеим сторонам значительный финансовый урон и на неопределенное время сузил коридор взаимных экономических возможностей. В результате способный стать альтернативным потенциал российского направления внешнеэкономических связей Евросоюза не был в полной мере реализован. А между тем, как отмечал министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, «если бы не ангажированная позиция ЕС в контексте украинских событий, сегодня товарооборот между Россией и Евросоюзом вполне мог бы достичь отметки в полтриллиона долларов, став фактором уже глобального масштаба — сопоставимого с объемами торговли ЕС с США и Китаем» [Статья Министра...].

Таблица 6

## Торговля стран Евросоюза с Россией (товары, млрд долл.)

Показатель	2001	2010	2013	2015	2016	2017	2018
Экспорт	28,4	114,6	159,8	80,2	78,9	96,6	99,1
Импорт	52,4	198,8	252,4	135,6	127,2	147,9	181,7
Оборот	80,8	313,4	412,2	215,8	206,1	244,5	280,8
Сальдо	-24,0	-84,2	-92,6	-55,4	-48,3	-51,3	-82,6

**Источник:** Trade statistics for international business development. — [trademap.org/Bilateral\\_TS.aspx?nvp m=1%7c%7c14719%7c643%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%...](http://trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvp m=1%7c%7c14719%7c643%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c2%...)

Помимо тугого узла внешнеэкономических проблем, в повестке дня нынешнего руководства Евросоюза — изменившийся военно-стратегический расклад. С одной стороны, жесткие требования Вашингтона к европейским союзникам по НАТО наращивать оборонные расходы и брать на себя более значимую долю ответственности в деле «защиты западного мира», с другой — последствия Брексита. По поводу того и другого у государств-членов ЕС нет скорых и простых решений.

Что касается болезненного вопроса повышения военных расходов, то в большинстве европейских стран, переживающих длительный период экономического спада и социально-политического напряжения, просто нет свободных финансовых средств. Поэтому дело, как правило, ограничивается раздачей «твердых и торжественных» обещаний, которые вряд ли будут выполнены в обозримом будущем, что, впрочем, в Вашингтоне отлично понимают. Например, если сразу после прихода в Белый дом Д. Трамп на повышенных тонах требовал от Мадрида резко увеличить военный бюджет, то в ходе саммита НАТО в Лондоне (начало декабря 2019 г.) американский президент согласился с аргументами испанского лидера Педро Санчеса и фактически снял претензии к Испании [Abellán].

Значительно более сложная ситуация — с последствиями выхода из Евросоюза Великобритании, одной из двух ядерных европейских держав. Безусловно, этот шаг Лондона ощутимо сокращает оборонный потенциал ЕС, но одновременно повышает котировку внешнеполитических акций Франции, остающейся единственной страной с ядерным оружием и единственным постоянным членом Совета Безопасности ООН в составе Евросоюза. Э. Макрон поспешил публично зафиксировать новый стратегический статус Парижа и уже через неделю после подписания соглашения о Брексите между Лондоном и Брюсселем, 7 февраля 2020 г., выступая в L'École militaire, заявил, что «жизненные интересы Франции приобретают европейское измерение» на основе четкого определения «фундаментальных целей» Евросоюза [Guibert].

У ряда международных экспертов создалось впечатление, что французское руководство, несмотря на экономические трудности, планирует подтвердить свою лидирующую роль в европейском военном строительстве и активно готовится к модернизации национального ядерного арсенала, в настоящее время насчитывающего порядка 300 боеголовок. На эти цели в период до 2025 г. предполагается затратить 37 млрд евро, что, в частности, позволит поставить на вооружение военно-воздушных сил Франции новые истребители-бомбардировщики Rafale, а военно-морские силы, располагающие четырьмя атомными подводными лодками типа Triomphant, дополнить более эффективными подводными ракетносцами класса Barracuda. Указанные меры, по настойчивым заявлениям Э. Макрона, призваны укрепить «технологический и военный суверенитет Европы» на фоне все более явного «церебрального паралича НАТО» [Núñez Villaverde Union...].

\* \* \*

События последнего времени, включая результаты Мюнхенской международной конференции по безопасности, позволяют сделать ряд выводов относительно текущего состояния и перспектив Объединенной Европы (как части коллективного Запада) в стремительно меняющемся глобальном миропорядке.

Во-первых, очередной институциональный и политический цикл эволюции Европейского союза, связанный с итогами выборов в Европарламент и приходом на ключевые руководящие посты новой «команды» еврочиновников, начинается в обстановке относительного ослабления геоэкономических и геополитических позиций Евросоюза. В основе этого тренда — еще не полностью осознанные эффекты Брексита, замедление экономического роста европейских стран, сокращение их удельного веса в мировой экономике и торговле, разногласия между ЕС и США по широкому кругу международных вопросов, все более сильный конкурентный натиск со стороны Китая и других азиатских государств.

Во-вторых, «болевым точкой» позиционирования Евросоюза на мировой арене становится сокращение геостратегического потенциала Запада в результате того разлома, который обнаружился внутри атлантического альянса. Напряженные споры между союзниками по НАТО и внутри самого Евросоюза (например, между странами севера

и юга Европы) касаются основополагающих принципов, на которых строился коллективный Запад. В обстановке повышенной международной нестабильности такого рода политические столкновения чреватые далеко идущими последствиями в сферах экономики, торговли, военного строительства и безопасности.

И в-третьих, сохраняется ненормальность в отношениях Евросоюза с Россией — ближайшим соседом, естественным торгово-экономическим партнером (прежде всего в ключевой энергетической сфере) и возможным союзником в совместном противодействии общим угрозам и вызовам: трансграничному терроризму, наркотрафику, организованной преступности, нелегальной миграции, нежелательным экологическим изменениям. Словом, повестка дня российско-евросоюзских отношений может быть наполнена многими актуальными сюжетами, представляющими для обеих сторон приоритетный интерес. Вместо этого новое руководство Евросоюза до настоящего момента явно не нацелено на восстановление полномасштабного сотрудничества с Москвой на принципах прагматизма и ответственного взаимодействия. Остается надеяться, что сама жизнь заставит Брюссель предпринять конкретные шаги в правильном направлении.

## Литература

- Кондратьев В.Б.* Азия как новый центр экономической силы // Перспективы. 20.02.2020. — URL: [http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/azija\\_kak\\_novyj\\_centra\\_ekonomicheskoy\\_sily\\_2020-02-20.htm](http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/azija_kak_novyj_centra_ekonomicheskoy_sily_2020-02-20.htm) (date of access: 17.02.2020).
- Статья Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова «Соседи по Европе». Россия — ЕС: тридцать лет отношений для «Российской газеты», 18 декабря 2019 года // Министерство иностранных дел РФ. 18.12.19. — URL: [mid.ru/web/guest/meropriyatiya\\_s\\_uchastiem\\_ministra/-/asset\\_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3960550](http://mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/3960550) (date of access: 17.02.2020).
- Яковлев П.П.* «Эффект Трампа» или конец глобализации? М. 2017.
- Яковлев П.П.* Время европейских тревог: Евросоюз в меняющейся системе координат // Перспективы. Электронный журнал. 2019. № 3 (19). С. 68–82. — URL: [http://www.perspektivy.info/upload/iblock/b40/3\\_2019\\_1\\_68\\_82.pdf](http://www.perspektivy.info/upload/iblock/b40/3_2019_1_68_82.pdf) (date of access: 17.02.2020).
- Abellán L.* EE UU rebaja la presión sobre España por el gasto military // El País. 10.12.2019.
- Airbus statement on USTR decision regarding tariffs — 15 February 2020 // Airbus. 15.02.2020. — URL: [airbus.com/newsroom/press-releases/en/2020/02/airbus-statement-on-ustr-decision--15-feb-2020.html](http://airbus.com/newsroom/press-releases/en/2020/02/airbus-statement-on-ustr-decision--15-feb-2020.html) (date of access: 17.02.2020).
- Alimi J.* Brexit: un «signal d'alarme historique» pour Macron // Le Parisien. 31.01.2020.
- Applebaum A.* Is this the end of the West as we know it? // The Washington Post. 04.03.2016.
- Davies H.* Will the UK really turn into 'Singapore-on-Thames' after Brexit? // The Guardian. 17.12.2019.
- De Miguel B.* El presidente del Consejo Europeo disputa a Borrell el liderazgo en la política internacional de la UE // El País. Madrid. 14.01.2020.
- European Commission. European Economic Forecast. Autumn 2019. Luxembourg. 2019.
- European LNG imports are record levels this year // Oil and Water 360°. 19.12.2019. — URL: [oilandgas360.com/european-lng-imports-are-at-record-levels-this-year/](http://oilandgas360.com/european-lng-imports-are-at-record-levels-this-year/) (date of access: 17.02.2020).

- Gonzalez A., Veron N.* EU Trade Policy amid the China-US Clash: Caught in the Cross-Fire? // PIIE. August 2019. — URL: [piie.com/publications/working-papers/eu-trade-policy-amid-china-us-clash-caught-cross-fire](http://piie.com/publications/working-papers/eu-trade-policy-amid-china-us-clash-caught-cross-fire) (date of access: 17.02.2020).
- Guibert N.* Armement nucléaire : Emmanuel Macron appelle l'Union européenne à «un sursaut» // Le Monde. 07.02.2020.
- Hackenbroich J., Geranmayeh E.* 2020: The year of economic coercion under Trump // European Council of Foreign Relation. 17.02.2020. — URL: [ecfr.eu/article/commentary\\_2020\\_the\\_year\\_of\\_economic\\_coercion\\_under\\_trump](http://ecfr.eu/article/commentary_2020_the_year_of_economic_coercion_under_trump) (date of access: 17.02.2020).
- Ignacio Torreblanca J.* Borrell vuelve: esta es su visión para Europa // European Council of Foreign Relation. 21.05.2019. — URL: [ecfr.eu/madrid/post/borrell\\_vuelve\\_esta\\_es\\_su\\_vision\\_para\\_europa](http://ecfr.eu/madrid/post/borrell_vuelve_esta_es_su_vision_para_europa) (date of access: 17.02.2020).
- Martín C.* De mal en peor. La producción y la exportación de coches, como las ventas, suman otro mes en negativo // Hispanidad. 24.06.2019. — URL: [hispanidad.com/confidencial/espana-se-juega-2-3-millones-de-empleos-la-produccion-y-la-exportacion-de-coches-como-las-ventas-suman-otro-mes-en-negativo\\_12010948\\_102.html](http://hispanidad.com/confidencial/espana-se-juega-2-3-millones-de-empleos-la-produccion-y-la-exportacion-de-coches-como-las-ventas-suman-otro-mes-en-negativo_12010948_102.html) (date of access: 17.02.2020).
- Massimo Parenti F.* Westlessness: riht focus, wrong interpretation — the illness of the West and beyond. 15.02.2020. — [globaltimes.en/content/1179655.shtml](http://globaltimes.en/content/1179655.shtml)
- Natural gas supply statistics. May 2019. — URL: [ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/pdfscache/10590.pdf](http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/pdfscache/10590.pdf) (date of access: 17.02.2020).
- Negotiating EU trade agreements. Who does what and how we reach a final deal. European Commission. — URL: [trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2012/june/tradoc\\_149616.pdf](http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2012/june/tradoc_149616.pdf) (date of access: 17.02.2020).
- Núñez Villaverde J.A.* Union Europea y armas nucleares: Francia a la cabeza // Real Instituto Elcano. 10.02.2020. — URL: [blog.realinstitutoelcano.org/union-europea-y-armas-nucleares-francia-a-la-cabeza/](http://blog.realinstitutoelcano.org/union-europea-y-armas-nucleares-francia-a-la-cabeza/) (date of access: 17.02.2020).
- Núñez Villaverde J.A.* Nueva Comisión Europea, ¿nueva Unión Europea? // Real Instituto Elcano. 02.12.2019. — URL: [blog.realinstitutoelcano.org/nueva-comision-europea-nueva-union-europea/](http://blog.realinstitutoelcano.org/nueva-comision-europea-nueva-union-europea/) (date of access: 17.02.2020).
- Office of the United States Trade Representative. European Union. — URL: [ustr.gov/countries-regions/europe-middle-east/europe/european-union](http://ustr.gov/countries-regions/europe-middle-east/europe/european-union) (date of access: 17.02.2020).
- Patten Ch.* Reino Unido entra en terreno desconocido // El Economista. 31.01.2020.
- Schofield H.* French reforms: Why France is resisting Macron's push on pensions // BBC. 17.02.2020. — URL: [bbc.com/news/world-europe-51502427](http://bbc.com/news/world-europe-51502427) (date of access: 17.02.2020).
- The state of China-European Union economic relations // Breugel. 20.11.2019. — URL: [bruegel.org/2019/11/the-state-of-china-european-union-economic-relations/](http://bruegel.org/2019/11/the-state-of-china-european-union-economic-relations/) (date of access: 17.02.2020).
- Statement by the President // White House. 20.12.2019. — URL: [whitehouse.gov/briefings-statements/statement-by-the-president-34/](http://whitehouse.gov/briefings-statements/statement-by-the-president-34/) (date of access: 17.02.2020).
- Walt V.* Why France's Marine Le Pen is Doubling Down on Russia Support // Time. 09.01.2017. — URL: [time.com/4627780/russia-national-front-marine-le-pen-putin/](http://time.com/4627780/russia-national-front-marine-le-pen-putin/) (date of access: 17.02.2020).
- “Westlessness”: Munich Security Report 2020 // Moder Diplomacy. 17.02.2020. — URL: [modrndiplomacy.eu/2020/02/17/](http://modrndiplomacy.eu/2020/02/17/) (date of access: 18.02.2020).

DOI 10.32726/2411-3417-2020-1-45-65

УДК 323; 324; 342

НАТАЛЬЯ ТРАВКИНА

## Импичмент Д. Трампа: бунт «глубинного государства»

**Аннотация.** В статье анализируются истоки, ход и последствия процесса импичмента 45-го президента США Д. Трампа. Подчеркивается беспрецедентный характер действий демократических фракций обеих палат Конгресса США, направленных на отрешение действующего президента страны от власти за его внешнеполитическую деятельность, что кардинально отличается от двух предыдущих процессов импичмента американских президентов, состоявшихся в последней трети XIX в. и в конце XX в. Это обстоятельство может иметь далеко идущие последствия для дальнейшей судьбы демократической политической системы США и американской внешней политики.

**Ключевые слова:** импичмент Дональда Трампа, партии США, внутренняя политика США, демократическая система США, американская внешняя политика.

Процесс импичмента 45-го президента США Дональда Трампа, о котором демократы и представители антитрамповских сил Америки заговорили буквально на следующий день после объявления результатов президентских выборов 8 ноября 2016 г. [подробнее см.: Травкина, Васильев, с. 62–64], стал реальностью 24 сентября 2019 г. В этот день спикер Палаты представителей Конгресса США и одновременно третье лицо в иерархии высших должностных лиц в государстве (после президента и вице-президента) Нэнси Пелоси объявила об официальном запросе на юридически обоснованное заключение о возможном начале процесса импичмента (отрешения от власти) президента Д. Трампа. Запрос должен был подготовить юридический комитет палаты во главе с Джеррольдом Надлером в тесном сотрудничестве с пятью другими комитетами — по разведке, по иностранным делам, по надзору и реформам, по налогообложению и по финансовым услугам.

Основное обвинение в адрес Д. Трампа было сформулировано четко и в предельно сжатой форме. По словам Н. Пелоси, «президент признал, что он просил президента Украины предпринять действия, которые принесут ему (Трампу) политическую выгоду. Действия президента Трампа выявили позорные факты нарушения им президентской присяги, нанесли ущерб национальной безопасности и поставили под сомнение честность президентских выборов». «Сегодня мы оказались в ситуации, — заявила Н. Пелоси, — когда мы должны срочно защитить нашу Конституцию

**Сведения об авторе:** ТРАВКИНА Наталья Михайловна — руководитель Центра внутривластных исследований Института США и Канады РАН, главный научный сотрудник, доктор политических наук, [uspolitika@gmail.com](mailto:uspolitika@gmail.com).

от всех врагов, как внешних, так и внутренних» [Pelosi...]. Возможно, это отношение к Д. Трампу не как к избранному лицу, нарушившему американское законодательство, а как к «врагу Америки», и является самым главным словосочетанием в гневной обличительной речи спикера Палаты представителей, ибо еще никогда прежде ни одно высшее лицо в американской политической иерархии не обвиняло главу государства в том, что он является «врагом Америки», по сути — «врагом американского народа». Само жонглирование этими словами и определениями стало свидетельством абсолютно неординарных процессов, происходящих в высших эшелонах политической власти США.

### **В чем уникальность импичмента Д. Трампа**

Импичмент Д. Трампа явился третьим по счету процессом подобного рода в отношении американских президентов за всю историю США. Первый произошел в 1868 г. Обвинения в «серьезных преступлениях и проступках» были выдвинуты против президента Эндрю Джонсона. В ходе процесса, проходившего с 24 февраля по 26 мая 1868 г., ему вменялось в вину неисполнение Закона о пребывании в должности военного министра Эдвина Стэнтона, принятого Конгрессом в марте 1867 г. специально для того, чтобы президент Э. Джонсон не смог освободить Стэнтон от занимаемой должности без санкции Конгресса. По итогам судебного процесса в Сенате США Э. Джонсон был оправдан [The Impeachment of Andrew Johnson...].

Второй процесс импичмента был инициирован против президента Уильяма (Билла) Клинтона; он продолжался с 8 октября 1998 г. по 12 февраля 1999 г. Палата представителей Конгресса США в своем обвинительном заключении выдвинула против президента сразу два обвинения. Согласно первому, У. Клинтон дал под присягой ложные показания о «характере и деталях своих взаимоотношений с подчиненным — служащей федерального правительства»; согласно второму обвинению, действующему президенту вменялось в вину то, что он «препятствовал, мешал и противодействовал отправлению правосудия и с этой целью лично или через своих подчиненных и агентов посредством специально разработанной схемы пытался задержать, воспрепятствовать, скрыть и уничтожить свидетельства по выдвинутому против него гражданскому иску» [Senate. Document 106–2...]. Речь шла о характере его взаимоотношений на сексуальной почве со стажеркой Белого дома Моникой Левински. По итогам судебного разбирательства У. Клинтон также был оправдан Сенатом США.

Уместно вспомнить и Уотергейтский скандал 1972–1974 гг., который можно охарактеризовать как процесс «полуимпичмента» [Articles of Impeachment against...] против президента Ричарда Никсона. Он завершился его досрочной отставкой с поста президента США 9 августа 1974 г., когда Никсон был вынужден «добровольно» покинуть пост президента страны под мощным давлением руководства Республиканской партии и своего ближайшего окружения из-за опасений в самый канун промежуточных выборов в ноябре 1974 г. неизбежного полномасштабного процесса импичмента, который вряд ли мог закончиться оправдательным приговором в отношении действующего

президента<sup>1</sup>. Сам Уотергейтский скандал возник в результате расследования попытки группы лиц, действовавших по прямому указанию Белого дома, проникнуть в середине июня 1972 г. в избирательный штаб кандидата на пост президента США от Демократической партии сенатора-демократа Джорджа Макговерна (штаб был расположен в гостинице «Уотергейт», г. Вашингтон).

Все эти процессы и скандалы на сексуальной, детективной или политической почве имели *сугубо внутриамериканскую специфику*. Более того, во внешнем мире суть этих американских внутривнутриполитических разборок воспринималась с трудом. Вызывало недоумение, например, «как можно было отправить в отставку президента ракетно-ядерной сверхдержавы за санкционирование попытки взлома предвыборного штаба его конкурента на президентских выборах, которая не нанесла никакого ущерба этому кандидату и который в конечном итоге все равно с треском проиграл президентские выборы?»<sup>2</sup>. Или с какой стати был подвергнут импичменту президент за «амурную связь», которая никак не отразилась на «образцовом» исполнении У. Клинтонем своих президентских обязанностей и в конечном итоге даже «прославила» М. Левински? Поэтому внешний мир склонен был воспринимать процессы импичмента и масштабные политические скандалы в США как окно возможностей для продвижения своих интересов и эксплуатации «свалившихся с небес» слабостей американской параимперии. Как отмечал в этой связи американский историк канадского происхождения Тимоти Нафтали, характеризуя внешнеполитическую обстановку, сложившуюся вокруг США во время процесса импичмента У. Клинтона, конец холодной войны ослабил способность сверхдержавы исполнять свою функцию мирового полицейского, возникли новые угрозы со стороны негосударственных субъектов, более присущие средневековью, нежели современной эпохе. «По сравнению с временами Никсона и Киссинджера, Клинтон и сотрудники его администрации, отвечавшие за политику в области национальной безопасности, столкнулись с происками более грозной группы злодеев, *стремящихся использовать внутренние трудности администрации*» [Naftali].

Понимание негативных внешнеполитических последствий импичмента, безусловно, присутствовало в сознании американской политической элиты с момента прихода Д. Трампа в Белый дом в январе 2017 г. Однако это не помешало той ее части, которая связана с Демократической партией, инициировать процесс импичмента 45-го президента США в преддверии президентских выборов 2020 г. — по всей видимости, в прозрачной надежде «снять с дистанции» неугодного ей кандидата, чьи шансы на пере-

---

1 По свидетельству главного юрисконсульта сенатского комитета по расследованию Уотергейтского скандала С. Дэша, ближайшее окружение Р. Никсона летом 1974 г. пришло к твердому выводу, что «Палата представителей наверняка начнет против президента процесс импичмента, который завершится обвинительным приговором в Сенате» [Dash, p. 260].

2 В пересчете на голоса Коллегии выборщиков Р. Никсон получил на президентских выборах 1972 г. 520 голосов, а Дж. Макговерн — всего 17 голосов, что стало одним из худших результатов за всю историю президентских кампаний в США. Поэтому многие американские политологи считают Уотергейтский скандал своеобразной формой отмены результатов президентских выборов 1972 г., что скорее пристало механизму функционирования демократий «банановых республик», нежели стране, устанавливающей стандарты демократии для всего мира.

избрание, учитывая динамику экономического подъема в США в первые три года его пребывания у власти, выглядели достаточно высокими, по крайней мере осенью 2019 г.

### **Комиссия Р. Мюллера – начало бунта «глубинного государства»**

Открытый бунт федеральной бюрократии против президента Д. Трампа начался в мае 2017 г., спустя всего четыре месяца после того, как глава Белого дома приступил к исполнению своих обязанностей. Поводом послужило увольнение Д. Трампом 9 мая 2017 г. тогдашнего директора ФБР Джеймса Коми, который с конца июля 2016 г. курировал расследование о возможном вмешательстве России в президентские выборы 2016 г. В письме, адресованном Дж. Коми, извещавшем последнего о его увольнении, содержалась весьма примечательная фраза: президент принял к сведению трижды доведенную до него Джеймсом Коми «информацию о том, что он (Д. Трамп — *H. T.*) не является объектом расследования» [Statement of the Press Secretary]. Дж. Коми был уволен по рекомендации возглавлявшего в то время министерство юстиции генерального прокурора Джеффа Сешнса и его заместителя Рода Розенштейна.

Впервые широкая американская общественность узнала о расследовании ФБР российского вмешательства в марте 2017 г., во время слушаний в специальном комитете по разведке Палаты представителей США, в ходе которых Дж. Коми заявил, что министерство юстиции уполномочило его подтвердить: ФБР в рамках своей контрразведывательной миссии «расследует усилия российского правительства по вмешательству в президентские выборы 2016 г., и это включает в себя расследование характера любых связей между людьми, имеющими отношение к кампании Трампа, и российским правительством с целью выявить, существовала ли какая-либо координация между кампанией и Россией» [Trump-Russia collusion...].

Под мощным давлением демократов в Конгрессе США, к которым присоединилось немало республиканцев, 17 мая 2017 г. Р. Розенштейн назначил бывшего директора ФБР Роберта Мюллера специальным советником министерства по надзору за расследованием ФБР вмешательства России в президентские выборы 2016 г. Перед Р. Мюллером были поставлены три задачи. Специальный советник должен был, во-первых, выявить «все связи или координацию между российским правительством и лицами, связанными с избирательной кампанией президента Дональда Трампа; во-вторых, очертить круг проблем, которые возникли или могут возникнуть в результате этого расследования, и в-третьих, выявить другие проблемы, имеющие отношение к сфере полномочий специального советника» [Appointment of Special Counsel...].

Использование термина «специальный советник» само по себе не предвещало ничего хорошего для Д. Трампа. Американские правоведы тут же вспомнили, что для расследования Уотергейтского скандала в 1973 г. был назначен специальный советник Арчибальд Кокс, а в 1994 г. расследование многочисленных обвинений в финансовых злоупотреблениях в адрес Хиллари и Билла Клинтон в бытность последнего губернатором штата Арканзас было возложено на назначенного специальным советником Кенетта Старра [Special Counsel Investigations...р. 3–4]. Иными словами, уже весной 2017 г. начали закладываться правовые основы для возможного процесса импичмента Д. Трампа.



В составе министерства юстиции США возникла структура (комиссия Мюллера), которая на протяжении двух последующих лет официально занималась расследованием возможных связей предвыборного штаба Д. Трампа с государственными органами РФ. Тогдашний глава министерства юстиции Дж. Сешнс в марте 2017 г. принял решение самоустраниться от расследования ФБР по причине того, что в 2016 г. он дважды встречался с российским послом в Вашингтоне Сергеем Кисляком [Greenfield].

Комиссия Мюллера работала с 17 мая 2017 г. по 22 марта 2019 г., когда она представила итоговый двухтомный доклад новому министру юстиции Уильяму Барру. Следует сказать, что комиссия с самого начала была задумана для вынесения Д. Трампу обвинения в связях с российскими властями в период президентской кампании 2016 г. Самым поразительным в ее итоговом докладе были подходы (комиссии в целом и лично Р. Мюллера) к определению характера предполагаемых связей предвыборного штаба Д. Трампа с российскими государственными структурами. Характер этих связей можно было определить с правовой точки зрения тройко: как 1) заговор, 2) сговор и 3) кооперацию. В своих оценках состава возможного преступления, совершенного группой лиц, комиссия «использовала нормы закона о заговоре, а не понятие «сговора», т.е. подошла к проблеме совместной уголовной ответственности как к заговору, используя понятие заговора, сформулированное федеральным законодательством» [U.S. Department of Justice. Report... p. 2]<sup>1</sup>.

Таким образом, с самого начала деятельности комиссии Мюллера был выбран обвинительный уклон, а о презумпции невиновности Д. Трампа и его окружения речь даже не шла. Более того, в итоговом выступлении в юридическом комитете Палаты представителей Конгресса США 24 июля 2019 г., транслировавшемся на всю Америку, Р. Мюллер сделал особый акцент на том, что его «расследование не установило, что члены предвыборного штаба Трампа организовали заговор с правительством России в ходе его попыток вмешаться в процесс американских выборов». «При этом мы не использовали понятие «сговор», который не является юридическим термином, — докладывал Р. Мюллер, — скорее, мы сосредоточились на том, было ли у нас достаточно доказательств, чтобы обвинить любого участника предвыборного штаба в участии в преступном заговоре, которого мы не обнаружили» [Oversight of the Report...].

Говоря об изначальной ангажированности комиссии Мюллера, следует четко представлять историю и практику применения к избирательному процессу параграфа 371 главы 18 Свода законов США, ставшей частью американского законодательства еще в 1867 г.

В 1948 г. американский Конгресс, после резкой критики злоупотреблений в правоприменении этой законодательной нормы федеральными прокурорами в предыдущие

---

<sup>1</sup> Соответствующий раздел федерального законодательства определяет заговор следующим образом: «Если два или более лица вступают в заговор с целью совершения какого-либо преступления против Соединенных Штатов или для обмана Соединенных Штатов либо любого ведомства США любым образом и с любой целью и одно или несколько таких лиц совершают какие-либо действия для воздействия на объект заговора, каждый должен быть оштрафован за это противоправное деяние или лишен свободы на срок до пяти лет либо понести оба эти наказания». [18 U.S. Code § 371...].

два десятилетия (особенно периоды кризиса 1929–1933 гг. и Великой депрессии), провел принципиальное различие между совершаемыми в ходе избирательных кампаний «проступками» и «преступлениями». Такие правонарушения в ходе выборов, как ложные заявления, ложные записи в банковских книгах и документах, ненадлежащее использование финансовых средств, отмывание денег, банковское мошенничество, почтовое мошенничество и телеграфное мошенничество, Конгресс отнес к «проступкам», а не к «уголовным преступлениям» [Cole, Nabatoff, p. 242–243].

Американский опыт предвыборных кампаний послевоенных десятилетий убедительно показал, что подавляющая часть злоупотреблений, допущенных кандидатами и их предвыборными штабами, была так или иначе связана с финансовыми махинациями, имевшими целью «купить голоса» избирателей. Однако с конца XX в. недвусмысленное понимание поправки 1948 г., действующей и поныне, стало игнорироваться. «...практика преобразования правонарушений в преступные заговоры с недавних пор возобновилась в новой форме — применительно к избирательному праву», — отмечали видный американский правовед, профессор Пенсильванского университета Лэнс Коул и практикующий юрист Росс Набатофф [Cole, Nabatoff, p. 238]. По их мнению, практика трансформации проступков в уголовные преступления применительно к избирательным кампаниям с правовой точки зрения сама по себе является формой «злоупотребления» нормами американского законодательства [Cole, Nabatoff].

Использование же категории «заговор» применительно к возможным зарубежным связям предвыборного штаба Д. Трампа очевидным образом имело еще более злоеущую направленность. Предполагалось выдвинуть против избранного президента обвинение в соучастии в «заговоре» с внешними, враждебными по отношению к США силами с целью «захвата государственной власти». Не найдя оснований для такого обвинения, будучи вынуждена оправдать предвыборный штаб Д. Трампа и заявив в первом томе доклада об отсутствии и заговора, и сговора, и сотрудничества с российскими властями, комиссия Мюллера привела во втором томе доклада десять эпизодов, которые могли бы дать основание для предъявления лично Д. Трампу как действующему президенту обвинение криминального свойства в «воспрепятствовании правосудию».

И, возможно, оно было бы предъявлено, если бы еще в 2000 г. управление юрисконсульта министерства юстиции США не разъяснило, что действующему президенту не может быть предъявлено обвинение, а также против него не может быть возбуждено уголовное преследование, поскольку это «противоречит Конституции и подрывает способность исполнительной власти выполнять возложенные на нее Конституцией функции» [A Sitting President's...]. Согласившись с этой трактовкой, составители доклада Р. Мюллера не могли не признать, что расследование комиссии наносит колоссальный удар по американской государственности — возможно, даже превосходящий тот ущерб, который могла нанести администрация Д. Трампа. «Выдвижение против действующего президента федерального уголовного обвинения, — признавалось в докладе, — подрывает его способность управлять страной и потенциально создаст препятствия для решения проблемы неправомерных действий президента конституционным образом» [U.S. Department of Justice. Report. Vol. II, p. 1].

Вторая часть этого заключения выглядит особенно цинично. По сути, она ясно свидетельствует о том, что в недрах вашингтонской бюрократии, в среде антитрамповских сил уже в 2017 г. возник если не заговор, то, во всяком случае, сговор, согласно которому комиссии Мюллера предстояло подвести жирную черту под президентством Д. Трампа. Однако 72-летний бывший специальный прокурор Р. Мюллер не решился взять на себя роль Понтия Пилата, давая ясно понять, что решение об отрешении Д. Трампа от должности должно носить коллективный, а не единоличный характер.

Поэтому, перечислив с десятков случаев, которые можно было классифицировать как примеры противодействия правосудию со стороны Д. Трампа, «от усилий по устранению специального советника и отмене решения министра юстиции самоустраниться [от расследования] до попыток использования властного ресурса для ограничения масштаба расследования и прямых и косвенных контактов со свидетелями с целью повлиять на их показания», комиссия Мюллера в итоге констатировала отсутствие состава вменяемого преступления. Примечательный нюанс внесло следующее положение доклада: «Рассмотрение всех этих действий [Д. Трампа] в совокупности может помочь увидеть их значимость» [U.S. Department of Justice. Report. Vol. II, p. 157]. То есть, признавалось, что сами по себе отдельные отмеченные действия Д. Трампа допускали различные толкования и только их сведение воедино могло давать основания для предъявления обвинения в «противодействии правосудию».

При этом расследование выявило ряд беспрецедентных особенностей функционирования аппарата Белого дома при Д. Трампе. Комиссия Мюллера, в частности, констатировала, что «усилия Президента по оказанию влияния на расследование были в основном безуспешными, но это объясняется тем, что его ближайшее окружение отказалось выполнять его приказы или просьбы» [U.S. Department of Justice. Report. Vol. II, p. 158]. Иными словами, саботаж указаний президента Д. Трампа, имевших целью спасти его президентство, носил системный и многоплановый характер.

Кроме того, с течением времени вокруг Д. Трампа стало все плотнее сжиматься кольцо контроля со стороны вашингтонской бюрократии за его действиями и даже за механизмом принятия решений в Овальном кабинете. В докладе прямо признается, что если Дж. Коми в ходе расследования по линии ФБР действительно не проявлял интереса к личности президента и его делам, то комиссия Мюллера, наоборот, взяла Д. Трампа «под колпак». В результате, указывается в ее докладе, президент «начал публично нападать на следствие и на лиц, причастных к расследованию, которые могли располагать порочащими его сведениями, и одновременно в частном порядке принял самое активное участие в серии целенаправленных действий по контролю над расследованием» [U.S. Department of Justice. Report. Vol. II, p. 158].

Суть сделанного комиссией заключения состояла в следующем. Если бы президент Д. Трамп не совершил действий, которые могли бы быть квалифицированы как «воспрепятствование правосудию», то комиссия четко и однозначно заявила бы об этом. Однако, «основываясь на фактах и принятых правовых стандартах, комиссия не может сделать такого заключения. Полученные свидетельства относительно действий пре-

зидента и его намерений представляют сложную проблему в плане их квалификации, и это не позволяет комиссии однозначно установить, что преступное поведение отсутствовало. Таким образом, хотя данный доклад не содержит вывода о том, что президент совершил какое-либо преступление, он и не оправдывает его» [U.S. Department of Justice. Report. Vol. II, p. 2].

В своем выступлении в юридическом комитете Палаты представителей 24 июля 2019 г. Р. Мюллер пошел дальше и прямо заявил, что комиссия собрала все возможные доказательства, свидетельствующие, что президент Д. Трамп препятствовал правосудию, но решить, имеется ли в его действиях состав преступления, должен Конгресс США. На вопрос председателя комитета Дж. Надлера, означают ли выводы комиссии, что «против президента Д. Трампа могут быть выдвинуты обвинения в совершении уголовного преступления по статье «воспрепятствование правосудию» после того, как он прекратит исполнение своих президентских обязанностей», Р. Мюллер ответил утвердительно [Oversight of the Report...]. Мяч был переброшен на сторону Конгресса, путь к процессу импичмента Д. Трампа — открыт. Не прошло и двух месяцев, как процесс начался.

### **«Глубинное государство» выходит наружу**

Формирование на рубеже XX и XXI вв. в США достаточно мощной конспирологической культуры, основанной на представлении о том, что «организации состоят из индивидов или групп, действующих втайне для достижения неких зловещих целей» [Barkun, p. 3], породило ряд теорий и идеологем. Среди них во второй половине 2010-х годов большую роль стала играть конспирологическая теория «глубинного государства». Суть представлений о наличии в США могущественного «глубинного государства» сводится к тому, что в американской политической системе в рамках законно избранных органов власти функционирует «скрытое» правительство, действующее на основе сговора и тайных неформальных связей. Основоположником теории «глубинного государства» считается Майк Лофгрэн, который на протяжении 28 лет работал в республиканском аппарате Палаты представителей США, в том числе помощником видного политического деятеля Республиканской партии Джона Кейсика. В 2014 г. он написал обширное эссе «Анатомия глубинного государства» [Lofgren Anatomy...], на основе которого спустя два года издал книгу «Глубинное государство» [Lofgren The Deep State].

В своем эссе М. Лофгрэн определил «глубинное государство» как «гибридное сообщество государственных и частных учреждений, последовательно управляющих страной в любых обстоятельствах, связанное с видимым государством, лидеров которого мы избираем, но только время от времени контролируемое им». Как подчеркнул М. Лофгрэн, «глубинное государство» не следует отождествлять с истеблишментом, поскольку «все сложные общества имеют истеблишмент — социальную сеть, нацеленную на собственное обогащение и увековечивание. По своим масштабам, финансовым ресурсам и глобальному влиянию американское гибридное государство — глубинное государство — само по себе составляет отдельную категорию. Вместе с тем оно не является ни всезнающим, ни непобедимым. Глубинное государство — институт не такой уж зловещий (хотя у него есть весьма зловещие аспекты), но неискоренимый» [Lofgren Anatomy...].

Американские политологи и государствоведы пошли еще дальше и довольно четко определили местонахождение глубинного государства в системе федерального правительства. Это система министерств и ведомств, отвечающих за обеспечение национальной безопасности США, особенно американское разведывательное сообщество — разветвленная структура, состоящая из 17 министерств и ведомств, подчиненных Управлению директора национальной разведки, бюджет которой в настоящее время составляет почти 62 млрд долл. [ODNI News Release...]. Как указывает в этой связи американская исследовательница Ребекка Ингбер, в США под «глубинным государством» понимают «организованные бюрократические структуры в исполнительной власти, сконцентрированные в основном в ведомствах, отвечающих за обеспечение национальной безопасности США, которые могут действовать независимо от избранного политического руководства или даже против него» [Ingber, p. 151].

В свое время американский политолог профессор Джейсон Ройс Линдси отмечал, что основой функционирования «глубинного государства» являются все виды секретности, которые, словно шапка-невидимка, окутывают разнообразные стороны его деятельности. Причем эта секретность из сферы обеспечения национальной безопасности постепенно распространяется и на работу гражданских министерств и ведомств, которые во все большей степени склонны функционировать в информационном режиме «для служебного пользования». В качестве примеров приводится практика «составления бюджетов, норм, регулирующих качество окружающей среды, защиту интересов потребителей и обеспечения безопасности рабочих мест, инвестирование в науку, планирование развития транспортной инфраструктуры и политика в сфере образования». В результате «глубинное государство» начинает прирастать и приумножаться считающимися более прозрачными структурами (“Shallow State”) [Lindsey, p. 5–6].

Приход к власти Д. Трампа в 2017 г. по сути поставил проблему существования и функционирования «глубинного государства» в центр американской политики. В августе 2017 г. на стол президента был положен семистраничный меморандум, подготовленный еще в мае высокопоставленным сотрудником Совета национальной безопасности (СНБ) Ричи Хиггинсом, занимавшим пост директора отдела стратегического планирования. В меморандуме прямо говорилось о том, что вся деятельность администрации будет протекать «не в привычном русле «политики как обычно», а в условиях беспрецедентной политической войны, построенной на стратегии прямых атак на действующего президента путем открытого манипулирования новостным циклом» [POTUS and...]. Целью информационной войны против действующего президента является, «во-первых, подрыв его авторитета, затем его делегитимация и, в конечном итоге, его отрешение от власти». Эта политическая война организована «бандой заговорщиков», являющихся частью «глубинного государства», состоящего из «глобалистов, банкиров, исламистов и истеблишмента Республиканской партии» [POTUS and...]. И хотя, по ультимативному настоянию тогдашнего помощника Д. Трампа по вопросам национальной безопасности генерала Герберта Макмастера, Р. Хиггинс и его покровитель Стивен Бэннон (занимавший пост главного стратега Белого дома с января по август 2017 г.) были уволены, их оценка ситуации, сложившейся вокруг Д. Трампа с самых первых дней его пребывания у власти, оказалась на удивление точной и безошибочной.

Примерно через год, 5 сентября 2018 г., в «Нью-Йорк Таймс» было опубликовано анонимное открытое письмо высокопоставленного сотрудника Белого дома (чье имя, как утверждала сама редакция, было ей известно), озаглавленное «Я — часть сопротивления внутри администрации Трампа». Письмо вызвало широчайший резонанс в политических кругах США. В нем утверждалось, что в недрах администрации и даже в ближайшем окружении Д. Трампа созрел заговор. Целью заговорщиков является саботаж внутри- и внешнеполитических инициатив президента, реализация которых может пагубно отразиться на Америке, в том числе на ее внешнеполитических позициях. В письме признавалось, что «президент Трамп испытывает такое давление на свою президентскую власть, с каким не сталкивался ни один американский президент в современной истории». Это давление выражается прежде всего в том, что многие чиновники в его собственной администрации, включая автора письма, «делают все, чтобы не дать реализовать часть его планов и его худшие поползновения» [I am Part ...].

На следующий день Д. Трамп в Твиттере отреагировал на публикацию одним словом: «ИЗМЕНА?» [Trump, 06.09.2018], имея в виду, разумеется, государственную измену в своем ближайшем окружении. В тот же день, 6 сентября 2018 г., выступая на митинге своих сторонников в Биллингсе — крупнейшем городе штата Монтана, Д. Трамп обрушился на действующее против него «движение сопротивления»: «Все это так называемое сопротивление выходит из себя, потому что его кошмарные идеи были отвергнуты американским народом и это сводит их с ума. Сумасшедшие. Они, честно говоря, просто обезумели... Последним актом сопротивления стала статья, опубликованная в провальной газете “Нью-Йорк Таймс” анонимом, точнее анонимным бесхребетным трусом». «Короче, — подытожил Д. Трамп, — никем не избранные представители “глубинного государства”, которые действуют вопреки воле избирателей для проталкивания собственных секретных планов, действительно представляют угрозу самой демократии» [Trump. Remarks at...].

Импичмент был не только предreshен с самого начала пребывания Д. Трампа у власти — он стал логическим этапом взаимной войны на уничтожение, которую объявили друг другу 45-ый президент США и «вашингтонское болото». Как образно охарактеризовал эту политическую битву на берегах Потомака американский политический обозреватель Эван Оснос, «обычно каждый новый президент стремится очаровать, склонить к сотрудничеству, в крайнем случае, принудить федеральных служащих к реализации своей программы. Но Трамп прибыл в Вашингтон именно потому, что пообещал разрушить его политическую экосистему, искоренить все существующие ее виды и населить ее заново» [Osnos]. Программа демонтажа административного государства не могла не принять формы перманентной войны с «глубинным государством» и постоянно властвующей политической элитой.

### **Ядовитый укус «глубинного государства»**

Даже формально-хронологическое изложение событий, происходивших в Вашингтоне после выступления специального советника Роберта Мюллера в Конгрессе США 24 июля 2019 г. до направления спикером Палаты представителей Н. Пелоси 24 сентября 2019 г. запроса в комитеты палаты на предмет возможного начала процесса им-

пичмента президента Д. Трампа, выглядит разновидностью шпионско-детективного романа в лучших традициях этого жанра.

Утром 25 июля Д. Трамп позвонил президенту Украины В. Зеленскому и в течение примерно получаса обсуждал с ним проблемы двусторонних американско-украинских отношений. Поводом для звонка явились итоги состоявшихся накануне парламентских выборов на Украине, на которых президентская партия одержала убедительную победу.

Сам факт телефонного разговора двух президентов тут же стал известен. В отличие от американской стороны, сотрудники администрации которой по совету юристов Белого дома загрузили стенограмму в отдельную электронную систему, используемую для хранения и обработки секретной информации «особенно деликатного характера», т.е. в высокосекретный сервер Совета национальной безопасности, украинская сторона 25 июля оперативно дала информацию следующего содержания. Д. Трамп поздравил Владимира Зеленского в связи с «успешным проведением свободных и демократических парламентских выборов» и их результатами и выразил убеждение: обновленная украинская власть сможет быстро улучшить имидж Украины и завершить демократическое расследование коррупционных дел, которые сдерживали взаимодействие между Украиной и США. Американский президент также подтвердил неизменную поддержку со стороны США суверенитета и территориальной целостности Украины и готовность американской стороны всесторонне способствовать реализации масштабной программы реформ. Указывалось, что В. Зеленский поблагодарил Д. Трампа за лидерство США в сохранении и усилении санкционного давления на Россию. Особо подчеркивалось, что президенты договорились предметно обсудить практические вопросы украинско-американского взаимодействия во время визита В. Зеленского в США [Президент Украины...].

Когда Д. Трампу и его окружению стало ясно, что руководство демократов в Палате представителей имеет достаточно полную информацию о содержании телефонного звонка двух президентов и проявляет к нему повышенный интерес, Белый дом 25 сентября 2019 г. опубликовал рассекреченную стенограмму<sup>1</sup> телефонного разговора Д. Трампа и В. Зеленского. [Unclassified...]

---

1 Как было установлено впоследствии в ходе расследования парламентского комитета по разведке, опубликованный 25 сентября текст не являлся собственно стенограммой, а представлял собой сведенные воедино «в виде стенограммы» заметки и записи сотрудников Ситуационной комнаты Белого дома, где президент США ведет секретные или закрытые переговоры с иностранными представителями и где присутствуют также сотрудники аппарата СНБ. Скомпилированным таким образом записям разговора Д. Трампа с В. Зеленским 25 июля 2019 г. сразу был присвоен гриф «секретно». 24 сентября гриф был снят приказом Трампа. По версии Белого дома, изначально не существовало полной стенографической записи телефонного разговора Д.Трампа и В.Зеленского, и поэтому скомпонованный текст телефонного разговора и является его официальной записью. Существовала ли в принципе полная стенограмма? Можно предположить, исходя из традиционной практики работы американских президентов, что существовала аудиозапись. Но о ней ничего не известно.

По версии доклада парламентского специального комитета по разведке, «ознакомившись со стенограммой телефонного разговора, сотрудники аппарата Белого дома не на шутку встревожились. Вместо ожидаемого всестороннего одобрения программы реформ на Украине они услышали, что президент потребовал политического расследования в отношении гражданина США, а именно наиболее вероятного кандидата в президенты, которого он, очевидно, больше всего опасался, — Джо Байдена» [U.S. House of Representatives. The Trump–Ukraine... p. 14]. Среди сотрудников аппарата СНБ тут же нашелся своего рода «Робин Гуд» — подполковник Александр Виндман, директор европейского отдела СНБ, отвечавший за политику США на Украине, который сразу обратился к юристам СНБ, а также к своему непосредственному начальнику Тиму Моррисону. Последний с июля 2018 г. работал в аппарате СНБ, а в августе 2019 г. был назначен заместителем советника президента США по вопросам национальной безопасности, возглавив одновременно управление по делам России и Евразии СНБ. Т. Моррисон и сам присутствовал при разговоре Д. Трампа с В. Зеленским и также незамедлительно обратил внимание юристов СНБ на слова Трампа [U.S. House of Representatives. The Trump–Ukraine... p. 14–15].

Оперативности разведывательного сообщества США можно было только позавидовать. 28 июля 2019 г. президент без всяких объяснений объявил в своем Твиттере, что с 15 августа уходит в отставку директор Национальной разведки Дэниэл Коутс (который занимал эту должность с марта 2017 г. и которого кое-кто считал автором вышеупомянутого анонимного открытого письма в «Нью Йорк Таймс», хотя сам он это опроверг [Trump, 28.07.2019]. Д. Трамп прочил на этот важный пост кандидатуру Джона Рэтклиффа — лояльного ему конгрессмена-республиканца. Но 8 августа Д. Коутс своим приказом назначил исполняющим обязанности директора Национальной разведки вице-адмирала Джозефа Магуайра, до этого занимавшего должность директора Национального контртеррористического центра США [DNI Coats' Statement...]. 16 августа Дж. Магуайр объявил, что приступил к исполнению новых обязанностей, подчеркнув, что с нетерпением ожидает совместной работы с коллегами из всего разведывательного сообщества для противодействия современным угрозам [Statement by Acting...]. Смысл всех этих малопонятных на первый взгляд перестановок в руководстве разведывательного сообщества США — сердцевине «глубинного государства» Америки — стал понятен к концу августа.

12 августа анонимный осведомитель американского разведывательного сообщества<sup>1</sup> составил докладную записку на имя председателя специального комитета по разведке Сената США сенатора Ричарда Берра и председателя специального комитета

1 В начале октября 2019 г. в американских СМИ было названо имя возможного информатора. Предположительно им был Э. Сиарамелла — 33-летний сотрудник ЦРУ, выпускник Йельского и Гарвардского университетов (где он специализировался по России, Украине и другим бывшим советским республикам), сторонник Демократической партии, близкий знакомый подполковника А. Виндмана. Сиарамелла входит в круг лиц, приближенных к Дж. Байдену, которому он в бытность последнего вице-президентом помогал в его частых поездках на Украину. По мнению ряда республиканских сенаторов и конгрессменов, Э. Сиарамелла является классическим представителем «глубинного государства».



по разведке Палаты представителей конгрессмена Адама Шиффа. Записка содержала всю известную осведомителю информацию, связанную с обстоятельствами телефонного звонка Д. Трампа В. Зеленскому.

В ней указывалось, что основная цель звонка состояла в том, чтобы побудить украинские власти начать расследование против семейства Байденов, Джозефа Байдена и его сына Хантера, на предмет выявления их связей и коммерческих интересов в украинской нефтегазовой компании «Бурисма Холдингс». С целью оказания давления на украинскую сторону, по распоряжению административно-бюджетного управления от 18 июля, Украине была заморожена военная помощь в размере 391 млн долл. (из которых 250 млн долл. выделялось из бюджета министерства обороны и 151 млн долл. — по линии подведомственного Государственному департаменту Агентства по международному развитию).

В записке также сообщалось, что в ходе разговора Д. Трамп просил украинскую сторону найти доказательства того, что именно Украина, а не Россия вмешивалась в президентские выборы 2016 г. Помимо этого, в записке указывалось, что Белый дом, в обход дипломатических каналов, использовал личного адвоката Д. Трампа, Рудольфа Джулиани, для связи с украинской стороной и получения компрометирующей информации на Байденов. Общий вывод состоял в том, что во взаимоотношениях с Украиной президент руководствовался не интересами национальной безопасности США, а исключительно собственными политическими интересами и целью обеспечить свое переизбрание на второй срок, одержав победу на президентских выборах 2020 г. Именно поэтому, утверждалось в записке, аппарат сотрудников Белого дома сделал все возможное, чтобы обеспечить высшую степень секретности стенограммы звонка Д. Трампа В. Зеленскому [Procor].

Докладная записка была сразу направлена главному ревизору разведывательного сообщества Майклу Аткинсону. Аткинсон провел собственное внутреннее расследование и, убедившись в достоверности приведенных в записке фактов, 26 августа направил ее исполняющему обязанности директора Национальной разведки Джозефу Магуайру. По всей видимости, Магуайр тут же проинформировал Белый дом и о содержании записки, и о ее предполагаемом авторе. Согласно американскому законодательству, по получении докладной записки подобного содержания Дж. Магуайр должен был известить о ней специальные комитеты по разведке Конгресса США в течение 7 дней, то есть не позднее 2 сентября. Однако он не стал этого делать. Слухи о существовании докладной записки, тем не менее, стали циркулировать за пределами разведывательного сообщества США, и 10 сентября председатель специального комитета по разведке Палаты представителей А. Шифф направил Дж. Магуайру письмо с требованием представить в комитет текст докладной записки анонимного осведомителя относительно звонка Дж. Трампа В. Зеленскому.

Дж. Магуайр отказался это сделать, и 13 сентября А. Шифф вызвал его для дачи показаний под присягой в Конгресс США на 26 сентября. Несмотря на противодействие Белого дома, Дж. Магуайр дал показания, смысл которых свелся к искусной защите

юридических прав анонимного осведомителя, а также главного ревизора разведывательного сообщества М. Аткинсона. Он заявил, что твердо верит: «на всем протяжении истории с докладной запиской и осведомитель, и главный ревизор действовали, исходя из лучших побуждений, и есть все основания полагать, что оба поступали в соответствии с уставом и действующим законодательством...». Дж. Магуайр также отметил, что случай с составлением докладной записки для руководства разведывательного сообщества является беспрецедентным в американской истории, однако он в своих действиях неуклонно следовал нормам американского законодательства [Congressional Testimony...].

Круг замкнулся: стало очевидно, что решение об информировании Конгресса США о содержании звонка Д. Трампа В. Зеленскому 25 июля 2019 г. было принято руководством разведывательного сообщества США, которое нашло «камикадзе» в лице сравнительно молодого сотрудника ЦРУ, решившего пожертвовать карьерой ради «высших национальных интересов» Америки. Заговор «глубинного государства» против 45-го президента США можно было считать осуществленным — полномасштабный процесс импичмента Д. Трампа был запущен и доведен до логического конца. Правда, не с теми результатами, на которые надеялись его организаторы.

### ***Quid pro quo*, или «услуга за услугу»**

Именно содержание и подоплека июльского телефонного разговора Д. Трампа с В. Зеленским, в той версии, в какой они излагались в докладной записке осведомителя разведывательного сообщества США от 12 августа 2019 г., и стали предметом сначала официального запроса о возможном начале процесса отрешения от власти президента Д. Трампа, а затем и самой процедуры импичмента. Двухэтапный процесс подготовки обвинительного заключения по импичменту, завершившийся его утверждением в Палате представителей 18 декабря 2019 г., принял форму закрытых и открытых слушаний.

Закрытые слушания в специально созданном для этой цели комитете Палаты представителей состоялись в октябре 2019 г. На них выступили 10 свидетелей: бывший посол США на Украине Мари Йованович, бывший заместитель помощника президента США по вопросам национальной безопасности, директор Управления по России и Евразии (с апреля 2017 г. по август 2019 г.) Фиона Хилл, заместитель помощника госсекретаря США по европейским и евразийским делам (с сентября 2018 г.) Джордж Кент, старший советник государственного секретаря США (с ноября 2018 г. по октябрь 2019 г.) Майкл Маккинли, посол США при ЕС (с июля 2018 г. по февраль 2020 г.) Гордон Сондланд, посол США на Украине (с 2006 по 2009 г.) и временный поверенный США на Украине (с июня 2019 г.) Уильям Тейлор, заместитель помощника министра обороны США по России, Украине и Евразии (с января 2017 г.) Лора Купер, исполняющий обязанности помощника госсекретаря США по европейским и евразийским делам (с сентября 2018 г.) Филип Рикер, подполковник Александр Виндман и заместитель помощника президента США по вопросам национальной безопасности, директор Управления по России и Евразии (с августа 2019 г.) Тим Моррисон.

В ноябре 2019 г. в специальном комитете по разведке Палаты представителей прошли открытые слушания, транслировавшиеся на всю Америку. 19 ноября на слушаниях выступили подполковник А. Виндман, специальный помощник вице-президента США по европейским вопросам Дж. Уильямс, бывший специальный представитель США на Украине Курт Волкер и Т. Моррисон. 20 ноября на слушаниях выступили Г. Сондланд, Л. Купер и заместитель госсекретаря США по политическим вопросам Дэвид Гейл. Наконец, 21 ноября на слушаниях выступили Ф. Хилл и советник посольства США на Украине Дэвид Холмс. Эмоциональный накал на слушаниях «зашкаливал», особенно это было характерно для выступлений Ф. Хилл и М. Йованович. Без преувеличения можно сказать, что «глубинное государство» делегировало на слушания в Конгрессе США своих наиболее верных представителей и бескомпромиссных сторонников, верой и правдой служивших ему на протяжении десятилетий. Уточнялись и обсуждались все мыслимые и немыслимые аспекты событий, связанных со звонком Д. Трампа В. Зеленскому 25 июля. Но по сути все свелось к обсуждению проблемы *quid pro quo*, или в какой степени предложение Трампа начать расследование всех обстоятельств деловых интересов семейства Байденов на Украине в обмен на размораживание пакета американской военной помощи может считаться противоправной «услугой за услугу».

По итогам проведенных закрытых и открытых слушаний три комитета Палаты представителей — по разведке, по надзору и реформам и по иностранным делам — подготовили обширный доклад. В докладе указывалось, что центральной проблемой разбирательства в Палате представителей стал телефонный звонок президента Д. Трампа президенту Украины В. Зеленскому. «Запись звонка, — утверждалось в докладе, — является очевидным свидетельством проступка и яркой демонстрацией первоочередной приоритетности для президента его личной политической выгоды по отношению к национальным интересам. В ответ на выражение благодарности со стороны президента Зеленского за жизненно важную военную помощь Украине, которую президент Трамп заморозил без объяснения причин, президент Трамп попросил Зеленского «оказать услугу»: начать два конкретных расследования, призванных помочь его переизбранию» [U.S. House of Representatives. The Trump–Ukraine... p. 9].

Несмотря на грозную обвинительную риторику, сопровождавшую на протяжении почти трех месяцев весь процесс разбирательства в Палате представителей, два вопроса остались непроясненными. Во-первых, удалось ли Белому дому получить от украинской стороны конкретные материалы, компрометирующие Дж. Байдена? Во-вторых, какой конкретный ущерб нанесло «обороноспособности» Украины замораживание американской военной помощи в размере 391 млн долл. на протяжении тех 55 дней, в течение которых военные поставки были приостановлены, то есть с 18 июля по 11 сентября 2019 г.? Максимум, что удалось установить американским СМИ, — что за это время на Юго-Востоке Украины погибло 25 служащих ВСУ [Ayres, Loiko]. При этом осталось совершенно неясным, какую лепту в эти потери внесли «бюджетные маневры» администрации Д. Трампа.

К тому же демократы, стремясь любой ценой «уничтожить» ненавистного им президента Д. Трампа, с грязной водой выплеснули и «ребенка» — мощный арсенал аме-

риканской «мягкой силы». Как отмечали американские аналитики еще в конце XX в., «коммерциализация» стала отличительной особенностью гегемонистской политики США сразу же после окончания Второй мировой войны, когда правительство США стало открыто проводить «коммерческую» внешнюю политику — по отношению как к союзникам, так и к противникам, предлагая гранты, техническую помощь и кредиты в рамках плана Маршалла. Американский альтруизм, однако, отражал уникальные обстоятельства сугубо временного порядка. Сотрясенные до основания европейские экономики едва начинали восстанавливаться, тогда как США, будучи бесспорным экономическим гегемоном, могли позволить себе быть щедрыми без *quid pro quo*. При этом их помощь возобновлению экономического роста за рубежом имела вполне корыстные стимулы — основные выгоды в конечном итоге должны были достаться Соединенным Штатам [Nivola].

Более того, демократам напомнили, что принцип *quid pro quo* был краеугольным камнем внешней политики администрации Б. Обамы. «Хотите поговорить о коррумпированности принципа *quid pro quo*? — заметил в этой связи американский правовед Эндрю С. МакКарти. — Напомню вам, что Обама заплатил выкуп, поступившись в результате снятия санкций миллиардами долларов, чтобы заключить ядерную сделку с Ираном, которая обогатила Иран, ведущего мирового спонсора антиамериканского терроризма, и открыла иранскому режиму прямую дорогу к превращению в ядерную державу. Он также обменял пять командиров талибов на дезертира, в то время как талибы продолжали сражаться и убивать американских и союзных военнослужащих» [McCarthy]. Так или иначе, интересы США имели явный перевес над сомнениями в правомерности использования во внешней политике принципа *quid pro quo*.

### **Политическая традиция против замыслов «глубинного государства»**

С самого начала всей затеи демократического руководства Конгресса США по смещению Д. Трампа большая часть американских политологов указывала на бессмысленность этой попытки, исходя из предыдущего опыта импичмента американских президентов в XIX и XX вв. В обоих случаях дело закончилось оправдательными приговорами. Решающую роль при этом играла не аргументация, доказывающая невиновность хозяина Белого дома, а расстановка политических сил, в рамках которой отрешение от власти действующего президента трактуется и как поражение стоящей за ним партии. Особенно наглядно это показал Уотергейтский скандал, когда позорная отставка Р. Никсона в августе 1974 г. обернулась поражением сменившего его в Белом доме президента-республиканца Дж. Форда на президентских выборах 1976 г.

Именно это обстоятельство предопределило оправдательный приговор Сената США, вынесенный 5 февраля 2020 г. Голосования как в Палате представителей, так и в Сенате показали жесткое партийное размежевание между демократами и республиканцами, возведенное в своего рода абсолют. Возможно, Н. Пелоси и другие руководители демократических фракций в Конгрессе США рассчитывали на то, что по мере раскручивания кампании по «уничтожению» Д. Трампа-президента ряды республиканцев дрогнут и к моменту начала суда в Сенате они в панике ретируются, но этого не произошло.

Первая проба сил в Палате представителей состоялась 31 октября 2019 г., когда Н. Пелоси приняла решение поставить на голосование на пленарном заседании палаты резолюцию о продолжении сбора юридических и фактических оснований для возможного начала процесса импичмента президента Д. Трампа в форме открытых слушаний в комитете по разведке Палаты представителей [H.Res. 660...]. Резолюция прошла при соотношении голосов 232 «за» и 196 «против», при этом республиканская фракция консолидированно голосовала «против».

10 декабря юридический комитет Палаты представителей подготовил обвинительное заключение на основе всей собранной и/или полученной информации по двум статьям обвинения в адрес президента: «злоупотребление властью» и «воспрепятствование Конгрессу» [H.Res. 755...]. 13 декабря обвинительное заключение было поставлено на голосование на заседании юридического комитета и утверждено им при соотношении голосов 23 «за» и 17 «против». Голосование проходило строго по партийному принципу: демократы консолидированно голосовали «за», республиканцы — «против». 18 декабря на пленарном заседании Палаты представителей эти две статьи обвинения были утверждены; первая прошла при соотношении голосов 230 «за» и 197 «против», вторая — 229 «за» и 198 «против». Республиканская фракция не дрогнула и на этот раз, консолидированно проголосовав против, predetermined тем самым почти на 100% оправдательный приговор Сената.

15 января 2020 г. Палата представителей утвердила 228 голосами (против 193) состав представителей палаты (из числа демократов) на суде Сената, который официально начался 16 января 2020 г. Суд, контролируемый доминирующими в Сенате республиканцами, был «скорым, но справедливым». 5 февраля Д. Трамп был оправдан Сенатом: по первой статье обвинения — при соотношении голосов 52 «не виновен» и 48 «виновен», по второй — 53 «не виновен» и 47 «виновен». По второй статье обвинения размежевание произошло строго по партийной линии, а при голосовании по первой к 47 демократам присоединился давний критик Д. Трампа, сенатор-республиканец от штата Юта Митт Ромни. По всей видимости, он так и не простил Д. Трампу то, что в 2016 г. тот назвал его «дураком, продувшим президентские выборы 2012 г., которые он должен был выиграть» [Conway].

Таким образом, несмотря на всю драматичность и резонансность заседаний комитетов Палаты представителей, самой Палаты представителей и суда Сената, в конечном итоге победила простая арифметика и лояльность членов фракций обеих партий своему руководству. Для отрешения Д. Трампа от должности требовалось 67 голосов сенаторов, то есть в дополнение к 47 голосам сенаторов-демократов необходимо было заручиться поддержкой еще как минимум 20 сенаторов-республиканцев. Столь большое количество «перебежчиков» из более дисциплинированной (по сравнению с демократической) республиканской фракции Сената США фактически означало бы ее глубокий раскол, что было невозможно «по определению».

Как отметил юрист, профессор высшей Школы права Калифорнийского университета (UCLA School of Law) Джон Майклз, было бы ошибкой отождествлять американ-

ское «глубинное государство» с аналогичными структурами других стран, не имеющих демократических традиций. Скорее, это «институт американской бюрократии», которая в большой степени не совпадает с элитой, «демографически неоднородна, лишена финансовых стимулов или кастовой склонности подрывать народное волеизъявление» [Michaels, p. 1655].

С этой точки зрения показательно, что основные высокопоставленные сотрудники Белого дома и другие государственные служащие, проявившие особое рвение в нападениях на Д. Трампа или не оказавшие должной поддержки президенту в ходе слушаний в Конгрессе США (Г. Сондланд, А. Виндман, Т. Моррисон, М. Йованович, Р. Тейлор, К. Волкер, Дж. Магуайер) были уволены или были вынуждены уйти «по собственному желанию» с государственной службы. В начале апреля 2020 г. был отправлен в отставку главный ревизор разведывательного сообщества США М. Аткинсон — в связи с «утратой доверия» к нему со стороны президента. Можно предположить, что масштабные чистки в руководстве ключевых ведомств в разведывательном сообществе будут продолжены.

В целом, по мнению юриста Джейн Чонг, попытка отрешения от должности Д. Трампа показала почти полное вырождение конституциональных и институциональных основ процесса импичмента. В условиях, когда одна партия контролирует одну палату Конгресса, а вторая — другую, «невозможен никакой повторный импичмент президента Трампа, как, впрочем, и любого будущего президента, чья партия контролирует Сенат» [Chong].

Не успели Д. Трамп и республиканская администрация отпраздновать оправдательный вердикт Сената, как на них свалился очередной кризис: мировая пандемия коронавируса и спровоцированные им финансово-экономические потрясения, самые масштабные после окончания Второй мировой войны. После комиссии Р. Мюллера («испытание водой») и процесса импичмента («испытание огнем») настал черед испытания Д. Трампа своего рода «медными трубами». Сумеет ли 45-й президент США успешно преодолеть очередное потрясение – покажет самое ближайшее будущее. В американской истории был только один президент – Франклин Делано Рузвельт, которому удалось более или менее успешно преодолеть испытания экономическим кризисом 1929 – 1933 гг., Великой депрессией и Второй мировой войной. Поэтому он и вошел в историю США как один из самых великих американских президентов.

## Литература

- Президент Украины. Владимир Зеленский провел телефонный разговор с Президентом США // Сайт президента Украины. 25.07. 2019. — URL: [president.gov.ua/ru/news/volodimir-zelenskij-proviv-telefonnu-rozmovu-z-prezidentom-s-56617](http://president.gov.ua/ru/news/volodimir-zelenskij-proviv-telefonnu-rozmovu-z-prezidentom-s-56617) (дата обращения: 04.04.2020).
- Травкина Н., Васильев В.. Углубляющийся кризис политической системы США: причины, признаки, последствия // «Перспективы. Электронный журнал». 2019. № 3 (19). С.53–67. — URL: [http://www.perspektivy.info/upload/iblock/74b/3\\_2019\\_1\\_53\\_67.pdf](http://www.perspektivy.info/upload/iblock/74b/3_2019_1_53_67.pdf) (дата обращения: 19.03.2020).

- 18 U.S. Code § 371. Conspiracy to commit offense or to defraud United States // Legal Information Institute. — URL: [law.cornell.edu/uscode/text/18/371](http://law.cornell.edu/uscode/text/18/371) (date of access: 04.04.2020).
- Appointment of Special Counsel to Investigate Russian Interference with the 2016 presidential Elections and Related Matters. Order No. 3915–2017. Office of the Deputy Attorney General. 17.05.2017. — URL: [justice.gov/opa/press-release/file/967231/download](http://justice.gov/opa/press-release/file/967231/download) (date of access: 04.04.2020).
- Articles of Impeachment against Richard M. Nixon. Additional Readings for Feb. 18, 1999. Professors Solum & Manheim. — URL: [web.archive.org/web/20170303075538/http://classes.ells.edu/archive/manheimk/371d1/nixonarticles.html](http://web.archive.org/web/20170303075538/http://classes.ells.edu/archive/manheimk/371d1/nixonarticles.html) (date of access: 04.04.2020).
- Ayres S., Loiko S. Trump froze military aid — as Ukrainian soldiers perished in battle // Los Angeles Times. 16.10.2019. — URL: [latimes.com/world-nation/story/2019-10-16/as-ukraine-waited-for-u-s-assistance-death-toll-on-eastern-front-line-grew](http://latimes.com/world-nation/story/2019-10-16/as-ukraine-waited-for-u-s-assistance-death-toll-on-eastern-front-line-grew) (date of access: 04.04.2020).
- Barkun M. A Culture of Conspiracy. Apocalyptic Visions in Contemporary America. Berkeley. 2003.
- Chong J. Impeachment Will Never Be the Same Again // The Atlantic. 12.02.2020. — URL: [theatlantic.com/ideas/archive/2020/02/reimpeachment/606436/](http://theatlantic.com/ideas/archive/2020/02/reimpeachment/606436/) (date of access: 04.04.2020).
- Cole L., Nabatoff R. Prosecutorial Misuse of the Federal Conspiracy Statute in Election Law Cases // Yale Law & Policy Review Vol. 18. No. 2 (2000). P. 225–260.
- Congressional Testimony. Opening Statement by Acting DNI Joseph Maguire // Office of the Director of National Intelligence. 26.09.2019. P. 9. — URL: [dni.gov/index.php/newsroom/congressional-testimonies/item/2048-acting-dni-opening-statement](http://dni.gov/index.php/newsroom/congressional-testimonies/item/2048-acting-dni-opening-statement) (date of access: 04.04.2020).
- Conway M. Trump and Romney's 10 harshest insults // Politico. 25.11.2016. — URL: [politico.com/story/2016/11/trump-romney-insults-231839](http://politico.com/story/2016/11/trump-romney-insults-231839) (date of access: 04.04.2020).
- Dash S. Chief counsel: Inside the Ervin Committee--the untold story of Watergate. N.Y. 1976.
- DNI Coats' Statement on the Announcement of Joseph Maguire as Acting Director of National Intelligence // Office of the Director of National Intelligence. 08.08.2019. — URL: [dni.gov/index.php/newsroom/press-releases/press-releases-2019/item/2029-dni-coats-statement-on-the-announcement-of-joseph-maguire-as-acting-director-of-national-intelligence](http://dni.gov/index.php/newsroom/press-releases/press-releases-2019/item/2029-dni-coats-statement-on-the-announcement-of-joseph-maguire-as-acting-director-of-national-intelligence) (date of access: 04.04.2020).
- Greenfield J. Why Sessions Recused Himself. Hint: It wasn't because Democrats made a big stink about his meeting with the Russian ambassador. // Politico. 02.03.2017. — URL: [politico.com/magazine/story/2017/03/sessions-recuses-himself-trump-russia-214857](http://politico.com/magazine/story/2017/03/sessions-recuses-himself-trump-russia-214857) (date of access: 04.04.2020).
- H.Res. 660: Directing certain committees to continue their ongoing investigations as part of the existing House of Representatives inquiry into whether sufficient grounds exist for the House of Representatives to exercise its Constitutional power to impeach Donald John Trump, President of the United States of ... .. America, and for other purposes // United States Congress. 29.10.2019. — URL: [govtrack.us/congress/bills/116/hres660](http://govtrack.us/congress/bills/116/hres660) (date of access: 04.04.2020).
- H.Res. 755: Impeaching Donald John Trump, President of the United States, for high crimes and misdemeanors // United States Congress. 16.01.2020. — URL: [govtrack.us/congress/bills/116/hres755/text](http://govtrack.us/congress/bills/116/hres755/text) (date of access: 04.04.2020).
- I Am Part of the Resistance Inside the Trump Administration // The New York Times. 05.09.2018. — URL: [nytimes.com/2018/09/05/opinion/trump-white-house-anonymous-resistance.html](http://nytimes.com/2018/09/05/opinion/trump-white-house-anonymous-resistance.html) (date of access: 04.04.2020).
- The Impeachment of Andrew Johnson (1868) President of the United // United States Senate. — URL: [senate.gov/artandhistory/history/common/briefing/Impeachment\\_Johnson.htm](http://senate.gov/artandhistory/history/common/briefing/Impeachment_Johnson.htm) (date of access: 04.04.2020).

- Ingber R.* Bureaucratic Resistance and the National Security State // *Iowa Law Review*. November, 2018. P. 139–221.
- Lindsey J.* *The Concealment of the State*. Bloomsbury. 2013.
- Lofgren M.* Anatomy of the Deep State // *BilMoers.com*. 21.02.2014. — URL: [billmoyers.com/2014/02/21/anatomy-of-the-deep-state/](http://billmoyers.com/2014/02/21/anatomy-of-the-deep-state/) (date of access: 04.04.2020).
- Lofgren M.* *The Deep State*. N.Y. 2016.
- McCarthy A.* Quid Pro Quo and Extortion: Welcome to Foreign Relations // *National Review*. 07.10.2019. — URL: [nationalreview.com/2019/10/quid-pro-quo-and-extortion-welcome-to-foreign-relations/](http://nationalreview.com/2019/10/quid-pro-quo-and-extortion-welcome-to-foreign-relations/) (date of access: 04.04.2020).
- Michaels J.* The American Deep State // *Notre Dame Law Review*. 2018. Vol. 93. N 4. P. 1653–1670.
- Naftali T.* The Wounded Presidency, Part Two. The Untold Story of U.S. Foreign Policy During the Clinton Impeachment Crisis // *Foreign Affairs*. 29.01.2020. — URL: [foreignaffairs.com/articles/israel/2020-01-29/wounded-presidency-part-two](http://foreignaffairs.com/articles/israel/2020-01-29/wounded-presidency-part-two) (date of access: 04.04.2020).
- Nivola P.* Commercializing Foreign Policy?: American trade policy, then and now. // *Brookings*. 01.03.1997. — URL: [brookings.edu/articles/commercializing-foreign-policy-american-trade-policy-then-and-now/](http://brookings.edu/articles/commercializing-foreign-policy-american-trade-policy-then-and-now/) (date of access: 04.04.2020).
- ODNI News Release No. 05–20. A/DNI Releases FY 2021 Budget Request Figure for the National Intelligence Program // Office of the Director of National Intelligence. 11.02.2020. — URL: [dni.gov/index.php/newsroom/press-releases/item/2097-a-dni-releases-fy-2021-budget-request-figure-for-the-national-intelligence-program](http://dni.gov/index.php/newsroom/press-releases/item/2097-a-dni-releases-fy-2021-budget-request-figure-for-the-national-intelligence-program) (date of access: 04.04.2020).
- Osnos E.* Trump vs. the “Deep State”. How the Administration’s loyalists are quietly reshaping American governance // *The New Yorker*. 21.05.2018. — URL: [newyorker.com › 2018/05/21 › trump](http://newyorker.com › 2018/05/21 › trump) (date of access: 04.04.2020).
- Oversight of the Report on the Investigation into Russian Interference in the 2016 Presidential Election: Former Special Counsel Robert S. Mueller, III // House Committee on the Judiciary. 24.07.2019. — URL: [judiciary.house.gov/calendar/eventsingle.aspx?EventID=2250](http://judiciary.house.gov/calendar/eventsingle.aspx?EventID=2250) (date of access: 04.04.2020).
- Pelosi Remarks Announcing Impeachment Inquiry // Nancy Pelosi. Speaker of the House. 24.09.2019. — URL: [speaker.gov/newsroom/92419-0](http://speaker.gov/newsroom/92419-0) (date of access: 04.04.2020).
- POTUS and Political Warfare aka Higgins Memo // *Unconstrained Analytics*. 06.09.2018. — URL: [unconstrainedanalytics.org/potus-and-political-warfare/](http://unconstrainedanalytics.org/potus-and-political-warfare/) (date of access: 04.04.2020).
- Procop A.* Read: the whistleblower complaint about Trump and Ukraine. The complaint at the center of Democrats’ impeachment inquiry has been released // *Vox*. 26.09.2019. — URL: [vox.com/2019/9/26/20884022/whistleblower-complaint-trump-ukraine-read](http://vox.com/2019/9/26/20884022/whistleblower-complaint-trump-ukraine-read) (date of access: 04.04.2020).
- Senate. Document 106–2. Impeachment of President William Jefferson Clinton. Constitutional Provisions; Rules of Procedure and Practice in the Senate When Sitting on Impeachment Trials; Articles of Impeachment against President William Jefferson Clinton’s Answer; and Replication of the House of Representatives. Wash. 1999.
- A Sitting President’s Amenability to Indictment and Criminal Prosecution // The United States Department of Justice. 16.11.2000. Updated: 10.11.2018. — URL: [justice.gov/olc/opinion/sitting-president%E2%80%99s-amenability-indictment-and-criminal-prosecution](http://justice.gov/olc/opinion/sitting-president%E2%80%99s-amenability-indictment-and-criminal-prosecution) (date of access: 04.04.2020).
- Special Counsel Investigations: History, Authority, Appointment and Removal. Congressional Research Service. Updated March 13, 2019. — URL: [fas.org/sgp/crs/misc/R44857.pdf](http://fas.org/sgp/crs/misc/R44857.pdf) (date of access: 04.04.2020).



- Statement by Acting Director of National Intelligence Joseph Maguire // Office of the Director of National Intelligence. 16.08.2019. — URL: [dni.gov/index.php/newsroom/press-releases/press-releases-2019/item/2030-statement-by-acting-director-of-national-intelligence-joseph-maguire](https://dni.gov/index.php/newsroom/press-releases/press-releases-2019/item/2030-statement-by-acting-director-of-national-intelligence-joseph-maguire) (date of access: 04.04.2020).
- Statement of the Press Secretary // The White House. 09.05.2017. — URL: [whitehouse.gov/briefings-statements/statement-press-secretary-13/](https://whitehouse.gov/briefings-statements/statement-press-secretary-13/) (date of access: 04.04.2020).
- Trump D.* Donald J.Trump.@realDonaldTrump. Treason? Twitter. 06.09.2018. — URL: [twitter.com/realdonaldtrump/status/1037464177269514240](https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1037464177269514240) (date of access: 04.04.2020).
- Trump D.* Donald J.Trump.@realDonaldTrump. Twitter. 28.07.2019. — URL: [twitter.com/realdonaldtrump/status/1155580142225383425](https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1155580142225383425) (date of access: 04.04.2020).
- Trump D.J.* Remarks at a “Make America Great Again” Rally at Billings, Montana // The American Presidency Project. 06.09.2018. — URL: [presidency.ucsb.edu/node/332445](https://presidency.ucsb.edu/node/332445) (date of access: 04.04.2020).
- Trump-Russia collusion is being investigated by FBI, Comey confirms // The Guardian. 20.03.2017. — URL: [theguardian.com/us-news/2017/mar/20/fbi-director-comey-confirms-investigation-trump-russia](https://theguardian.com/us-news/2017/mar/20/fbi-director-comey-confirms-investigation-trump-russia) (date of access: 04.04.2020).
- U.S. Department of Justice. Report On The Investigation Into Russian Interference In The 2016 Presidential Election. Volume II of II. Special Counsel Robert S. Mueller, III. Submitted Pursuant to 28 C.F.R. § 600.8(c). Washington D.C. March 2019.
- U.S. House of Representatives. The Trump–Ukraine Impeachment Inquiry Report. Report of the House Permanent Select Committee on Intelligence, Pursuant to H.Res. 660 in Consultation with the House Committee on Oversight and Reform and House Committee on Foreign Affairs. December 2019.
- Unclassified. Memorandum. The White House. 24.09.2019. — URL: [whitehouse.gov/wp-content/uploads/2019/09/Unclassified09.2019.pdf](https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2019/09/Unclassified09.2019.pdf) (date of access: 04.04.2020).

DOI 10.32726/2411-3417-2020-1-66-81

УДК 323; 338

Наиля Яковлева

## Латинская Америка: социально-политический контекст протестной активности

**Аннотация.** Статья посвящена резкому росту массовых протестных выступлений в Латинской Америке в 2019 г. Подавляющее большинство акций носило антиэлитный характер и отражало нарастающее недовольство населения экономической и социальной политикой властей. Латиноамериканские общества становятся все более чувствительными к масштабной коррупции правящих элит. В этих условиях снижаются рейтинги доверия к институтам власти, в частности, к институту президентства. Поскольку проблемы стран региона не имеют быстрых решений, подъем массовых выступлений может распространиться и на текущий год, а социальная повестка — дополниться политической.

**Ключевые слова:** Латинская Америка, массовые протесты, уличный активизм, анти-элитные настроения, социальное неравенство, разрыв в доходах, политические требования.

Причудливое совпадение внешних и внутренних факторов привело в конце 2019 г. к взрыву уличного активизма в латиноамериканском регионе, особенно заметно проявившемуся в Южной Америке. Протестная волна, прокатившаяся одновременно по нескольким странам, отличалась особой интенсивностью, вовлеченностью большого сегмента населения и выдвижением новых требований к властям. Выступления носили временами жесткий характер с обеих сторон, были человеческие жертвы. Несмотря на то, что каждый страновой кейс отличался выраженной спецификой, причины протестного активизма имели общую региональную основу. В первую очередь, это непреодолимые барьеры между властными элитами и остальным населением, сужение каналов коммуникаций, растущий дисбаланс в образе и качестве жизни, нерешенность многих застарелых проблем как в социальной, так и в политической сферах.

### Экономические предпосылки общественного недовольства

Среди внешних факторов нужно отметить неблагоприятный глобальный контекст, который характеризуется сочетанием пяти кризисов, ослабивших позиции Латинской Америки в мировой экономике [Яковлев, Латинская]. Это самым негативным образом

**Сведения об авторе:** ЯКОВЛЕВА Наиля Магитовна — ведущий научный сотрудник Центра политических исследований Института Латинской Америки (ИЛА) РАН, кандидат исторических наук, nel-yakovleva@yandex.ru.

отразилось на финансово-экономических параметрах развивающихся стран, к которым относятся государства Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ). Решающую роль, как представляется, сыграли общее замедление глобального роста и резкое падение в 2014–2016 гг. на международных рынках цен на сырье, в том числе на традиционные товары латиноамериканского экспорта.

Динамика ВВП в Латинской Америке в 2015–2016 гг. имела отрицательные значения (–0,2% и –1,0% соответственно). Тенденции торможения и свертывания экономической активности захватили регион с 2011 г., что отмечали специалисты ЭКЛАК (Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна). Нельзя недооценивать и фактор сокращения притока в регион внешних ресурсов (по сравнению с началом второго десятилетия XXI в.), и грубые просчеты в экономической политике властей большинства стран региона. Как отмечал ведущий экономист Института Латинской Америки РАН Л.Л. Клочковский, внутренние факторы оказались не в состоянии компенсировать падение мировой конъюнктуры, что обернулось не только хозяйственными потерями, но и отрицательными социальными процессами. Сократилась производственная сфера, снизились инвестиции, уменьшился агрегированный потребительский спрос, наметилось падение занятости, возросли безработица и бедность [Клочковский, с. 100].

Прямым следствием экономического кризиса и ухудшения социального положения населения стали рост преступности и расцвет наркоторговли. В первой десятке стран с наивысшим числом убийств на каждые сто тысяч жителей находились четыре латиноамериканских государства: Гватемала, Гондурас и Сальвадор в Центральной Америке и Венесуэла в Южной, причем последняя оказалась на первом месте в мире (90 убийств) [Observatorio...]. Были утрачены социальные завоевания «золотого десятилетия» 2003–2012 гг., продолжалась пауперизация населения, росло материальное неравенство, сокращался рынок труда: безработица с 6% в 2014 г. выросла за пять лет до 8%. В неформальном секторе экономики региона занято около 140 млн человек (около 50% от общего числа занятых) [Organización...].

Наиболее высокий процент безработных был отмечен в Бразилии, самый низкий — в Гватемале и Мексике. Безработица особенно распространена среди молодежи в возрасте от 15 до 24 лет (около 20%; высок процент так называемых «ни-ни» — тех, кто не учится и не работает) [Ермольева]. Сохраняются гендерные разрывы в оплате труда (у мужчин зарплата выше на 20%, чем у женщин) [Panorama].

В первой половине 2019 г. в «экстремально сложных условиях», (по определению ЭКЛАК), произошло новое торможение экономик большинства стран региона (за исключением Колумбии и Гватемалы). Год закрылся с минимальным ростом в 0,1% для всего региона, причем в Южной Америке наблюдалось абсолютное падение (–0,1%) [CEPAL. América Latina...]. Период с 2014 по 2020 г. станет для Латинской Америки самым неблагоприятным за последние семь десятилетий. По мнению аналитиков ЭКЛАК, регион вступил в очередную полосу нестабильности, и наступивший год не получит никаких «значимых позитивных импульсов» из-за ожидания нового снижения цен

на экспортные товары. Кроме того, правительствам ряда стран не удастся справиться с высокой инфляцией (Венесуэлы, Аргентины, Гаити) и ростом государственного долга (Аргентины, Бразилии, Чили, Колумбии и Мексики). И все это — в условиях растущего социального недовольства и беспрецедентного давления общества на правящие круги с требованием сократить неравенство [CEPAL. El periodo...].

### Социальная ситуация в зеркале статистики

Данные ЭКЛАК, опубликованные в ежегодных аналитических обзорах Panorama social de América Latina, позволяют проследить меняющуюся динамику социальной ситуации в регионе — бедности и неравенства в распределении доходов [CEPAL. Panorama social...]. С 2002 по 2014 г. доля бедных упала с 45,4 до 27,8%, а находящихся в состоянии экстремальной бедности — с 12,2 до 7,8%. Однако с 2015 г. число бедных стало расти, и к 2018 г. бедные составляли 30,1% (185 млн чел.), причем 10,7% (66 млн) — в состоянии экстремальной бедности. С 2014 по 2019 г. количество бедных увеличилось на 27 млн человек (из них на 10 млн — только в 2015 г.), нищих — на 26 млн человек, здесь максимальное увеличение пришлось на 2016 г. (табл. 1).

Таблица 1

#### Динамика показателей уровней бедности и нищеты в Латинской Америке (2014–2019 гг.)

Год	Уровень бедности, %	Уровень бедности, млн чел.	Уровень нищеты, %	Уровень нищеты, млн чел.
2014	27,8	164	7,8	46
2015	29,1	174	8,8	52
2016	30,0	181	10,0	60
2017	30,1	184	10,5	64
2018	30,1	185	10,7	66
2019	30,8	191	11,5	72

Источник: CEPAL. Panorama social de América Latina. 2019. Santiago de Chile. 2019. p. 94.

Разумеется, уровни бедности и нищеты разнятся от страны к стране и со временем претерпевают заметные изменения, что объясняется как динамикой экономической ситуации, так и политикой национальных элит. Так, в 2014 г. к странам, где в условиях бедности и нищеты проживало менее 15% населения, относился лишь Уругвай. В 2018 г. к нему присоединились Чили и Панама (здесь ситуация улучшилась). В категорию стран с числом бедных и нищих в диапазоне от 15 до 20% от общей численности населения в 2014 г. входили Бразилия, Чили, Коста-Рика, Панама и Перу. От 20 до 25% — Аргентина, Эквадор и Парагвай. В 2018 г. Парагвай «мигрировал» к Уругваю, Чили и Панаме, а в эту группу перешла Доминиканская Республика, находившаяся ранее, вместе с Боливией, в диапазоне бедности от 30 до 35%. Сальвадор, который в 2014 г. числился в последней группе с более чем 35% населения в бедности, сумел в 2018 г. выбраться из нее, и среди самых неблагополучных остались Мексика и Гондурас. Колумбии также удалось сократить бедность и перейти из последней группы (более 35%) в группу с показателями от 25 до 30% [CEPAL. Panorama social... p. 96].

Суммируя, можно отметить, что в 2018 г. в шести странах — Чили, Парагвае, Доминиканской Республике, Сальвадоре, Панаме и Колумбии — ситуация с бедностью улучшилась по сравнению с 2014 г., а в Перу удалось сократить число нищих. В Аргентине, Эквадоре, Бразилии, Боливии, Мексике, Гондурасе социальные показатели не претерпели существенных изменений. Рост числа бедных и нищих заметно выросло в таких странах как Венесуэла, Гватемала, Никарагуа, Куба, Гаити, Ямайка. Общеизвестна социально-политическая ситуация в Венесуэле, которая с 2014 г. не упоминается в докладах ЭКЛАК из-за отсутствия данных. Однако по данным некоторых венесуэльских институтов, бедные и беднейшие слои составляли в 2018 г. более 51%, неправительственные организации приводят еще более высокие цифры [Ивановский Латинская Америка... с. 33]. За счет этих и еще около десятка малых государств растут средние показатели по региону.

Наиболее уязвимыми социальными группами являются семьи с детьми. Городское население защищено больше, чем сельские жители, а мужчины — больше женщин. Кроме того, из обзора ЭКЛАК следует, что в число наименее защищенных слоев населения входят индейцы и иммигранты, в частности, выходцы из Африки [CEPAL. Panorama social...p. 102–107].

Таким образом, ситуация с бедностью и нищетой не является повсеместно драматичной и в ряде стран остается стабильной или даже улучшается. Тем не менее, тот факт, что треть населения проживает в подобном состоянии, означает, что проблема требует безотлагательного решения. Нужны целенаправленные действия государства по ускорению экономического роста в контексте модели инклюзивного развития, предусматривающей подъем материального благосостояния большинства населения [Яковлев Латинской...].

Латинская Америка на протяжении всей своей истории характеризовалась высоким уровнем неравенства в доходах. В ряде стран и сейчас наблюдается один из самых высоких уровней неравномерного распределения доходов в мире. В целом по региону на долю трех четвертей населения приходится лишь 10% национального богатства. По мнению аналитиков ЭКЛАК, социальное неравенство в странах региона является результатом сложной комбинации разных детерминант. Матрица социального неравенства в Латинской Америке в значительной степени обусловлена ее производственными системами, которые, в свою очередь, характеризуются большой структурной неоднородностью и сложившейся культурой привилегий. [CEPAL. Panorama social... p. 109].

В период с 2014 по 2018 г. коэффициент Джини (или индекс концентрации доходов), показывающий степень расслоения общества по годовому доходу (чем выше показатель индекса, тем больше разница в доходах между богатыми и бедными, ноль — полное равенство) снизился в Сальвадоре, Парагвае, Боливии, Перу, Панаме и Чили [CEPAL. Panorama social... p. 41].

Как следует из таблицы 2, страны с наиболее справедливым распределением доходов находятся в Южной Америке, это Уругвай и Аргентина. За ними следуют Перу, Бо-

ливия и Эквадор. Три очень разные страны имеют одинаковые показатели: Гватемала, Коста-Рика и Мексика. Самая сложная ситуация с распределением доходов сложилась в небольшом Гондурасе и огромной Бразилии, причем последняя была единственной страной, где был зафиксирован рост коэффициента Джини. 8 из 10 стран с наибольшим неравенством в мире — латиноамериканские.

Таблица 2

**Коэффициент Джини в странах Латинской Америки и Карибского бассейна\***

№	Страна	Коэффициент Джини	Данные за год	Место в регионе
1	Аргентина	41,2	2017	2
2	Боливия	44,0	2017	4
3	Бразилия	53,3	2017	14
4	Гватемала	48,3	2014	9
5	Гондурас	50,5	2017	13
6	Доминиканская республика	45,7	2016	6
7	Колумбия	49,7	2017	11
8	Коста-Рика	48,3	2017	9
9	Мексика	48,3	2016	9
10	Никарагуа	46,2	2014	7
11	Панама	49,9	2017	12
12	Парагвай	48,8	2017	10
13	Перу	43,3	2017	3
14	Уругвай	39,5	2017	1
15	Чили	46,6	2017	8
16	Эквадор	44,7	2017	5
Средний показатель по региону		46,8		

\* Примечание: указаны страны, по которым есть данные с 2014 г.

**Источник:** GINI index (World Bank estimate). — [data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?name\\_desc=true&view=chart](http://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?name_desc=true&view=chart)

При анализе такого макроэкономического показателя, как ВВП (по паритету покупательной способности, ППС) на душу населения, существенные различия между странами региона становятся наиболее очевидными. В то же время можно заметить, что в рассматриваемый период данный показатель почти везде, кроме Венесуэлы, вырос или остался примерно на том же уровне. Наименьший подушевой ВВП в Гондурасе и Никарагуа, наиболее высокий — в Чили, Уругвае и Панаме (табл. 3).

Показатели региона по среднему ВВП не дотягивают до общемировых значений и в 3 раза меньше показателей стран, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), что подтверждает отставание стран ЛАКБ в экономическом развитии и уровне жизни их населения. Несмотря на сложности в глобальной экономике, во всем мире индикаторы уровня жизни улучшаются, а в ЛАКБ произошел обратный процесс. Снижение темпов экономического развития и показателей

среднедушевого ВВП вызвало ухудшение положения среднего класса и беднейших слоев. Ситуация со среднедушевым ВВП в странах Южной Америки благополучнее, чем в целом по региону, и имеет повышательный тренд, но здесь наблюдаются заметные различия по странам: так, среднедушевой ВВП в Боливии в 2–3 раза ниже, чем в Аргентине, Уругвае, Чили.

Таблица 3

**Среднедушевой ВВП (ППС) в странах ЛАКБ в 2014–2018 гг., долл.**

Страна	2014	2015	2016	2017	2018
Аргентина	20008	20552	20130	20800	20551
Боливия	6593	6883	7148	7454	7842
Бразилия	16358	15814	15332	15716	16146
Венесуэла	18103	-	-	12264	10798
Гватемала	7553	7789	7955	8153	8443
Гондурас	4398	4536	4683	4993	5216
Доминиканская Республика	13623	14556	15520	16900	18346
Колумбия	13618	14006	14260	14372	14936
Коста-Рика	15067	15611	16279	16896	17566
Мексика	18046	18295	18783	19927	20616
Никарагуа	4950	5175	5400	5671	5530
Панама	21167	22237	23196	24488	25628
Перу	12561	12945	13403	13510	14242
Сальвадор	7236	7453	7686	7727	8041
Уругвай	21169	21301	21820	22328	23158
Чили	22787	22688	22874	24554	25700
Эквадор	11484	11432	11222	11490	11760
Ямайка	8474	8596	8763	9148	9473
Весь мир	15048	15465	16109	17137	17914
ОЭСР	44482	45705	45769	44187	45568
ЛАКБ	15572	15320	15201	14244	14666
Южная Америка	15853	15703	15774	15832	16125

**Источник:** International Monetary Fund. World Economic Outlook Database. — [databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.PCAP.PP.CD&country=](http://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.PCAP.PP.CD&country=)

Все это объясняет растущее недовольство населения политикой властей, которые не в состоянии справиться с многочисленными проблемами, но обеспечивают себе и своему окружению высокий уровень жизни. Столь несправедливое распределение национального богатства способствует мобилизации гражданского общества для протестных выступлений.

Не последнюю роль в создании конфликтогенного социального и политического климата играет коррупция. В ежегодном рейтинге международной организации Transparency International по индексу восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index, CPI) (максимальное количество баллов означает минимальный уровень восприя-

тия коррупции и наоборот) средний показатель по странам ЛАКБ в 2019 г. составил 37,6 балла (при общемировом 43 балла). В сравнении с 2015 г. ухудшились показатели Никарагуа, Гватемалы, Боливии, Бразилии, Гондураса, Доминиканской Республики, Сальвадора, Панамы, Чили. Положительная динамика отмечена в Коста-Рике, Уругвае, Парагвае, на Ямайке и на Кубе. Аргентина и Эквадор стали лидерами в борьбе с коррупцией, улучшив в 2019 г. показатели на 13 и 6 баллов соответственно, Колумбия и Перу сохранили прежние позиции. Наименее коррумпированные страны — Уругвай, Чили и Коста-Рика с показателями выше 50 баллов. Особая ситуация у Мексики, чья позиция в рейтинге улучшилась всего на 1 пункт в сравнении с 2018 г. и не достигла показателей 2015 г., но благодаря предпринятым правительством Андреса Мануэля Лопеса Обрадора антикоррупционным мерам ей удалось остановить падение в рейтинге, наблюдавшееся в последние годы. Самые коррумпированные в регионе — Венесуэла и Никарагуа. В Венесуэле расцвет коррупции пришелся на период правления президента Николаса Мадуро, в последнем рейтинге страна находится на 173-м месте из 180. Немного лучше обстоят дела и в Никарагуа (161-е место), где у власти в течение последних 12 лет находится президент Даниэль Ортега (табл. 4).

Таблица 4

**Рейтинг латиноамериканских стран по индексу восприятия коррупции**

Место в рейтинге в 2019 г.	Страна	2019	2018	2017	2016	2015	Место в регионе в 2019 г.
21	Уругвай	71	70	71	66	70	1
26	Чили	67	67	67	66	70	2
44	Коста-Рика	56	56	59	58	55	3
60	Куба	48	47	47	47	47	4
66	Аргентина	45	40	39	36	32	5
74	Ямайка	43	44	44	39	41	6
93	Эквадор	38	34	32	31	32	7
96	Колумбия	37	36	37	37	37	8
101	Перу	36	35	37	35	36	9
101	Панама	36	37	37	38	39	9
106	Бразилия	35	35	37	40	38	10
113	Сальвадор	34	35	33	36	39	11
123	Боливия	31	29	33	33	34	12
130	Мексика	29	28	29	30	31	13
137	Парагвай	28	29	29	30	27	14
137	Доминиканская Республика	28	30	29	31	33	14
146	Гватемала	26	27	28	28	28	15
146	Гондурас	26	29	29	30	31	15
161	Никарагуа	22	25	26	26	27	16
173	Венесуэла	16	18	18	15	11	17

**Источник:** CPI 2019: Global Highlights / Transparency International. — [transparency.org/cpi2019?/news/feature/cpi-2019](https://transparency.org/cpi2019?/news/feature/cpi-2019)



В недавнем докладе Transparency International, опубликованном 23 января 2020 г., подчеркивается, что подавляющее число стран мира, входящих в рейтинг по CPI, не демонстрируют положительной динамики в борьбе с коррупцией. Что касается ситуации в Латинской Америке, то она существенно осложнена четырехлетней экономической стагнацией, а также крупнейшим коррупционным кейсом общерегионального масштаба, связанным с делом главы бразильской строительной компании Odebrecht Марселу Одебрехтом. Казус Odebrecht получил широкий международный резонанс, поскольку расследование, проведенное во многих странах, вскрыло факты беспрецедентной коррупции в высших эшелонах власти, имевшие внятные политические и юридические последствия. Из-за участия в коррупционных схемах президенты ряда стран лишились должностей (Гватемала, Бразилия, Перу). Скандалы затронули также глав других государств, их ближайшее окружение и родственников [Яковлева Электоральный...].

Масштабная коррупция властных элит повлияла на результаты проведенных в электоральном суперцикле 2017–2019 гг. президентских выборов и послужила (наряду с падением уровня жизни и растущим неравенством в распределении доходов) одной из основных причин нарастания политической нестабильности и волны массовых протестов, прокатившихся в регионе в конце 2019 г.

### **Исторический опыт и хронология массовых протестов 2019 г.**

Массовые протесты в странах ЛАКБ имеют давнюю историю, являются составной частью политической культуры, характерной чертой общественной жизни стран региона. Протестные выступления различаются по форме, интенсивности, требованиям, целеполаганию, результатам, реакции властей, носят конъюнктурный или сравнительно долговременный характер. Под массовым протестом подразумевается действие, в котором участвует более 10 тыс. человек, но внимание широкой общественности привлекается, когда выступления насчитывают десятки, сотни и даже миллионы участников и продолжаются в течение длительного времени, превращаясь в протестную волну. Это главным образом социальные протесты, направленные против режима жесткой экономики, сокращения социальных выплат, безработицы, «перегибов» глобализма и капитализма, финансового диктата транснациональных корпораций. Однако не являются редкостью и политические протесты, связанные в первую очередь с идущими вразрез с интересами большинства населения изменениями законов или подтасовкой результатов выборов.

Во многих странах главными организаторами акций традиционно выступают профсоюзы, а также политические партии и организации. Но в последние годы все большую роль играет мобилизация граждан через социальные сети, пользующиеся в регионе повышенной популярностью.

Как правило, местом проведения протестных акций являются так называемые линейные транспортные объекты — улицы, бульвары, набережные, мосты, площади, проспекты, шоссе, эстакады, пригодные для массового скопления людей. Общепринятым и распространенным термином для обозначения массовых мероприятий является

слово «улица» (исп. la calle). На «улице» протестующие могут организовать и пикеты, перекрывающие проезжую часть. Например, во время масштабного кризиса 2001–2002 гг. в Аргентине в ходе антиправительственных выступлений, охвативших всю страну, возникли организации пикетчиков, превратившиеся впоследствии в политически значимых акторов, с которыми властям пришлось считаться. Наиболее распространенной формой уличных протестов в странах региона являются получившие широкую известность «кастрюльные марши» (исп. *caseros*), на которые люди выходят с кухонной утварью и стуком пытаются привлечь к себе внимание властей.

Большое значение имеет юридический аспект: как правило, во всех странах региона с демократической формой правления закреплено право граждан на защиту своих интересов в форме социальных протестов. Однако в распоряжении властей имеется достаточное количество административных ресурсов и юридических инструментов в виде законов, актов и регламентов, ограничивающих это право. В завершающемся десятилетии к ним постоянно добавлялись новые инициативы по регулированию или ограничению уличного активизма. Например, в 2013 г. в Бразилии, в разгар массовых манифестаций, в Национальный конгресс и местные органы власти поступили пакеты законов по установлению контроля над протестным движением. Подобная деятельность развернулась в Мексике после трагической гибели от рук бандитов и связанных с ними полицейских 43 студентов в штате Герреро [Яковлев Мексика...]. В том же году аргентинские власти пытались провести через парламент пакет из 10 предложений по ограничению протестных выступлений, но им не удалось достичь консенсуса.

Среди новых правительственных инициатив фигурируют меры бюрократического и административного порядка, такие как обязательное предварительное уведомление властей, ужесточение наказаний за причиненный ущерб, запрет на проведение манифестаций в определенных зонах, временные ограничения, использование дополнительных сил правопорядка и армейских подразделений и др. Особую проблему для властей составляет повсеместно распространенная в регионе форма протестов в виде перекрытия движения городского транспорта, поэтому во многих странах предпринимаются попытки узаконить приоритет свободного движения над правом на протест. «Власти многих стран региона не соблюдают право граждан на протест», — заявила в своем выступлении на Всемирном экономическом форуме в Давосе (21–24 января 2020 г.) исполнительный секретарь ЭКЛАК Алисия Барсена. По мнению специалиста, протесты служат мотором социальных изменений, так как подталкивают правительства к структурным реформам в области здравоохранения, образования, социального обеспечения [La desigualdad...].

Тем не менее в последние годы в протестном движении латиноамериканских стран наблюдается значительный рост выступлений по социальным и политическим мотивам. Толчком к протестам, как правило, становится принятие властями непродуманных или поспешных решений, ведущих к ухудшению материального положения граждан, нарушение функционирования легальных институтов коммуникации общества и власти. Основная цель акций — побуждение власти к диалогу, донесение до нее требований тех или иных слоев общества. На фоне падения жизненного уровня у социума

возникает чувство неуверенности в будущем, рушатся надежды на дальнейшее повышение благосостояния. Недовольство граждан также часто связано со стремлением правящих классов присваивать незаслуженные привилегии и нарушать действующие законы. Поводом для повышенного уличного активизма может стать и вполне невинное действие властей, сопровождающееся неоправданным, на первый взгляд, накалом страстей.

Первые месяцы 2019 г. были отмечены протестами с человеческими жертвами в Венесуэле, на Гаити и в Никарагуа. Летом активизировалась Пуэрто-Рико. На Гаити и в Пуэрто-Рико протесты привели к отставке правительств, власти Венесуэлы и Никарагуа ответили на гражданское неповиновение репрессиями.

Широкая волна уличной активности населения пришлась на октябрь и первым охватила Эквадор, а затем Чили, Боливию и Панаму. В ноябре протесты распространились на Колумбию. Во всех странах, кроме Боливии, действующие власти удержали свои позиции, пойдя на уступки протестующим. В Эквадоре и Чили поводом для протестов послужил незначительный рост цен и тарифов, но недовольство политическими элитами, особенно в Чили, было настолько глубоким, что власти оказались, по выражению президента Себастьяна Пиньеры, в состоянии «войны против могущественного и беспощадного врага» [Protestas en Chile...]. В Колумбии поводом для выступлений стали проекты налоговой, трудовой и пенсионной реформ, но позже президенту Ивану Дуке и правительству, как и в Чили, были предъявлены политические требования. Наконец, в Боливии подъем антиправительственных выступлений произошел из-за несогласия с результатами всеобщих выборов [Rodríguez Pinzón]. Многотысячные манифестации сопровождали конституционный кризис в Перу, вызванный конфликтом между президентом Мартином Вискарой и парламентом.

Несмотря на все страновые различия и особенности, в уличных протестах 2019 г. есть общий момент: углубляющийся разрыв между правящими элитами и рядовыми гражданами. Власти не способны понять и отрефлексировать нужды рядового человека, считает специалист по международным отношениям Университета Комплутенсе (Мадрид) Давид Эрнандес. Это подтверждается и их реакцией на протесты. В ряде стран она была чрезмерно жесткой, сопровождалась применением военной силы и полицейским произволом. В Чили и Боливии зарегистрированы человеческие жертвы, отмечены случаи изнасилований, пыток и ранений участников протестов [Protestas globales...]. В Чили и Эквадоре было введено чрезвычайное положение.

Исследователи Рикардо Фуэнтес-Ньева и Жианандреа Нелли Ферочи из Женевского института международных отношений и развития в специальной работе указывали, что процессы гражданского участия и социального активизма в Латинской Америке являются частью глобальной протестной волны, начавшейся с «арабской весны», и характеризуются отсутствием центров управления и персонифицированного лидерства. В качестве движущей силы выступает молодое поколение, использующее для координации действий современные коммуникационные технологии. Ученые считают, что новый тип гражданского активизма сформировался в регионе в 2011–2015 гг. на фоне

упадка роли традиционных социальных и политических акторов, а также роста диспропорций в доступе различных групп молодежи к базовым услугам, образованию, здравоохранению [Fuentes-Nieva, Nelli Feroci].

### Сценарии развития протестного движения

Большинство экспертов склонны считать, что 2020 г. будет не менее, а возможно, и более турбулентным, так как проблемы, копившиеся годами и обнажившиеся в ходе массовых манифестаций последнего времени, не имеют быстрого решения. Тот факт, что под влиянием массовых выступлений одни правительства отозвали объявленные реформы, а другие ушли в отставку, ликвидировал лишь повод для выступлений, но не причины конфликта. Социальные дисбалансы, вызванные неспособностью власти имущих вникнуть в проблемы общества, оказались слишком тяжелыми для граждан даже в такой благополучной, на первый взгляд, стране, как Чили. Эта южноамериканская страна с самым большим душевым ВВП в регионе находится на втором месте в рейтинге восприятия коррупции и на восьмом по уровню распределения доходов (см. таблицы 3, 4 и 2). Однако социально-политическая система, в своих основных чертах оставшаяся в наследство от режима генерала Аугусто Пиночета (1973–1990 гг.), перестала соответствовать современным требованиям. Российский исследователь Л.В. Дьякова выделяет пять причин октябрьских беспорядков. Это «темное историческое прошлое, плохой имидж президента, несовместимость дальнейшего экономического роста и социального равенства, рост левого радикализма и обманутые ожидания молодежи» [Цены...].

На проблемы молодежи обращают внимание все эксперты, анализирующие глобальные социальные сдвиги. Процесс смены поколений лежит в основе событий, происходящих в мире и в Латинской Америке, считает профессор Джорджтаунского университета Майкл Шифтер [Shifter]. В Боливии мирные протесты против фальсификации результатов выборов инициировали молодые избиратели, впервые пришедшие к урнам. В Колумбии, где студенческие волнения имеют богатые традиции, учащаяся молодежь не только научилась стремительно оккупировать по призыву соцсетей общественное пространство, но и оказалась способна самостоятельно формулировать требования по улучшению качества государственных услуг, повышению пенсий, реализации условий заключенного в 2016 г. мирного пакта между правительством и Революционными вооруженными силами Колумбии (Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia, FARC) [Ивановский]. Студенческим выступлениям в ноябре 2019 г. предшествовала общенациональная забастовка, организованная профсоюзами и поддержанная среди прочих индейскими организациями. Как и в Чили, правительство задействовало войска в столице и на границах, что привело к жертвам и десяткам раненых.

Жестокое подавление оппозиционных протестов наблюдается в Никарагуа, столкновения демонстрантов с силами правопорядка являются частью повседневной жизни в Мексике. Применение властями вооруженных сил для наведения порядка в Чили, Венесуэле, Колумбии, Мексике, Никарагуа трактуется большинством аналитиков как нарушение принятых демократических норм. На деле это вопрос непростой и дискус-

сионный. Вывод военных на улицы латиноамериканских городов вовлекает их в участие в политике, чего в странах региона не наблюдалось со времен правления военных хунт. В пользу использования армии для наведения порядка приводится тот аргумент, что она находится под контролем гражданских властей. Следствием политизации армии является «милитаризация демократии», считает Сония Альда Мехиас, эксперт Королевского института Элькано (Мадрид). Она утверждает, что в условиях крайней нестабильности гражданские власти могут прибегать в помощи военных для защиты демократии. Использование вооруженных сил для разгона протестующих в разных странах означает делегирование им функций полиции из-за неспособности последней стабилизировать положение [Attanasio]. С другой стороны, опора на армию в мирное время может служить индикатором слабости властных институтов в условиях падения их рейтингов.

Правящие элиты теряют доверие во многих странах региона и, как предостерегает английский журнал *Economist*, должны подготовиться к новым пертурбациям. При этом возможность новых социальных волнений определяется семью факторами (индикаторами): растущей разницей в доходах, неэффективностью управления, коррупцией верхов, безработицей среди молодежи, пробуксовкой экономик, падением поддержки демократии и отсутствием социальных гарантий (условий безопасности). По мнению экспертов, в обозримом будущем с наибольшей вероятностью социально-политические протесты ждут Никарагуа, Гватемалу, Бразилию, Гондурас, Чили, Мексику и Парагвай [Los siete...]. Возникновению протестов могут способствовать не только экономические и социальные причины или их совокупность, но и политические — как, например, в октябре 2019 г. в Боливии [Воротникова]. Ситуация острой нестабильности может развиться в странах с несистемными лидерами на посту президента (Бразилия и Мексика) или с сильно коррумпированной элитой (Перу).

«Протесты, прошедшие в Латинской Америке в 2019 г., являются лишь преамбулой к гораздо более серьезным мобилизациям, которые станут реальностью, если вызвавшие их проблемы не войдут в повестку деятельности правительств», — отмечает аргентинский историк Клаудио Чавес [Chávez]. Аргентина, которая считается на данный момент островком стабильности, проживала аналогичный «протестный эксперимент» в начале столетия. Состоявшиеся в октябре прошлого года президентские выборы канализировали вызревавший протест. Но это отнюдь не означает, что новым аргентинским властям гарантированы социальный мир и политический консенсус. Хустисиалистская (перонистская) партия, вернувшая себе бразды правления после четырехлетнего перерыва, представляет собой неоднородный конгломерат политических образований, объединившихся лишь накануне выборов. Против многих перонистов открыты уголовные дела по обвинению в коррупции, растрате бюджетных средств и т.д. Рано или поздно начнутся судебные процессы, хотя значительная часть арестованных, связанных с нынешней властью, уже вышли на свободу. Аргентину пока не затронуло расследование по делу Одебрехта, но это лишь вопрос времени.

Как ни странно, коррупция в высших эшелонах власти, несмотря на широкое медийное освещение, не является главным и непосредственным поводом для начала протест-

стов. Так, Эво Моралес, подозреваемый в коррупции, оказался в изгнании из-за подделки результатов октябрьских президентских выборов. Экс-президент Бразилии Луис Инасиу Лула да Силва, обвиненный в коррупции, напротив, собрал массовые манифестации в свою поддержку после оглашения обвинительного приговора [Окунева]. Перу является примером драматического финала карьеры четырех бывших глав государства: Пабло Кучинский ушел в добровольную отставку накануне импичмента по поводу его коррупционного дела, Альберто Фухимори и Ольянта Умала были осуждены и отбыли или отбывают тюремные сроки, Алехандро Толедо скрывается от преследований органов правосудия в США. В апреле 2019 г. экс-президент Алан Гарсия совершил самоубийство накануне ареста. Лидер оппозиции, кандидат в президенты Кейко Фухимори также не избежала заключения. Этот список можно продолжить, но очевидно, что антикоррупционная тема еще недавно не входила непосредственно в повестку массовых выступлений в стране, оставаясь в тени социальных требований.

Однако отношение к поведению элит становится все более критическим, и в протестном лексиконе уже появляются лозунги против коррупции и неоправданных привилегий, которые гласно или негласно устанавливают для себя и своего окружения правящие элиты стран ЛАКБ. Наиболее чувствительно в отношении коррупции население Перу, Панамы и Бразилии [The Political... p. 24].

В целом институт президентства в Латинской Америке переживает кризис [Яковлев Латинская...]. Как, впрочем, и действующие по инерции и растерявшие поддержку традиционные политические партии, как все более политизирующаяся судебная власть, как парламенты, становящиеся удобным инструментом законодательного обеспечения государственной политики. Неудивительно, что в последние годы в регионе падает поддержка демократии — с 58,4% в 2010 г. до 37,6 % в 2018–2019 гг. [The Political... p. 33]. Перерождаясь и теряя функции представительства гражданского общества, политические институты перестают осуществлять основную задачу, делегированную им обществом, — достижение благополучия всех его членов, а не отдельных представителей, принадлежащих к правящей элите. Это противоречие несет в себе значительный конфликтный потенциал и может стать причиной повышенного протестного активизма в третьем десятилетии XXI в.

При анализе феномена массового активизма в форме жесткого противостояния рядовых граждан и органов власти вырисовывается сложная и неоднозначная картина. Ситуация в каждой стране, где зафиксированы протестные кейсы, имеет специфический характер. Причины и поводы для выступлений везде разные и не всегда поддаются четкому определению, как нет и ясных объяснений совпадения их во времени (общий пик в октябре — ноябре 2019 г.). Например, не вполне понятно, почему протестами были охвачены не самые неблагополучные в социально-экономическом отношении государства: Чили и Колумбия.

Еще одна странность состоит в том, что, например, Боливия должна была бы стать ареной борьбы за более справедливое распределение доходов (при росте экономики в 4,2% она имеет один из самых низких показателей среднедушевого ВВП и высокую

степень коррумпированности элит), но непосредственным поводом для выступлений стали законодательные несовершенства и электоральные нарушения.

Таблица 5

**Социально-экономические показатели стран региона,  
в которых прошли массовые протесты в конце 2019 г. (данные за 2017/2018 гг.)**

Страны	Рост ВВП, %	Среднедушевой ВВП (ППС), (долл.)	Коэффициент Джини/ место в регионе	Индекс восприятия коррупции / место в регионе
Эквадор	1,4	11760	44,7 / 5	34 / 7
Чили	4,0	25700	46,6 / 8	67 / 2
Боливия	4,2	7842	44,0 / 4	28 / 13
Колумбия	2,6	14936	49,7 / 11	36 / 8
Средний показатель по региону	1,0	14666	46,8	36,1

**Источники:** CEPAL. Balance preliminar de las economías de América Latina. Y el Caribe. 2019. Santiago de Chile. 2019. p. 120; данные таблиц 2–4.

Отметим и тот момент, что в регионе распространены конспирологические версии с идеологическим подтекстом. Так, в подстрекательстве к протестам через социальные сети подозревают «международный коммунизм», а правительство Кубы и президента Венесуэлы Н. Мадуро обвиняют в причастности к организации массовых беспорядков в Эквадоре, Чили и Колумбии [Robinson]. Боливийский политолог Карлос Санчес Берсаин, бывший министр обороны и нынешний исполнительный директор Межамериканского института демократии, утверждает, что акции по дестабилизации демократических систем управления с целью отставки правительств в некоторых странах Южной Америки являются составной частью наступательной политики «кастрочавизма», организованной Кубой и поддерживаемой правящими режимами Венесуэлы, Боливии и Никарагуа [Sánchez Berzain]. С противоположной стороны вину за организацию волны протестов взваливают на «империализм янки».

В этой связи кажется справедливым суждение известного латиноамериканиста Карлоса Маламуда о том, что события в таком сложном и неоднородном регионе, каким являются Латинская Америка и страны Карибского бассейна, требуют более «сложных объяснений и интерпретаций» [Malamud].

Обобщая, можно сказать, что в виде протестов в дверь стучится новая эпоха, вступающая в конфликт со старой, сформировавшейся в предыдущие века. И это явление глобального масштаба. Поэтому любой анализ региональных кейсов будет заметным вкладом в изучение феномена повышенного гражданского активизма во всем мире.

## Литература

Воротникова Т. Тяжелый ноябрь Эво Моралеса // Независимая газета. 24.11.2019. — URL: [ng.ru/dipkurer/2019-11-24/9\\_7734\\_bolivia.html](http://ng.ru/dipkurer/2019-11-24/9_7734_bolivia.html) (date of access: 08.01.2020).

- Ермольева Э.Г.* Актуальная повестка дня: проблемы латиноамериканской молодежи // Латинская Америка. 2019. № 1. С. 20–21.
- Ивановский З.В.* Колумбия: мирный процесс и вызовы постконфликтного периода // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 1. С. 110–118.
- Ивановский З.В.* Латинская Америка в новом тысячелетии. Социальная панорама и динамика политических процессов // Латинская Америка. 2019. № 7. С. 30–39.
- Клочковский Л.Л.* Будущее мировой экономики и Латинская Америка // Перспективы. Электронный журнал. 2017. № 3 (11). С. 93–109. — URL: [http://perspektivy.info/upload/iblock/772/3\\_2017\\_2\\_.pdf](http://perspektivy.info/upload/iblock/772/3_2017_2_.pdf) (дата обращения: 08.01.2020).
- Окунева Л.С.* Латинская Америка пришла в движение: в чем смысл социальных протестов октября 2019 года? // Латинская Америка. 2020. № 1. С. 5–20.
- Цены на метро ни при чем, а вот Пиночет — да. Пять причин, почему (на самом деле) в Чили начались крупнейшие беспорядки за 30 лет // Meduza. 23 октября 2019. — URL: [meduza.io/feature/2019/10/23/tseny-na-metro-ni-pri-chem-a-vot-pinochet-da-pyat-prichin-pochemu-na-samom-dele-v-chili-nachalis-krupneyshie-besporiadki-za-30-let](https://meduza.io/feature/2019/10/23/tseny-na-metro-ni-pri-chem-a-vot-pinochet-da-pyat-prichin-pochemu-na-samom-dele-v-chili-nachalis-krupneyshie-besporiadki-za-30-let) (дата обращения: 08.01.2020).
- Яковлев П.П.* Латинская Америка: возможен ли рывок в развитии // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 3. С. 94–96.
- Яковлев П.П.* Мексика 2014 г. Реформы на фоне кровавой драмы // Латинская Америка. 2015. № 2. С. 13–14.
- Яковлева Н.М.* Президентская власть и оппозиция в XXI веке // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. № 3. С. 177–179.
- Яковлева Н.М.* Электоральный суперцикл в Латинской Америке: политические тренды // Перспективы. Электронный журнал. 2018. № 1 (13). — URL: [http://perspektivy.info/upload/iblock/a42/Yakovleva\\_69\\_80.pdf](http://perspektivy.info/upload/iblock/a42/Yakovleva_69_80.pdf) (дата обращения: 08.01.2020).
- Attanasio A.* Protestas en América Latina: como los militares volvieron al primer plano de la política en la región // BBC Mundo. London. 02.12.2019.
- CEPAL. América Latina y el Caribe: proyecciones de crecimiento, 2019–2020. — URL: [cepal.org/sites/default/files/pr/files/tabla\\_prensa\\_pib\\_balancepreliminar2019-esp.pdf](https://cepal.org/sites/default/files/pr/files/tabla_prensa_pib_balancepreliminar2019-esp.pdf) (date of access: 08.01.2020).
- La desigualdad es la causa estructural del malestar social en América Latina y el Caribe, afirma Alicia Bárcena en Foro de Davos. — URL: [cepal.org/es/comunicados/la-desigualdad-es-la-causa-estructural-malestar-social-america-latina-caribe-afirma](https://cepal.org/es/comunicados/la-desigualdad-es-la-causa-estructural-malestar-social-america-latina-caribe-afirma) (date of access: 08.01.2020).
- CEPAL. Panorama social de América Latina. 2019. Santiago de Chile. 2019.
- CEPAL. El periodo 2014–2020 sería el de menor crecimiento para las economías de América Latina y el Caribe en las últimas siete décadas. — URL: [cepal.org/es/comunicados/periodo-2014-2020-seria-menor-crecimiento-economias-america-latina-caribe-ultimas-siete](https://cepal.org/es/comunicados/periodo-2014-2020-seria-menor-crecimiento-economias-america-latina-caribe-ultimas-siete) (date of access: 08.01.2020).
- Chávez C.* En Argentina: ¿Casta o elite? // La Prensa. Buenos Aires. 02.01.2020.
- Fuentes-Nieva R., Nelli Feroci G.* Los movimientos sociales en América Latina y el Caribe, la evolución de su papel e influencia, y su creciente fuerza // Revue internationale de politique de développement. 2017. № 9. p. 323–338. — URL: [journals.openedition.org/poldev/2378](https://journals.openedition.org/poldev/2378) (date of access: 08.01.2020).
- Malamud C.* Conflictos y conspiraciones en América Latina // Real Instituto Elcano. Madrid. América Latina. 24.10.2019. — URL: [blog.realinstitutoelcano.org/conflictos-y-conspiraciones-en-america-latina/](https://blog.realinstitutoelcano.org/conflictos-y-conspiraciones-en-america-latina/) (date of access: 08.01.2020).



- Observatorio venezolano de violencia. Informes. 18.02.2016. — URL: [observatoriodeviolencia.org.ve/2015-tasa-de-homicidios-llego-a-90-por-cada-100-mil-habitantes/](http://observatoriodeviolencia.org.ve/2015-tasa-de-homicidios-llego-a-90-por-cada-100-mil-habitantes/) (date of access: 08.01.2020).
- Organización Internacional del Trabajo. Economía informal en América Latina y el Caribe. — URL: [ilo.org/americas/temas/economia-informal/lang--es/index.htm](http://ilo.org/americas/temas/economia-informal/lang--es/index.htm) (date of access: 08.01.2020).
- Panorama Laboral 2018. América Latina y el Caribe. Ginebra: Organización Internacional del Trabajo. 2017. — URL: [ilo.org/wcmsp5/groups/public/---americas/---ro-lima/documents/presentation/wcms\\_655231.pdf](http://ilo.org/wcmsp5/groups/public/---americas/---ro-lima/documents/presentation/wcms_655231.pdf) (date of access: 08.01.2020).
- The Political Culture of Democracy in the Americas: First Glance at Topline Results. Preliminary Americas Barometer Mid-Fieldwork Report. May 2019.
- Protestas globales: América Latina como espejo del mundo // France 24. Paris. 27.12.2019. — URL: [france24.com/es/20191227-protestas-globales-america-latina-como-espejo-del-mundo-1-2](http://france24.com/es/20191227-protestas-globales-america-latina-como-espejo-del-mundo-1-2) (date of access: 08.01.2020).
- Protestas en Chile: «Estamos en guerra», la frase de Piñera que se le volvió en contra en medio de las fuertes manifestaciones // BBC Mundo. 22.10.2019. — URL: [bbc.com/mundo/noticias-america-latina-50139270](http://bbc.com/mundo/noticias-america-latina-50139270) (date of access: 08.01.2020).
- Rodríguez Pinzón E. La movilización social sacude América Latina // Estudios de Política Exterior. 2020. # 193. Enero-febrero de 2020.
- Robinson A. ¿Quién incendia América Latina? // La Vanguardia. 06.12.2019; Julio Borges presentó “pruebas de la desestabilización que impulsa Nicolás Maduro y el régimen cubano” en la región / Infobae. 24.10.2019.
- Sánchez Berzain C. La ofensiva del castrochavismo en América hace imperativo considerar el final de las dictaduras // Infobae. 20.10.2019.
- Shifter M. La rebelión contra las élites en América Latina // The New York Times. New York. 22.01.2020.
- Los siete indicadores: por qué The Economist advierte que América Latina debe prepararse para más turbulencias en 2020 // Infobae.com. 13.12.2019.

DOI 10.32726/2411-3417-2020-1-82-96

УДК 94; 323; 327

Вадим Трухачев

## Чехия: неоднозначное прошлое как часть текущей политики

**Аннотация.** В 2019 г. Чехия отметила 30-летие Бархатной революции, положившей конец 41-летнему социалистическому периоду в чешской истории. Это событие, а также освобождение Праги Красной армией в 1945 г. и особенно подавление Пражской весны в 1968 г. в огромной степени определяют отношение современных чехов к СССР и России. Отношение к вводу войск ОВД в 1968 г. явно отрицательное, две другие даты вызывают жаркие споры. В частности, судьба памятника маршалу Коневу и намерение увековечить в одном из пражских районов память власовцев вызвали не только острую реакцию в России, но и дебаты в чешском обществе. Неоднозначное прошлое все еще остается в Чехии частью текущей политики.

**Ключевые слова:** Чехия, Прага, историческая память, памятник Коневу, Вторая мировая война, «Бархатная революция», «Пражская весна», социализм, М. Земан, В. Клаус.

В 2019 г. Чехия отметила 30-летие Бархатной революции, положившей конец 41-летнему правлению чехословацкой компартии. И хотя с тех пор выросло целое поколение, не помнящее социализма, минувшая эпоха так и не стала в полном смысле историей. Она остается поводом для текущих политических заявлений и действий. Особенно горячие эмоции вызывают события 1968 г., когда войска стран Варшавского договора силой подавили попытки реформировать социализм в Чехословакии — Пражскую весну.

Заявления на данную тему во многом идут бок о бок с оценками роли, которую сыграл в жизни чешского народа Советский Союз. Память об издержках и преимуществах социализма, ассоциируемого с СССР, тесно переплетается с тем, как чехи воспринимают освобождение своей столицы и большей части страны Красной армией в 1945 г. А то обстоятельство, что сегодня отношения России со странами Евросоюза (в том числе и Чехией) переживают не лучшие времена, создает дополнительную почву для политизации истории и попыток выставить все, что так или иначе связано с Россией или СССР, в негативном свете. Впрочем, единства мнений в чешской политической элите на сей счет не наблюдается.

**Сведения об авторе:** ТРУХАЧЕВ Вадим Вадимович — доцент факультета международных отношений и зарубежного регионоведения РГГУ, кандидат исторических наук, vadimvts@mail.ru.

## Противоречивая память об освобождении Чехословакии

Освобождение Праги стало последним крупным сражением Второй мировой войны в Европе. Когда над Рейхстагом водрузили красный флаг, Прага все еще оставалась под контролем мощной немецкой военной группировки. 5 мая 1945 г. в городе вспыхнуло восстание, руководимое Чешским национальным советом. Спустя день на сторону восставших перешли находившиеся недалеко от города некоторые подразделения Русской освободительной армии (РОА) под командованием Сергея Буняченко. Власовцы вместе с восставшими чехами смогли освободить несколько районов, но в ночь на 8 мая, узнав, что в город будет входить Красная армия, покинули Прагу. На тот момент в ней еще оставалось немало немецких войск.

В итоге город освободили войска 1-го Украинского фронта под командованием маршала Ивана Степановича Конева, вступившие в Прагу на рассвете 9 мая. По данным министерства обороны России, только в самом городе погиб 461 советский воин [Список...]. Всего же на территории Чехословакии Красная армия потеряла почти 140 тысяч советских воинов. Об этом напоминают 4224 воинских захоронения красноармейцев, находящихся на чешской земле [Přesun Kopěvové...]. Наиболее известными символами освобождения Чехословакии стали мемориал на Ольшанском кладбище в Праге и установленный в районе Прага-6 в 1980 г. памятник маршалу Коневу.

Несмотря на огромную значимость событий 1945 г. не только для России, но и для Чехии, о них не все охотно вспоминают. Так, чешские социологи не проводили (по крайней мере, пока) опросы на тему отношения к освобождению страны от гитлеровцев. Представители трех политических сил, представленных в парламенте (правящая партия «Акция недовольных граждан» (ANO), консервативный Христианско-демократический союз и либерально-консервативная партия «Старосты и независимые») не обозначили свое отношение к событиям того времени. В то же время представители других партий, а также президент Милош Земан охотно высказывались об этом.

На оценки 1945 г. наложился и тот факт, что спустя менее чем три года после освобождения Праги в Чехословакии установился социализм, отношение к которому в Чехии скорее отрицательное.

Основатель либерально-консервативной партии ТОП 09, бывший глава МИД Чехии Карел Шварценберг считает, что чехи должны были сопротивляться установлению социализма с оружием в руках. Он привел в пример Польшу и ее антикоммунистическое подполье, которое сначала, в 1944 г., попыталось освободить Варшаву без участия Красной армии, а затем сопротивлялось приходу социализма вплоть до начала 1950-х годов (причем судьба разрушенной Варшавы не видится ему чем-то ужасным): «Мы капитулировали в 1948 и 1968 годах. Надеюсь, мы прекратим эту мерзкую традицию... Возможно, Прага была бы разбита, но мы, как поляки, сохранили бы национальную гордость» [Schwarzenberg: Po Mnichovu...]. Ни о каком освобождении в 1945 г. Шварценберг не говорил, и из его слов прямо следует, что вступление в город Красной армии он таковым не считает.

Депутат парламента от евроскептической Гражданской демократической партии, директор Института по изучению тоталитарных режимов Павел Жачек полагает, что подлинными освободителями Праги стали не красноармейцы, а власовцы. «Пражское восстание, к сожалению, в значительной степени остается неизвестным драматическим событием нашей истории. Наконец пришло время рассказать всю правду о деятельности повстанцев, роли власовцев, американцев и самих немцев... Прагу освобождала не Красная армия, а власовцы. Даже после прибытия танковых войск в Прагу 9 мая 1945 г. ... повстанцы вместе с власовцами... вступили в бой с эсэсовцами» [Pavel Žáček...].

На то, что память о 1945 г. во многом вытеснили установление социализма и связанные с этим негативные события, прямо указывали в Пиратской партии, когда оценивали вклад в историю маршала Конева. «Кроме участия в освобождении части Чехословакии, за Коневым значатся кровавое подавление восстания в Венгрии (в 1956 г. — В.Т.), строительство Берлинской стены... А также захват жителей Праги русского происхождения бойцами СМЕРШ» [At' o soše Koněva...]. С другой стороны, лидер Социал-демократической партии Чехии, руководитель чешского МВД Ян Гамачек призвал отделять одно событие от другого. «Это правда, что памятники несут в себе отпечаток прежнего режима... Но Красная армия окончательно освободила Прагу. И памятник (Коневу) — своего рода выражение благодарности за май 1945 года» [Jan Hamáček...].

Среди чешских политиков есть категорические противники преуменьшения роли Красной армии в освобождении страны. Об этом, как и против героизации власовцев, прямо высказался руководитель парламентской фракции правой партии «Свобода и прямая демократия» Радим Фиала: «Мы будем убирать памятники освободителям и ставить их коллаборантам? Мы выступаем категорически против переписывания итогов Второй мировой войны... В боях за Чехословакию погибли 140 тысяч красноармейцев, и мы должны выразить им уважение» [Radim Fiala: To je opravdu zřůdné]. По мнению депутата парламента от коммунистов Катержины Йироусовой, государственный праздник надо перенести с 8 на 9 мая. «Не 8-е, а 9 мая должно быть национальным праздником... Нашу родину освободили 9 мая, когда в столицу вошли бойцы Красной армии» [Kateřina Jirousová...]. Наконец, президент страны Милош Земан 9 мая 2019 г. специально приехал в посольство России на торжественный прием в честь Дня Победы, где заявил: «Я приехал сегодня сюда, в посольство России, чтобы глубоко поклониться памяти советских солдат, погибших в боях за освобождение Чехословакии... Тот, кто забывает свое прошлое, осужден опять его прожить» [Земан почтил...]. Тем самым глава чешского государства обозначил, что его страна помнит своих освободителей.

Таким образом, нельзя сказать, что 1945 г. стерся из чешской национальной памяти. Представители большинства политических сил и глава государства в той или иной степени говорят о нем. В то же время представители ряда политических сил (главным образом, настроенные критически к современной России ТОП 09 и Гражданская демократическая партия) [См. Трухачев «Российский» раскол Чехии] трактуют освобождение Праги по-своему. Так что в чешской политической элите существуют глубокие противоречия относительно видения событий завершающего этапа Второй мировой войны

## Памятник власовцам вместо статуи Конева?

Как и другие бывшие социалистические страны, Чехию затронуло поветрие избавления от памятников эпохи социализма. Самой шумевшей историей стало решение о переносе памятника маршалу Коневу в районе Прага-6. По предложению старосты района, представителя партии ТОП 09 Ондржея Коларжа, 11 сентября 2019 г. депутаты районного собрания постановили перенести его в другое место [Facka osvoboditelům!?!]. По мнению Коларжа, монумент символизирует не освобождение Праги, а тоталитаризм, принесенный СССР: «Принято решение о переносе памятника в достойное место, в один из музеев... Совет района Прага-6 с уважением относится к потерям, которые понесла Красная армия... Но нужно добавить, что Красная армия принесла и террор» [Praha 6 schválila...].

Желание властей района Прага-6 убрать памятник Коневу раскололо чешское общество. Ряд активистов требовали его убрать еще в 2015 г., заявляя: «Грабежи и изнасилования во время Второй мировой войны, кровавое подавление восстания в Венгрии в 1956 г., под его командованием строили Берлинскую стену... Неизвестно, зачем нам нужна эта статуя» [Socha maršála Koněva...]. Однако было и другое: в августе 2019 г. мужчина средних лет приковал себя к монументу. Объяснил он свой поступок так: «Я не пророссийский активист, но я и не антироссийский... Можно по-разному относиться к Коневу, но именно советские солдаты освободили Прагу от фашизма» [Трухачев Прага благодарная...].

Единства не наблюдалось и среди чешских политиков. Так, лидер партии ТОП 09 Карел Шварценберг поддержал идею убрать «бронзового маршала»: «Сопrotивление Коневу было подкреплено информацией о том, что он подавил восстание в Венгрии... Это было ужасно. Поэтому я считаю памятник Коневу сомнительным» [Schwarzenberg: Zeman...]. Заместитель руководителя партии «Старосты и независимые» Петр Газдик также высказался скорее за перенос статуи, чем против, но предпочел говорить не о ней, а о России: «Маршал Конев оставил как позитивный, так и негативный след в истории... Мы — независимое государство, не сателлит России» [Gazdík...]. Заместитель главы Гражданской демократической партии, евродепутат Ян Заградил счел, что решить судьбу памятника должно министерство обороны Чехии: «Району Прага-6 не следует заниматься темой, которая вызывает шквал эмоций в обществе... Министерство обороны должно договориться с районными властями о перемещении статуи на принадлежащую ему территорию» [Zahradil...]. В Пиратской партии предложили провести референдум о судьбе памятника, однако уже придумали, кто мог бы заменить Конева. «Мы предлагали референдум о судьбе памятника... Мы хотели бы видеть на этом месте памятник чехословацкому генералу русского происхождения Сергею Войцеховскому ..., которого силы НКВД при участии Конева захватили и отправили в ГУЛАГ» [Na místo Koněva...].

Резко против переноса памятника выступила Коммунистическая партия: «Речь идет о насаждении ненависти к периоду правления коммунистов..., к России... Мы осуждаем... решение совета района Прага-6...» [Nesouhlasíme...]. В похожем духе высказались

и в партии «Свобода и прямая демократия»: «Ради создания образа России как врага уничтожают память о том, кто не дал нашей стране раствориться в империи Гитлера... Конев был солдатом, который освободил ...Прагу» [Radim Fiala: Vedení...]. Осудил решение и лидер партии «Триколор», сын второго президента Чехии Вацлава Клауса — Вацлав Клаус-младший: «Статуя Конева прославляет не конкретную личность, а конец Второй мировой войны и освобождение Чехословакии» [Václav Klaus ml.: Když...].

В свою очередь, чешские социал-демократы, будучи против переноса памятника, готовы к компромиссам. Их лидер и глава МВД Чехии Я. Гамачек считает слова осуждения в адрес Конева неуместными: «Конев... не был олицетворением большевистского террора, нет смысла разрушать памятник ему... Он и его войска были преисполнены желанием покончить с нацистским режимом, с ним они вошли в Прагу» [Jan Hamáček...]. Однако его однопартиец, глава МИД Томаш Петржичек сделал существенную оговорку: «Если мы найдем новое достойное место для памятника, то не нарушим свои обязательства» [Komentář... Трухачев Прага неблагодарная...].

Против переноса монумента Конева выступил и президент М. Земан: «Я бы рекомендовал оставить статую. Маршал Конев не только освободил Прагу, он освободил Освенцим... Памятник символизировал тех советских воинов, которые погибли при освобождении Праги» [Трухачев Прага неблагодарная...]. При этом он тоже допустил возможность переноса памятника в какое-либо другое место [Там же].

Еще один громкий случай имел место в пражском районе Ржепорые, староста которого Павел Новотный из Гражданской демократической партии предложил воздвигнуть в районе памятник власовцам — несмотря на то, что они воевали бок о бок с нацистами [Řeporyje]. Его слова в отношении маршала Конева носили крайне резкий, оскорбительный характер: «Обращаю внимание посла РФ как представителя государства, где обожают маршала Конева. Он был позором Красной армии, на его руках кровь тысяч гражданских лиц. Мы не желаем его видеть на территории района Ржепорые, которые освободили 6 мая 1945 года власовцы» [Ibidem]. Заместитель председателя Гражданской демократической партии Мартин Купка поддержал своего соратника: «Я бы тоже проголосовал «за». И если российская сторона придает этому такое значение, она стреляет себе в ногу. Это не восхваление Власова, а напоминание о реальных исторических фактах» [Výjimka...]. В итоге депутаты района Ржепорые в декабре 2019 г. приняли соответствующее решение. Правда, заместитель Новотного Давид Рознетинский дал понять, что слова «власовцы» на новом памятнике не будет: «Мы хотим почтить память рядовых бойцов, а не Власова с Буняченко» [Zastupitelé...]. Кроме того, жители района подписали петицию с призывом снабдить монумент разъясняющей информацией, в том числе о неблагоприятных сторонах деятельности власовцев [Ibidem]. Мэр Праги Зденек Гржиб, представляющий Пиратскую партию, не возражал против установки памятника, но дал понять, что предпочитает видеть подобный объект в другом месте: «Мы уважаем самоуправление района и в его деятельность не вмешиваемся... Но я думаю, что сначала надо решить вопрос с братским захоронением власовцев в районе Йинонице» [Ibidem].

Однако у идеи почтить память власовцев нашлись и противники. Свое несогласие с решением властей района Ржепорые высказал председатель Коммунистической партии Чехии Войтех Филип: «Что касается памятника власовцам, то любой образованный человек знает, что власовцы были профашистской армией... Это возмутительная насмешка над всеми чешскими жертвами Второй мировой войны» [Každý...]. О своем несогласии заявил и президент Земан: «Оказанием помощи антигитлеровскому Пражскому восстанию власовцы пытались искупить совершенные ими преступления. Встанет вопрос, могут ли они искупить свою вину продолжавшимися всего несколько дней действиями позитивного характера и можно ли в связи с этим забыть, что они предали Родину? Думаю, забывать нельзя» [Трухачев Власовцы...].

Истории с переносом статуи Конева и установкой памятного знака власовцам показали, что и чешская политическая элита, и общество расколоты. Одни решительно поддерживают упразднение памятников эпохи социализма и увековечивание даже тех борцов с ним, кто имел более чем сомнительную репутацию. Другие настаивают на том, что память об освобождении Праги Красной армией священна, а обелиски коллаборационистам недопустимы даже при наличии смягчающих обстоятельств. Третьи колеблются и готовы рассматривать компромиссные варианты, вроде переноса «бронзового» Конева в другое достойное место или сопровождения установки памятного знака власовцам пояснением об их общей неблагоприятной роли. Так или иначе, но сами споры вокруг памятников подтверждают, что события 1945 г. остаются в Чехии частью текущей политики, а не давно отрефлексированного прошлого.

### **1968 г. как символ почти полного единения чехов**

Одной из главных причин отрицательного отношения части чешской общественности к памятнику Коневу и отказа считать события 1945 г. освобождением Чехословакии является рефлексия по поводу событий 1968 г. Память о подавлении Пражской весны войсками стран Варшавского договора во главе с СССР в значительной степени вытеснила происходившее 23 годами ранее. Действия Советского Союза оценивает отрицательно большинство чешских политических сил — даже те, которые признают решающий вклад Красной армии в освобождение страны.

Наиболее эмоционально говорила об этой дате заместитель председателя партии ТОП 09 Маркета Пекарова Адамова, которая предложила особо отметить день ухода советских войск с территории страны: «21 августа 1968 г. ... является одним из самых трагических дней нашей современной истории. Он начал многолетнюю оккупацию Чехословакии ..., негативные последствия от которой ощущаются по сей день... Мы не должны забывать день 27 июня 1991 г., когда последний советский солдат покинул территорию Чехословакии... По этому случаю необходимо учредить памятную дату — День вывода советских войск из Чехословакии» [Adamová...].

По мнению лидера Гражданской демократической партии Петра Фиалы, который застал те события мальчиком, 1968 г. показал, что у социализма не может быть человеческого лица. «Глазами ребенка я видел танки перед вокзалом Брно, обезумевших

людей на улицах, черно-белые лица в... телевизоре... Пятидесятилетие советской оккупации... — повод задуматься о сущности и последствиях августа 1968 г. Оказалось, что гуманизация и демократизация коммунистического режима не только наивна, но, прежде всего, невозможна. Реальный социализм не может быть развернут человеческим лицом» [Petr Fiala...].

Об особом значении даты 21 августа 1968 г. напоминал и депутат от Христианско-демократического союза Иржи Милога: «Этот день не является национальным праздником, он является важным... напоминанием об одном из самых трагических событий современной чешской истории» [Poslanci...]. Не забывать 1968 г. призывал и председатель парламентской фракции партии «Старосты и независимые» Вит Ракушан: «Некоторые говорят, что местом, откуда пришла эта трагедия, была не Россия... Или нужно учитывать международный контекст... Мы не можем себе позволить забывчивость. Среди нас живут люди, которые в то время жили ... и которые сталкивались с русскими солдатами» [Přepis zasedání...].

Отрицательное отношение к вводу войск ОВД разделяет и правая партия «Свобода и прямая демократия», которая чтит память советских воинов, погибших в боях за освобождение Чехословакии от гитлеровцев. «Те события [1968 г.] стали грубым нарушением суверенитета и независимости Чехословакии, — отмечал председатель партийной фракции в парламенте Радим Фиала. — Вторжение иностранных войск полностью противоречило международному праву» [ibidem]. В свою очередь, в Пиратской партии сделали акцент на неравенстве сил в событиях 1968 г.: «500 тысяч военных, шесть тысяч танков и 800 самолетов участвовали в историческом предательстве, когда наш народ на 20 лет погрузили во тьму тоталитаризма... Всего во время оккупации погибли 400 чехословацких граждан. 300 тысяч человек покинули родину» [Piráti z Prahy...].

Один из лидеров социал-демократов, председатель Сената Милан Штех обращал внимание на то, что реформы Пражской весны имели массовую поддержку в чехословацком обществе. «В то время вся страна переживала социальные изменения и поддерживала их инициаторов и представителей государства. Даже если сегодня они могут казаться... ошибочными или недостаточными, следует помнить, что они действительно имели массовую поддержку населения. Оттого еще большим было удивление и разочарование в связи с вторжением войск стран Варшавского договора... Люди спонтанно сопротивлялись вторжению всеми возможными способами» [Projev předsedy Senátu...]. В близком духе выступил и его коллега из нижней палаты, заместитель председателя партии ANO 2011 Радек Вондрачек: «"Пражская весна" 1968 г. принесла огромную надежду людям... Последующее вторжение... только подтвердило, что коммунистический режим не подлежал реформированию...». «50 лет назад наше государство потерпело неудачу и разочаровало своих граждан, — подчеркнул он, — давайте не позволим этой печальной истории повториться» [Předseda...].

Бывший президент Чехии Вацлав Клаус также осуждал ввод войск ОВД в Чехословакию, но призывал не демонизировать в этой связи современную Россию: «Оккупация Чехословакии Советским Союзом продолжительностью более двух десятилетий имеет



свои последствия и сегодня. У многих она отняла способность смотреть на Россию нейтральными глазами спустя четверть века после падения коммунизма. Россию по-прежнему демонизируют... Использовать для этого 1968 г. недопустимо» [Václav Klaus v MF Dnes...]. Тем самым бывший глава государства подчеркнул, что сегодняшнее отрицательное восприятие России частью чешского общества имеет корни именно в событиях того времени.

Со своей стороны, действующий президент М. Земан, будучи 22 ноября 2017 г. в Москве, остро отреагировал на сюжет одного из российских каналов, где фигурировало мнение о правильности действий СССР в 1968 г. «Вчера... вышел сюжет, где говорилось, что в 1968 г. советская армия помогла Чехословакии тем, что оккупировала ее. Это является сознательным оскорблением нашего народа... Я считаю это умышленной провокацией... На встрече с премьером Медведевым я потребую, чтобы он дистанцировался от подобного рода высказываний» [Projev prezidenta republiky...]. Реакция Земана доказывает, что уважение к памяти советских воинов-освободителей отнюдь не исключает глубоко отрицательного восприятия политики СССР образца 1968 г.

Единственной крупной политической силой, иначе оценивающей события 1968 г., остаются чешские коммунисты. Но и они не столько оправдывают ввод войск ОВД, сколько объясняют его международным контекстом холодной войны: «Коммунистическая партия пользовалась тогда доверием большинства жителей Чехословакии, учитывая наш уровень социальных благ по сравнению с другими государствами Варшавского договора... События 1968 г. ... вызваны прежде всего имевшим место разделением Европы и мира на два блока... Насильственное введение войск Варшавского договора проводилось при молчаливом согласии США и имело целью удержать нашу страну в лагере социализма... Ввод войск... заблокировал перспективу движения к более справедливому обществу» [Stanovisko...].

При таком единодушии разных партий в отношении событий 1968 г. вполне естественно, что парламент Чехии к 50-й годовщине тех событий принял одобренный почти всеми фракциями и группами (исключение составили коммунисты) документ, где подавление Пражской весны называлось «вторжением и оккупацией, противоречащими международному праву» [Usnesení...]. И в данном случае мнение политиков вполне отражает общественные настроения. Согласно опросу Чешского центра изучения общественного мнения, проведенному в марте 2018 г., ввод войск ОВД отрицательно оценивают 76%, положительно — только 5% и нейтрально — 10%. В целом же «годы социализма» в Чехословакии положительно оценили 8% опрошенных, отрицательно — 67% и двойственно — 16% [Občané...].

Таким образом, в чешском обществе существует почти полный консенсус относительно видения событий 1968 г. Они до сих пор занимают важное место в чешском национальном самосознании и остаются для него сильной травмой. Что, в свою очередь, накладывает отпечаток на отношение ко всему, что так или иначе связано с СССР или Россией. Кроме того, они повлияли и на преимущественно негативную оценку социализма в целом, который стал во многом отождествляться с тем, что произошло

в 1968 г., — как нечто, привнесенное извне Советским Союзом, а не установленное по воле чешского и словацкого народов.

### **Бархатная революция: поддержка с оговорками**

17 ноября 2019 г. Прага отметила 30-летие со дня начала Бархатной революции, положившей конец социализму в Чехословакии. Эта дата, служащая своего рода антиподом 1968 г., широко отмечалась в Чехии и Словакии, найдя живой отклик у политиков. Как и в случае с годовщиной подавления Пражской весны, в Чехии по ней высказались представители всех ведущих политических сил, а социологи провели опросы, касающиеся отношения чехов к знаменательному событию. Причем оценки во многом оказались связаны с текущей обстановкой внутри страны и в Европе.

Руководитель пражского отделения партии ТОП 09 Иржи Поспишил отметил особую значимость даты и заявил о некой сегодняшней угрозе демократии, не уточняя, откуда она исходит: «17 ноября... является важным национальным праздником, который олицетворяет борьбу за свободу и демократию и сопротивление злу коммунизма и нацизма. Наша страна живет уже 30 лет при свободе и демократии, но никогда с 1989 г. не были эти ценности поставлены под сомнение так сильно, как сейчас» [Svoboda...]. Учитывая резко антироссийскую направленность партии, речь, по всей видимости, шла в том числе о современной России, в политике которой партия видит вызов для «свободы и демократии» [См. Трухачев «Российский» раскол Чехии].

Заместитель председателя Гражданской демократической партии, бывший глава МИД Чехии Александр Вондра призвал защищать достигнутую 30 лет назад свободу: «30 лет назад мы боролись за свободу, которая теперь каждый день подвергается испытаниям... Мы должны быть услышаны и ежечасно бороться за свободу» [Zprochybňování...]. Один из лидеров Пиратской партии, мэр Праги З. Гржиб отметил положительные изменения, которые принесла Бархатная революция: «Сегодня хорошо оглянуться назад и посмотреть, что получилось, а что нет. Большинство вещей удалась... Демократия, свобода, верховенство закона или даже уважение к мнению других — это то, за что надо постоянно бороться» [Projev Zdeňka...].

В отличие от вышеназванных партий, христианские демократы указывали не только на положительные итоги Бархатной революции. Если председатель христианско-демократической фракции в Сенате Петр Шилар сделал акцент на «свободе и демократии, которые являются прочными основами строительства нашей [чешской] государственности» [Senátoři...], то лидер партии Марек Выборный обратил внимание на издержки, которые принес стране выбор западного пути развития. «Начало 1990-х годов стало временем расцвета порнографии и эротики... Действительно, в этом случае железный занавес парадоксальным образом имел и позитивное влияние. В вопросе [идущих с Запада] ценностей мы в Центральной Европе особого восторга не испытываем» [Marek Výborný...].

Один из лидеров социал-демократов, министр труда и социальной защиты Яна Малачова тоже говорила не только о положительных последствиях Бархатной революции:

«Сегодня можно говорить об угрозе свободе, за которую мы боролись 30 лет назад... Спустя 30 лет два из пяти классов социально уязвимы... Мы должны быть осторожны в оценках» [J. Maláčová...]. Еще резче высказался один из лидеров правой партии «Свобода и прямая демократия» Радим Фиала: «30 лет назад... тоталитарная власть коммунистических партий закончилась... Трансформация власти вызвала необычайные надежды граждан, связанные со свободой и демократией. Сегодня мы можем сказать, что значительная часть ожиданий не оправдалась. Реальная власть сегодня находится в руках глобалистских элит... Элиты ЕС... действуют так же, как и коммунисты» [Radim Fiala: V letošním...].

По мнению же заместителя председателя Коммунистической партии Чехии К. Конечной, 17 ноября 1989 г. — вообще не повод для праздника: «В рамках создания культа личности Вацлава Гавела и других героев тех дней нельзя забывать, каковы были их обещания. На прекрасной лжи не вырастишь общество, основанное на правде и любви... Меня пугает тезис о том, что нет лучшего режима, чем этот... Полностью исчезло уважение к мнению других и уважение к большинству... Я не хочу отказываться от создания лучшего мира...» [Proč neslavím 17...].

Заявления в день 30-летия Бархатной революции сделали и высшие должностные лица Чехии. Премьер-министру, лидеру партии ANO 2011 Андрею Бабишу пришлось выступать под аккомпанемент протестов с требованием его отставки, которые устроили представители «ТОП 09», гражданских демократов, христианских демократов и «пиратов». В ответ он призвал не использовать памятные даты в сиюминутных политических целях: «17 ноября 1989 г. принесло нам фундаментальные изменения — свободу слова, передвижения, бизнеса... Мы не должны злоупотреблять этим праздником, чтобы разделять общество... Сегодня этот праздник должен служить только воспоминанием» [Babiš...].

В похожем духе высказались нынешний и бывший президенты, которые сами участвовали в Бархатной революции. «Празднования у нормальных людей крадут те, кто сеет ненависть, — подчеркнул Милош Земан. — ...Антиправительственные демонстрации не могут быть связаны с 17 ноября, это прямое злоупотребление памятной датой» [Rozhovor...]. Со своей стороны, В. Клаус тоже говорил больше о текущих событиях, нежели о 1989 г. По его мнению, в 2019 г. праздник «украли»: «Этот праздник был украден. Тем не менее, “кража” происходит с разных направлений и в разной тональности, и поэтому неправильно определять, кто украл у нас праздник. Я не могу описать это одним словом» [Václav Klaus pro Parlamentní...].

Несмотря на значительные расхождения во мнениях, в целом чешская политическая элита трактовала 30-летие Бархатной революции как праздник. И это вполне отражает точку зрения большинства чехов. Согласно опросу чешского Центра по изучению общественного мнения в марте 2018 г., 72% жителей Чехии положительно относятся к событиям 1989 г., 9% — отрицательно и 14% — противоречиво [Občané o historie...]. Позитивное отношение к Бархатной революции довольно прочно укоренилась в сознании людей. Однако, в отличие от 1968 г., она не обрела «сакрального» смысла, хотя

те силы, которые в наибольшей степени превозносят падение социализма, активно использовали 30-летие событий 1989 г. в своих политических целях.

В действительности отношение к эпохе социализма у тех чехов, которые ее застали, не столь однозначно. По данным социологов NMS Market Research и Post Bellum, 36% чехов старше 40 лет уверены, что их жизнь после Бархатной революции улучшилась, 17% полагают, что она ухудшилась. Целых 38% опрошенных заявили, что до 1989 г. жилось лучше, чем сегодня, хотя противоположную оценку дают больше респондентов — 45%. В то же время экономическую ситуацию до 1989 г. как лучшую оценивают 24%, а 53% уверены, что она лучше в наши дни [Průzkum...]. Тем самым подтверждаются мнение многих политиков, что Бархатная революция не в полной мере оправдала ожидания населения Чехии — пусть даже общий уровень ее поддержки высок.

\* \* \*

Современное национальное самосознание чехов и их отношение к России во многом основываются на восприятии событий 1945, 1968 и 1989 гг. Наиболее противоречиво отношение к освобождению страны Красной армией. Часть чешского общества отделяет это событие от последующего установления социализма, для иных же издержки советского строя имеют настолько определяющее значение, что они готовы отрицать сам факт освобождения от нацизма. Что касается событий 1968 г., то здесь расхождения минимальны. Не очень велики они и относительно 1989 г., однако итоги Бархатной революции многие все же оценивают сквозь призму современной политической и экономической ситуации.

В целом восприятие политическими партиями Чехии памятных дат XX в. весьма неоднозначно, и оно во многом связано с их отношением к России. Наиболее антироссийски настроенные ТОП 09 и Гражданская демократическая партия отрицают факт освобождения страны Красной армией, сильнее других рефлексировать по поводу подавления Пражской весны и наиболее горячо приветствуют Бархатную революцию, не гнушаясь использовать историю в собственных текущих внутривнутриполитических целях. На противоположном фланге находятся лояльные России коммунисты — единственная сила, не высказывающаяся жестко по поводу ввода войск в 1968 г. и отрицающая праздничную суть Бархатной революции. У всех остальных сил имеются свои нюансы в оценках событий 1945 г. и последующих десятилетий (за исключением 1968 г.). Особо выделяются относящиеся с понимаем к российской политике президенты Клаус и Земан, а также правая партия «Свобода и прямая демократия». Таким образом, «российская составляющая» накладывает определенный отпечаток на видение чешскими политиками национальной истории. Что делает и без того противоречивую чешскую историческую память еще менее однозначной. Примечательно, что восприятие значимых дат недавнего прошлого политиками вполне соответствует настроениям, царящим в обществе, которое в основном, хотя и с оговорками, воспринимает эпоху социализма отрицательно.

## Литература

- Земан почтил память советских солдат, освободивших Чехословакию // РИА Новости. 09.05.2019. — URL: [ria.ru/20190509/1553389710.html](http://ria.ru/20190509/1553389710.html) (дата обращения: 18.12.2019).
- Президент Чехии назвал позором ситуацию с памятником маршалу Коневу // РИА Новости. 12.09.2019. — URL: [ria.ru/20190912/1558635596.html](http://ria.ru/20190912/1558635596.html) (дата обращения: 24.09.2019).
- Список военнослужащих Советской Армии, погибших на территории Чехословацкой Республики во время Великой Отечественной войны. Первая книга // Обобщенный банк данных «Мемориал». — URL: [obd-memorial.ru/html/info.htm?id=66740639&page=2&p=2](http://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=66740639&page=2&p=2) (дата обращения: 24.09.2019.)
- Трухачев В. Власовцы вместо маршала Конева: Прага как новый центр русофобии // EADaily.com. 04.12.2019. — URL: [eadaily.com/ru/news/2019/12/04/vlasovcy-vmesto-marshala-koneva-praga-kak-novyuy-centr-rusofobii?fbclid=IwAR1PcmCJwjGEKWhJZeJ1mlLeKl2A0z2vhk9xtyFudQ-mt-xaTFrvcsQSug](http://eadaily.com/ru/news/2019/12/04/vlasovcy-vmesto-marshala-koneva-praga-kak-novyuy-centr-rusofobii?fbclid=IwAR1PcmCJwjGEKWhJZeJ1mlLeKl2A0z2vhk9xtyFudQ-mt-xaTFrvcsQSug) (дата обращения: 12.12.2019).
- Трухачев В. Прага неблагоприятная: опасность сноса памятника Коневу не оценили вовремя // EADaily.com. 21.09.2019. — URL: [eadaily.com/ru/news/2019/09/21/praga-neblagodarnaya-opasnost-snosa-pamyatnika-konevu-ne-ocenili-vovremya](http://eadaily.com/ru/news/2019/09/21/praga-neblagodarnaya-opasnost-snosa-pamyatnika-konevu-ne-ocenili-vovremya) (дата обращения: 24.09.2019).
- Трухачев В.В. «Российский» раскол Чехии // «Перспективы». 2018. №3. С.100–113. — URL: [http://perspektivy.info/upload/iblock/701/3\\_2018\\_7\\_000.pdf](http://perspektivy.info/upload/iblock/701/3_2018_7_000.pdf) (дата обращения: 18.12.2019).
- Adamová: Měli bychom si připomínat i odchod sovětských vojsk // TOP 09. 21.08.2019. — URL: [top09.cz/co-delame/tiskove-zpravy/adamova-meli-bychom-si-pripominat-i-odchod-sovetskych-vojsk-26194.html](http://top09.cz/co-delame/tiskove-zpravy/adamova-meli-bychom-si-pripominat-i-odchod-sovetskych-vojsk-26194.html) (date of access: 12.12.2019).
- At' o soše Koněva rozhodnou sami Pražané v referendu, navrhuje Piráti z Prahy 6 // Pirátská strana. 27.08.2019. — URL: [praha.pirati.cz/at-lide-o-konevovi-rozhodnou-v-referendu.html](http://praha.pirati.cz/at-lide-o-konevovi-rozhodnou-v-referendu.html) (date of access: 24.09.2019).
- Babiš: Sametová revoluce nesplnila očekávání všech lidí // Lidovky.cz. 17. listopadu 2019. — URL: [lidovky.cz/domov/babis-sametova-revoluce-nesplnila-ocekavani-vsech-lidi.A151117\\_092113\\_ln\\_domov\\_ELE](http://lidovky.cz/domov/babis-sametova-revoluce-nesplnila-ocekavani-vsech-lidi.A151117_092113_ln_domov_ELE) (date of access: 12.12.2019).
- Facka osvoboditelům!? // HaloNoviny. 12.09.2019. — URL: [halonoviny.cz/articles/view/51955751](http://halonoviny.cz/articles/view/51955751) (date of access: 12.12.2019).
- Gazdík: Ať mladí volí od 16 let, brání to extremismu. Čapí hnízdo? Šaroch mluvil jinak, asi ho osvětil Duch svatý // ParlamentníListy.cz. 18.09.2019. — URL: [parlamentnilisty.cz/arena/rozhovory/Gazdik-At-mladi-voli-od-16-let-brani-to-extremismu-Capi-hnizdo-Saroch-mluvil-jinak-asi-ho-osvitil-Duch-svaty-596366](http://parlamentnilisty.cz/arena/rozhovory/Gazdik-At-mladi-voli-od-16-let-brani-to-extremismu-Capi-hnizdo-Saroch-mluvil-jinak-asi-ho-osvitil-Duch-svaty-596366) (date of access: 24.09.2019).
- J. Maláčová: Za co jsme bojovali v roce 1989. A jsme opravdu svobodní? // ČSSD. 20 listopadu 2019. — URL: [cssd.cz/aktualne/blogy/j-malacova-za-co-jsme-bojovali-v-roce-1989-a-jsme-opravdu-svobodni/](http://cssd.cz/aktualne/blogy/j-malacova-za-co-jsme-bojovali-v-roce-1989-a-jsme-opravdu-svobodni/) (date of access: 12.12.2019).
- Jan Hamáček: Třetí světová válka o maršála Koněva // Česká strana sociálně demokratická. 4. září 2019. — URL: [cssd.cz/media/cssd-v-mediich/jan-hamacek-treti-svetova-valka-o-marsala-koneva/](http://cssd.cz/media/cssd-v-mediich/jan-hamacek-treti-svetova-valka-o-marsala-koneva/) (date of access: 24.09.2019).
- Kateřina Jirousová: Ještě 9. května umírali lidé // KSČM. 16.05.2018. — URL: [kscm.cz/cs/aktualne/medialni-vystupy/komentare/katerina-jirousova-jeste-9-kvetna-umirali-lide](http://kscm.cz/cs/aktualne/medialni-vystupy/komentare/katerina-jirousova-jeste-9-kvetna-umirali-lide) (date of access: 18.12.2019).
- Každý průměrně vzdělaný člověk ví, že vlasovci bylo označení pro profašistickou armádu // KSČM. 30.11.2019. — URL: [kscm.cz/cs/aktualne/aktuality/kazdy-prumerne-vzdelany-clovek-vi-ze-vlasovci-bylo-oznaceni-pro-profasistickou](http://kscm.cz/cs/aktualne/aktuality/kazdy-prumerne-vzdelany-clovek-vi-ze-vlasovci-bylo-oznaceni-pro-profasistickou) (date of access: 12.12.2019).

- Komentář ruského ministra ke Koněvovi byl zbytečný a urážlivý, řekl Hamáček // iDNES.cz. 8. září 2019. — URL: idnes.cz/zpravy/domaci/hamacek-komentar-rusko-ministr-zbytecny-urazlivy. A190908\_160429\_domaci\_zaz (date of access: 12.12.2019).
- Marek Výborný: Co je to manželství, víme i bez průzkumů. S novým šéfem KDU-ČSL nejen o konzervatismu // KDU-ČSL. 08.04.2019. — URL: kdu.cz/aktualne/z-medii/marek-vyborny-co-je-to-manzelstvi-vime-i-bez-pruzk (date of access: 12.12.2019).
- Na místo Koněva československý hrdina // Párátská strana. 12.09.2019. — URL: praha6.pirati.cz/aktuality/konev-vojcechovsky.html (date of access: 24.09.2019).
- Nesouhlasíme s přepisováním historie // Komunistická strana Čech a Moravy. 30.08.2019. — URL: kscm.cz/cs/aktualne/stanoviska/nesouhlasime-s-prepisovanim-historie (date of access: 24.09.2019).
- Občané o historie osobnostech, obdobích a událostech česko-slovenské březem 2018 // Centrum pro výzkum veřejného mínění (CVVM). — URL: cvvm.soc.cas.cz/media/com\_form2content/documents/c2/a4607/f9/pd180509.pdf (date of access: 12.12.2019).
- Pavel Žáček: Stručně o povstání na Praze 5// ODS. 6 června 2018. — URL: ods.cz/ms.barrandov/clanek/15697-strucne-o-povstani-na-praze-5 (date of access: 18.12.2019)
- Petr Fiala: Výročí 21. srpna 1968 a demokratické vlastenectví: Vyvěšme vlajky a budme hrdí na svobodu // ODS. 13. srpna 2018. — URL: ods.cz/clanek/15919-vyroci-21-srpna-1968-a-democraticke-vlastenectvi-vyvesme-vlajky-a-budme-hrdi-na-svobodu (date of access: 12.12.2019).
- Piráti z Prahy 11 si připomněli 50 let od invaze vojsk Varšavské smlouvy // Párátská strana. 22.08.2018. — URL: praha11.pirati.cz/tiskove-zpravy/pripominka-50-let-od-invaze/ (date of access: 12.12.2019).
- Poslanci schválili 21. srpen jako významný den // KDU-ČSL. 24.10.2019. — URL: kdu.cz/aktualne/zpravy/poslanci-schvalili-21-srpen-vyznamnym-dnem (дата обращения: 12.12.2019).
- Praha 6 schválila odstranění Koněva, nahradí ho památník hrdinů // iDNES.cz. 12.09.2019. — URL: idnes.cz/praha/zpravy/socha-koneva-v-zastupitelstvo-prahy-6-premisteni-pomniku. A190910\_085328\_praha-zpravy\_rsr (date of access: 12.12.2019).
- Předseda Sněmovny pronesl projev k výročí okupace 1968 // Poslanecká sněmovna Parlamentu ČR. 21.08.2018. — URL: psp.cz/sqw/detail.sqw?id=6165&z=11625 (дата обращения: 12.12.2019).
- Přepis zasedání Poslanecké sněmovny Parlamentu ČR 22. srpna 2018 // Poslanecká sněmovna Parlamentu ČR. — URL: psp.cz/eknih/2017ps/stenprot/018schuz/s018027.htm (дата обращения: 12.12.2019).
- Přesun Koněvové sochy podle Petříčka neporuší smlouvu s Ruskem // Denik.cz. 18.09.2019. — URL: denik.cz/z\_domova/presun-konevovy-sochy-podle-petricka-neporusi-smlouvu-s-ruskem-20190918.html (date of access: 24.09.2019).
- Proč neslavím 17. listopad 1989// KSCM, 18.11.2019. URL: kscm.cz/cs/aktualne/aktuality/proc-neslavim-17-listopad-1989 (date of access: 12.12.2019).
- Projev předsedy Senátu PČR Milana Štěcha u příležitosti padesátiletého výročí sovětské okupace// ČSSD. 21 srpna 2018. — URL: cssd.cz/aktualne/aktuality/projev-predsedy-senatu-pcr-pana-milana-stecha-u-prilezitosti-padesatiletého-vyroci-sovetske-okupace/ (date of access: 12.12.2019).
- Projev prezidenta republiky na česko-ruském podnikatelském fóru // Miloš Zeman — osobní stránka. 22.11.2017. URL: zemanmilos.cz/cz/clanky/projev-prezidenta-republiky-na-cesko-ruskem-podnikatelskem-foru.htm (date of access: 12.12.2019).

- Projev Zdeňka Hřiba při příležitosti otevření výstavy Praha 1989 // Pírátská strana. 17.11.2019. — URL: [praha.pirati.cz/projev-zdenka-hriba.html](http://praha.pirati.cz/projev-zdenka-hriba.html) (date of access: 12.12.2019).
- Průzkum: Jak se žilo lidem za socialismu? // Deník PLUS. 23 října 2019. — URL: [zpravy.denikplus.cz/domaci/1365-pruzkum-jak-se-zilo-lidem-za-socialismu.html](http://zpravy.denikplus.cz/domaci/1365-pruzkum-jak-se-zilo-lidem-za-socialismu.html) (date of access: 12.12.2019).
- Radim Fiala: To je opravdu zruďné // SPD. 27.11.2019. — URL: [spd.cz/novinky/6782-radim-fiala-to-je-opravdu-zrudne-starosta-reporyji-pavel-novotny-z-ods-ktereho-podporuje-i-predseda-strany-petr-fiala-chce-v-reporyjih-postavit-pomnik-vlasovcum-tedy-ruskym-kolaborantum-s-nacistickym-nemeckem-takzvana-ruska-osvobozenicka-armada-roa](http://spd.cz/novinky/6782-radim-fiala-to-je-opravdu-zrudne-starosta-reporyji-pavel-novotny-z-ods-ktereho-podporuje-i-predseda-strany-petr-fiala-chce-v-reporyjih-postavit-pomnik-vlasovcum-tedy-ruskym-kolaborantum-s-nacistickym-nemeckem-takzvana-ruska-osvobozenicka-armada-roa) (date of access: 18.12.2019).
- Radim Fiala: V letošním roce si připomínáme 30. výročí takzvané “sametové revoluce” // SPD. 17.11.2019. — URL: [spd.cz/novinky/6686-radim-fiala-v-letosnim-roce-si-pripominame-30-vyroci-takzvane-sametove-revoluce](http://spd.cz/novinky/6686-radim-fiala-v-letosnim-roce-si-pripominame-30-vyroci-takzvane-sametove-revoluce) (date of access: 12.12.2019).
- Radim Fiala: Vedení a starosta Prahy 6 zakrývají sochu maršála Koněva ,aby ji údajně chránili proti vandalismu // Svoboda a přímá demokracie. — URL: [spd.cz/novinky/5949-radim-fiala-vedeni-a-starosta-prahy-6-zakryvaji-sochu-marsala-koneva-aby-ji-udajne-chranili-proti-vandalismu](http://spd.cz/novinky/5949-radim-fiala-vedeni-a-starosta-prahy-6-zakryvaji-sochu-marsala-koneva-aby-ji-udajne-chranili-proti-vandalismu) (date of access: 24.09.2019).
- Řeporyje pijí kvůli vlasovcům Rusům krev. Novotný: Máme vás na salámu! // Pražský deník.cz. 26.11.2019. — URL: [prazsky.denik.cz/zpravy\\_region/reporyje-rusko-ambasada-pomnik-vlasovcum-starosta-novotny-putin-soveti-20191126.html](http://prazsky.denik.cz/zpravy_region/reporyje-rusko-ambasada-pomnik-vlasovcum-starosta-novotny-putin-soveti-20191126.html) (date of access: 12.12.2019).
- Rozhovor prezidenta republiky pro Parlamentní listy // Miloš Zeman — osobní stránka. 16.11.2019. — URL: [zemanmilos.cz/cz/clanky/rozhovor-prezidenta-republiky-pro-parlamentni-listy-426035.htm](http://zemanmilos.cz/cz/clanky/rozhovor-prezidenta-republiky-pro-parlamentni-listy-426035.htm) (date of access: 12.12.2019).
- Schwarzenberg: Po Mnichovu nám vymizelo vlastenectví // TOP 09. 03.10.2018. — URL: [top09.cz/co-delame/medialni-vystupy/schwarzenberg-po-mnichovu-nam-vymizelo-vlastenectvi-24969.html](http://top09.cz/co-delame/medialni-vystupy/schwarzenberg-po-mnichovu-nam-vymizelo-vlastenectvi-24969.html) (date of access: 18.12.2019).
- Schwarzenberg: Zeman se chová jak Ludvík XIV // TOP 09. 23.09.2019. — URL: [top09.cz/co-delame/medialni-vystupy/schwarzenberg-zeman-se-chova-jak-ludvik-xiv-26305.html](http://top09.cz/co-delame/medialni-vystupy/schwarzenberg-zeman-se-chova-jak-ludvik-xiv-26305.html) (дата обращения: 24.09.2019).
- Senátoři si připomínají 30 let svobody // KDU-ČSL. 14.11.2019. — URL: [kdu.cz/aktualne/zpravy/senatori-si-pripominaji-30-let-svobody](http://kdu.cz/aktualne/zpravy/senatori-si-pripominaji-30-let-svobody) (date of access: 12.12.2019).
- Socha maršála Koněva zřejmě přežije, kontroverzi vyřeší tabulka // ČT24.cz. 19.04.2015. — URL: [ct24.ceskatelevize.cz/domaci/1519968-socha-marsala-koneva-zrejme-prezije-kontroverzi-vyresi-tabulka](http://ct24.ceskatelevize.cz/domaci/1519968-socha-marsala-koneva-zrejme-prezije-kontroverzi-vyresi-tabulka) (date of access: 24.09.2019).
- Stanovisko k výročí 21. srpna 1968 // KSCM. 12.05.2016. — URL: [kscm.cz/cs/nase-strana/dokumenty/dulezite-dokumenty-k-minulosti/stanovisko-k-vyroci-21-srpna-1968](http://kscm.cz/cs/nase-strana/dokumenty/dulezite-dokumenty-k-minulosti/stanovisko-k-vyroci-21-srpna-1968) (date of access: 12.12.2019).
- Svoboda a demokracie nebyly od roku 89 zpochybnovány tak jako nyní // TOP 09. 18.11.2019. — URL: [top09.cz/regiony/praha/regionalni-organizace/praha-9/svoboda-a-demokracie-nebyly-od-roku-89-zpoc...](http://top09.cz/regiony/praha/regionalni-organizace/praha-9/svoboda-a-demokracie-nebyly-od-roku-89-zpoc...) (date of access: 12.12.2019).
- Usnesení PS č. 311 k uctění památky obětí k 50. výročí invaze a okupace Československa vojsky Varšavské smlouvy v roce 1968 // Poslanecká sněmovna Parlamentu ČR. 22.08.2018. — URL: [psp.cz/sqw/text/text2.sqw?idd=150380](http://psp.cz/sqw/text/text2.sqw?idd=150380) (date of access: 12.12.2019).
- Václav Klaus ml.: Když se zahalují a bourají sochy // Václav Klaus — osobní stránka. 03.09.2019. — URL: [klaus.cz/clanky/4426](http://klaus.cz/clanky/4426) (date of access: 24.09.2019).
- Václav Klaus pro Parlamentní listy o svátečním listopadovém víkendu // Václav Klaus — osobní stránka. 18.11.2019. — URL: [klaus.cz/clanky/4464](http://klaus.cz/clanky/4464) (date of access: 12.12.2019).

- Václav Klaus v MF Dnes: Pražské jaro a jeho širší kontext // Václav Klaus — osobní stránka. 18.08.2018. — URL: klaus.cz/clanky/4301 (date of access: 12.12.2019).
- Výjimka, tu si můžeme dovolit, zastal se šéf ODS Novotného, který štve Rusy // iDNES.cz. 11 prosince 2019. — URL: idnes.cz/zpravy/domaci/ods-starosta-pavel-novotny-reporyje.A191211\_161813\_domaci\_kop (date of access: 12.12.2019).
- Zahradil k soše Koněva: Mám řešení. Vládo, konej! // ParlamentníListy.cz. 07.09.2019. — URL: parlamentnilisty.cz/arena/monitor/Zahradil-k-sose-Koneva-Mam-reseni-Vlado-konej-595151 (date of access: 24.09.2019).
- Zastupitelé pražských Řeporyjí odsouhlasili stavbu pietního místa vlasovcům // iDNES.cz. 10 prosince 2019. — URL: idnes.cz/praha/zpravy/pavel-novotny-reporuy-pomnik-vlasovcum.A191210\_131936\_praha-zpravy\_rsr (date of access: 12.12.2019).
- Zpochybňování hodnot listopadu 1989 nesmíme dopustit, startujeme kampaň 30 let svobody // ODS. 6 srpna 2019. — URL: ods.cz/clanek/17937-ods-zpochybnovani-hodnot-listopadu-1989-nesmime-dopustit-startujeme-kampan-30-let-svobody (date of access: 12.12.2019).



DOI 10.32726/2411-3417-2020-1-97-112

УДК 94

Антон Крутиков

## Большевики и Тартуский мирный договор 1920 г.

**Аннотация.** Для РСФСР и Эстонии заключение Тартуского мирного договора решало целый комплекс дипломатических, военных и экономических проблем, рассмотрение которых традиционно находится в фокусе внимания историков. Однако мир не стал справедливым актом завершения Гражданской войны и заложил основы современных российско-эстонских противоречий. Войдя в историю как памятник партийных амбиций большевиков и ранней советской дипломатии, договор не просто получил статус важного исторического артефакта. 100 лет спустя Тартуский мир по-прежнему остается инструментом политических манипуляций и предметом спора политиков и дипломатов.

**Ключевые слова:** РСФСР, Эстония, большевики, Тартуский договор, Гражданская война, дипломатия, международные отношения.

100 лет назад представители Эстонской республики и РСФСР подписали в г. Тарту (Юрьеве) мирный договор, положивший конец Гражданской войне на северо-западе России и ставший первым актом признания новообразованного эстонского государства. Договор не только утвердил суверенитет Эстонии, но и расширил ее границы на восток значительно дальше этнических: ей передавались территории восточнее р. Нарова (Эстонская Ингерманландия) и южнее Псковского озера (Печоры, Изборск). Согласно договору, большевистское правительство России обязалось выплатить Эстонии 15 млн рублей золотом, вернуть культурные и исторические ценности, предоставить концессии, гарантировать многочисленные преимущества в сфере экономических и торговых взаимоотношений. РСФСР «безоговорочно признавала» независимость Эстонии, отказывалась «добровольно и на вечные времена от всяких суверенных прав», принадлежавших ранее России «в отношении к Эстонскому народу и земле в силу существовавшего государственно-правового порядка» [Мирный договор...]. Для обоих правительств договор стал важным актом признания со стороны другого европейского государства.

После провозглашения независимости Эстонии в 1991 г. Тартуский договор оказался предметом спора российских и эстонских политиков, дипломатов, историков. Упоминания о «старой границе» неизбежно влекли за собой рассуждения на тему «аннексии», которые часто звучали со стороны официального Таллина. Полярность эстонских и российских оценок Тартуского мирного договора долгие годы оставалась препятст-

**Сведения об авторе:** КРУТИКОВ Антон Алексеевич — историк, научно-просветительский проект «Западная Русь», [bialyorz1000@gmail.com](mailto:bialyorz1000@gmail.com).

вием для преодоления пограничных разногласий. Причем суть этих разногласий состоит не только и не столько в эстонских территориальных претензиях как таковых — она тесно связана с концептуальными историческими противоречиями. Помимо событий 1920 г., не менее дискуссионными остаются и обстоятельства, при которых Тартуский договор утратил свою силу два десятилетия спустя. И если для России они не несут дополнительных «политических» смыслов, то для Эстонии историческая память о 1940 г. актуализирована в достаточно сложном и болезненном вопросе правопреемства, неразрывно связанном с пограничной тематикой.

Очевидно, однако, что этот историко-правовой документ интересен не только с точки зрения крайне важного вопроса о российско-эстонской границе. 100 лет назад заключение Тартуского мира определенным образом решало целый комплекс дипломатических, военных и экономических проблем, рассмотрение которых традиционно находится в фокусе внимания историков. Изучение обстоятельств подписания договора позволяет лучше понять как драматические процессы того времени, так и природу современных российско-эстонских противоречий и тем самым облегчить выработку подходов к их разрешению.

### **«Неслыханная победа над всемирным империализмом»**

Многие исследователи Гражданской войны в России склонны рассматривать Тартуский мир как взаимовыгодный союз, заключенный РСФСР и Эстонией с целью ликвидации Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича. Позиция Эстонии в данном контексте однозначно оценивается как предательство своих бывших союзников по антибольшевистскому фронту [Цветков, с. 37; Рутыч, с. 103]. Подтверждает данную оценку и анализ положений договора, который предусматривал безусловное разоружение всех воинских частей, не относящихся к вооруженным силам договаривающихся сторон и находящихся на их территории [Мирный договор...]. Однако в действительности заключению Тартуского мира предшествовала целая череда военных и дипломатических усилий, которые далеко не исчерпывались «фактором Юденича».

Союз между эстонским правительством и командованием Северо-Западной армии — факт, хорошо известный как современникам, так и позднейшим историкам. Этот союз возник благодаря настойчивым усилиям британской военной миссии в Эстонии и ее руководителя бригадного генерала Ф. Марча. В августе 1919 г. генерал стал инициатором создания белого правительства Северо-Западной области во главе с С.Г. Лианозовым, объединившего представителей кадетов, правых эсеров и меньшевиков [Цветков, с. 47–48]. 11 августа только что созданное правительство подписало декларацию о безоговорочном признании независимости Эстонии — это являлось обязательным условием для получения британской военной помощи. Генерал Н.Н. Юденич занял в этом правительстве пост военного министра, а его Северо-Западной армии была обещана поддержка эстонских войск в освобождении Петроградской, Псковской и Новгородской губерний, а также Петрограда от «большевистского ига» [Образование северо-западного правительства, с. 302].

Эстонская сторона не была в полной мере удовлетворена этой декларацией и выражала беспокойство по поводу якобы прогерманской ориентации отдельных белогвардейских частей. Так, войска Западной добровольческой армии генерал-майора П.Р. Авалова-Бермондта, формально подчиненные Юденичу, отказались выполнить приказ о соединении с главными силами белых и не приняли участия в осеннем наступлении на Петроград. Авалов-Бермондт критически оценивал союз с Эстонией, особенно после получения известий о контактах эстонской стороны с большевиками в сентябре 1919 г. Расположенные в Латвии части Авалова-Бермондта начали собственную военную авантюру и, вступив в конфликт с латвийским правительством, развернули наступление на Ригу (остановленное силами эстонцев, латышей и британской военной эскадры адмирала Э. Александер-Синклера). Вооруженные столкновения в Латвии и крайне болезненный для эстонцев вопрос о «прогерманской ориентации» сил Авалова-Бермондта сказывались на доверии эстонской стороны к Юденичу и в целом к Белому движению<sup>1</sup>.

С развитием собственных военных и политических структур Эстонской республики это недоверие постоянно нарастало и достигло апогея в период успешного наступления белых на Петроград осенью 1919 г. В октябре 1919 г., на фоне стремительного продвижения войск Юденича на восток, падение Петрограда казалось неизбежным и ожидалось в течение нескольких дней<sup>2</sup>. Лидеры Эстонии и Белого движения строили далеко идущие планы, но это не избавило их от взаимных конфликтов.

Крупным скандалом закончилось обсуждение вопроса о том, кому предстоит овладеть Кронштадтом — базой Балтийского флота и ключевым пунктом обороны столицы. По воспоминаниям контр-адмирала В.К. Пилкина, морского министра в Северо-Западном правительстве и соратника Н.Н. Юденича, последний дал согласие на занятие Кронштадта эстонцами. Это вызвало протест адмирала, предположившего, что эстонцы, «да и англичане с ними вместе, уведут наши суда, потопят часть из них, разграбят часть имущества, вывезут продовольствие и материалы, расстреляют не того, кого следует, и т. п.» [Пилкин]. Не доверяя союзникам, Пилкин справедливо полагал, что разрушение и захват русской военно-морской базы на Балтике могут быть использованы для будущего ослабления России. Возмущение адмирала вызвал и тот факт, что занятие Кронштадта могло быть поручено «бывшему лавочнику, адмиралу Питке»; с точки зрения вклада эстонцев в совместную борьбу с красными это выглядело «бессмыслицей» [Там же].

В то же время и эстонские военные не скрывали своего недоверия к белым. По словам упомянутого выше командующего эстонским флотом контр-адмирала Йохана Питки, «если бы силам Северо-Западной белогвардейской армии удалось завладеть

1 Среди современников была распространена точка зрения, считающая П.Р. Авалова-Бермондта орудием германской интриги в Прибалтике, направленной на ослабление позиций Антанты и новообразованных «окраинных» государств.

2 Губернатором еще не взятого Петрограда был назначен генерал-майор П.В. Глазенап. Готовился созыв Учредительного собрания Северо-Западной области и формирование нового правительства.

Петроградом и в ее руках очутился бы флот, то через несколько недель этот флот появился бы под Андреевским флагом под Ревелем, чтобы вновь превратить последний из столицы Эстонской республики в губернский город России» [Корнатовский].

Отсутствие взаимопонимания между союзниками имело для их совместных боевых операций самые трагичные последствия. Эстонские войска не оказали поддержки наступающим войскам белых, не смогли прикрыть их фланги. Эстонцам не удалось захватить форты на южном берегу Финского залива, а овладение Кронштадтом так и осталось недостижимой мечтой. Провал наступления 1-й эстонской дивизии на побережье Финского залива привел к тому, что левый фланг Юденича оказался оголен и открыт для контрудара. В конце октября 1919 г. белые потерпели поражение под Петроградом и с боями отошли к эстонской границе.

Один из организаторов вооруженной борьбы с Советской Россией — Уинстон Черчилль констатировал: «...существовали силы, которые, совместно использованные, легко могли одержать победу. Но они были разъединены [...]. Все предложения образовать единое командование и нанести большевикам совместный удар провалились» [Churchill, p. 256].

Как писал в своем дневнике В.К. Пилкин, тыл белых находился под постоянной угрозой из-за ненадежных эстонских частей. «Вчера эстонцы (1-ый полк) пропустили [...] в тыл к Глазенапу три полка красных [...]. Выслали резерв и прорыв удалось ликвидировать, но можно ли воевать при таких условиях? Не будет ли повторена попытка? Не пропустят ли эстонцы не три, а десять полков?» «Эстонские войска, — отмечал контр-адмирал, — это большевики самые настоящие. Через эстонскую, наполовину большевистскую, армию свободно проходят агитаторы, и вообще кто угодно» [Пилкин].

Находившаяся у эстонской границы, лишенная тыла и путей снабжения Северо-Западная армия белых насчитывала тогда не более 8000 человек, боевой дух ее частей после неудач под Петроградом был крайне невысок [Цветков, с. 37]. Войска не получали вовремя продовольствие и оказались лишены возможности отступить на эстонскую территорию. «Русские полки не пропускаются за проволочное ограждение эстонцами. Люди кучами замерзают в эту ночь», — писал очевидец и участник этих событий А.И. Куприн [Куприн].

Советско-эстонское сближение (с которым еще в сентябре 1919 г. был вынужден считаться уже упомянутый Авалов-Бермондт) действительно началось задолго до боев за Петроград. 31 августа 1919 г. РСФСР направила Эстонии свои мирные предложения, а 11 сентября аналогичные ноты были отправлены правительствам Литвы, Латвии и Финляндии. Переговоры начались 17 сентября 1919 г. в Пскове, однако они были вскоре прерваны под давлением Антанты. Перерыв в переговорах совпал с осенним наступлением Н.Н. Юденича на Петроград, а провал наступления создал в Прибалтике принципиально иную военно-политическую ситуацию, которой обе стороны не замедлили воспользоваться.

К моменту возобновления 4 декабря 1919 г. в Тарту мирных переговоров с большевиками всякая необходимость в «союзнической» белой армии для эстонцев отпала. Солдатам армии Юденича разрешили все же перейти на эстонскую территорию, где они были разоружены и помещены в лагеря для интернированных. Ужасные условия содержания в этих лагерях, расположенных в болотистой местности Вирусского уезда, привели к эпидемиям. По сути, за несколько недель до подписания Тартуского мира с Северо-Западной армией было уже покончено. 22 января 1920 г. генерал Юденич подписал приказ о ликвидации Северо-Западной армии. Спустя шесть дней его, сторонника идеи «единой, великой и неделимой России», арестовали эстонские власти. Освобождение генерала произошло только после вмешательства английской и французской миссий. Впрочем, судьба рядовых соратников Юденича зачастую складывалась куда более трагично.

Окончательная ликвидация угрозы Петрограду со стороны белых и их союзников все же рассматривалась большевиками как неперемненное условие для заключения мира с Эстонией. В.И. Ленин придавал большое значение ликвидации Юденича. «Покончить с Юденичем, — писал он Л.Д. Троцкому 22 октября 1919 г., — нам дьявольски (это слово подчеркнуто. — А.К.) важно» [Ленин, Письмо Л.Д. Троцкому, с. 304]. Троцкий придерживался несколько иной позиции и был не против перенести боевые действия на эстонскую территорию, чтобы «дать урок эстонцам». Поддержка Юденича эстонским правительством, по мнению Троцкого, являлась достаточным основанием для нанесения удара возмездия по эстонской «буржуазии» и преследования войск белогвардейцев «по ту сторону эстляндской границы» [Троцкий, с. 574].

Обсуждение этого вопроса вызвало полемику среди советского руководства, причем оппонентом Троцкого был глава НКВД Г.В. Чичерин, выступавший за дипломатический путь решения «эстонской проблемы». Конфликт разрешился благодаря вмешательству Ленина, поддержавшего позицию НКВД. 27 ноября 1919 г. эстонский премьер Яан Поска известил наркома Чичерина о согласии вступить в переговоры с советской делегацией в Юрьеве (Тарту).

Поражение белых под Петроградом, потерявших теперь всякую надежду на реванш, еще больше сблизило интересы Эстонии и РСФСР. Весьма показательным примером такого сближения является меморандум эстонского правительства Верховному Совету Антанты 16 декабря 1919 г. Он стал ответом на ноту Верховного Совета от 4 декабря 1919 г., полученную из Парижа, в которой Антанта выражала беспокойство по поводу контактов эстонской стороны с Советской Россией.

Упрекая Верховный Совет в том, что он до сих пор не признал Эстонскую республику «*de jure*», эстонское правительство заявило, что еще два месяца назад получило советские мирные предложения, в которых РСФСР обнаружила готовность «признать самостоятельность и автономию Эстонии и отказаться от всяческих наступательных действий против нее» [Меморандум... с. 275]. «Принимая во внимание, — писали эстонские представители, — чрезвычайно тяжелое экономическое положение страны... и страстное желание народа освободиться от тяжелого бремени постоянной войны, Правительство Эстонии не может отклонить это мирное предложение» [Там же].

Северо-Западная армия в меморандуме была представлена едва ли не в качестве главной угрозы эстонскому государству. «Начальники и все командование русской Северо-Западной Армии, — писали авторы меморандума, — не переставали повторять, что они рассчитывают уничтожить самостоятельность Эстонии при первой им представившейся возможности» [Меморандум... с. 271]. Не приводя конкретных фактов, эстонская сторона утверждала: «Командование Северо-Западной Армии назначало на ответственные посты реакционеров, дружественно расположенных по отношению к немцам и провозглашающих по отношению окраинных государств и их народов восстановление Великой России. Эти элементы высказывали глубокую враждебность по отношению Балтийских окраинных государств и в особенности по отношению самостоятельности Эстонии, как государства» [Меморандум... с. 273]. Снимая с себя всякую ответственность за поражение под Петроградом (в октябре 1919 г.), глава эстонского правительства Яан Теннисон и министр иностранных дел Адо Бирк ставили Антанту перед фактом: «Эстонское Правительство издало приказ, по которому все воинские части русской Северо-Западной Армии, дезертирующие с противобольшевистского фронта и спасающиеся на эстонскую территорию, были бы обезоружены. Личный состав разоруженных войск рассматривался, как иностранцы, подчиненные распоряжениям Министерства Внутренних Дел» [Меморандум... с. 274]. Меморандум преследовал две цели: оправдать в глазах Антанты начало мирных переговоров с РСФСР и узаконить ликвидацию главного очага Белого движения на северо-западе России — то, чего с наименьшей настойчивостью добивалась и советская сторона.

К тому времени в ходе советско-эстонских переговоров выяснилось, что согласование советского и эстонского подходов к судьбе «неправительственных войск» не встретит препятствий. 14 декабря 1919 г. части 7-й армии большевиков нанесли окончательное поражение 1-му корпусу Северо-Западной армии; эстонская же сторона активно разоружала переходившие границу части Юденича.

Несмотря на более чем благоприятное для красных положение на фронте, инструкции членам советской делегации А.А. Иоффе и И.Э. Гуковскому, которые они получали от Л.Б. Красина, предписывали делать «все возможное, чтобы мир заключить». Следуя этим указаниям, делегация РСФСР пошла на беспрецедентные уступки, отказавшись от прежней границы по реке Нарова и отдав эстонцам Ивангород, Печоры и Изборск.

К концу декабря 1919 г. сторонам удалось решить принципиально важные вопросы, которые касались перемирия на фронте, новой границы и взаимного признания. 3 января 1920 г. перемирие вступило в силу. 2 февраля 1920 г. в здании гимназии на ул. Vanemuise, 35 в Тарту советские и эстонские дипломаты подписали окончательный текст мирного договора. Документ был практически сразу ратифицирован: Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом — 4 февраля, Эстонским Учредительным собранием — 13 февраля 1920 г.

Статья VII договора обязывала каждую из сторон «воспретить пребывание на своей территории каких либо войск, кроме войск правительственных или войск дружественных государств, с которыми одной из договаривающихся сторон заключена военная

конвенция, но которые не находятся в фактическом состоянии войны с другой из договаривающихся сторон» [Мирный договор]. Эстония и РСФСР обязывались «разоружить не бывшие подчиненными правительствам договаривающихся сторон [...] сухопутные части и морские силы, находящиеся на их территориях» [Там же]. А для ликвидации угрозы со стороны подобных формирований в будущем договор требовал «воспретить солдатам и командному составу неправительственных войск, подлежащих разоружению, [...] вступать под каким либо видом, в том числе и в качестве добровольцев, в правительственные войска договаривающихся сторон» [Там же]. Для наблюдения за выполнением этих условий создавалась российско-эстонская смешанная комиссия.

Не менее важен был пункт 5 статьи VII, который требовал «не допускать образования и пребывания на своей территории каких бы то ни было организаций и групп, претендующих на роль правительства всей территории другой договаривающейся стороны или части ее» [Мирный договор]. Таким образом, не только армия, но и политические структуры Правительства Северо-Западной области были обречены<sup>1</sup>.

Согласно пункту 2 статьи III договора, «территория Эстонии восточнее реки Наровы, река Нарова, и острова по реке Нарове, а также вся полоса южнее Псковского озера [...] в военном отношении считаются нейтральными до первого января тысяча девятьсот двадцать второго года» [Там же]. В нейтральной полосе было запрещено размещение войск, кроме необходимых для охраны государственной границы. Таким образом, Тартуский договор предусматривал временную демилитаризацию приграничной полосы, простиравшейся от побережья Финского залива на севере до южного берега Псковского озера.

Ликвидация военной угрозы для Петрограда, роспуск неправительственных войск, появление демилитаризованной зоны вдоль границы и демилитаризация Псковского и Чудского озер стали несомненным крупным тактическим успехом большевиков. Условия договора полностью укладывались в новую логику действий советского руководства, направленную на нормализацию отношений со странами Антанты и прорыв дипломатической блокады РСФСР. По утверждению В.И. Ленина, «мир с Эстляндией — это окно, пробитое русскими рабочими в Западную Европу, это неслыханная победа над всемирным империализмом, знаменующая собою перелом в русской пролетарской революции в сторону сосредоточения всех сил на внутреннем строительстве страны» [Ленин, Сочинения, с. 23].

Видный советский публицист и политический деятель, редактор «Известий ВЦИК» Ю.М. Стеклов в статье, посвященной миру с Эстонией, подчеркивал: «В таких делах важен первый шаг. Теперь задача облегчена, и другие государства, по одному расчету выгоды, обнаружат больше склонности вступить в мирные сношения с Советской республикой». Характерно, что эту статью друг и соратник А.М. Горького и автор первой советской конституции озаглавил с лаконичной откровенностью: «Передышка» [Стеклов].

---

<sup>1</sup> Правительство Северо-Западной области было распущено 5 декабря 1919 г., однако в Ревеле продолжало действовать его дипломатическое представительство.

## «Генеральная репетиция соглашений с Антантой»

При внимательном изучении обстоятельств подписания Тартуского договора становится очевидно, что главным архитектором зарождающейся новой системы международных отношений РСФСР был нарком иностранных дел Г.В. Чичерин. Именно он в сентябре 1919 г. настаивал на заключении мирных договоров с четырьмя прибалтийскими государствами, и именно он в конце 1919 г. сдерживал не в меру «рвавшегося в бой» Л.Д. Троцкого. Единства относительно перспектив продолжения Гражданской войны среди советского руководства не существовало. Вопреки мнению военных, нарком Г.В. Чичерин негативно оценивал последствия возможного выступления против Эстонии: «Это резко изменило бы настроение во всех маленьких государствах, с которыми мы ведем или собираемся вести переговоры, и сорвало бы эти соглашения, так как воскресило бы представление о нашем якобы «империализме». [...] Мы не должны лезть в эту западню» [Жуков, с. 105]. В октябре 1919 г. В.И. Ленин поддержал точку зрения Чичерина, лаконично заметив в письме Л.Д. Троцкому: «По-моему, Чичерин прав» [Там же].

Однако «герой обороны Петрограда» председатель РВС Л.Д. Троцкий пользовался значительным авторитетом. 7 ноября 1919 г. он получил от ВЦИК только что учрежденный орден Красного Знамени за организацию разгрома Юденича. (Позднее г. Гатчина в честь этой победы был даже переименован в Троцк, впрочем, ненадолго.) А накануне, 6 ноября, Политбюро ЦК РКП(б) утвердило инициативу Троцкого: «а) Для себя признать необходимым перейти границу и дать урок эстонцам, оказывающим помощь Юденичу, б) Штабу 7-й армии дать задание преследовать армию Юденича на территории Эстляндии, так как там он имеет свою базу и туда отступает в) Предложить т. Чичерину никаких дипломатических нот по этому вопросу эстляндскому правительству не посылать» [Жуков, с. 105].

Подход, предложенный Л.Д. Троцким, действовал недолго. Уже 14 ноября это решение Политбюро было отменено. Решающую роль в этом сыграла позиция Г.В. Чичерина, поддержанная В.И. Лениным. По мнению главы российского НКВД, для Советской России был необходим выход из внешнеполитической изоляции и нормализация отношений с новыми государствами, возникшими вдоль западных границ РСФСР. Ради этого следовало пойти на любые уступки, в том числе территориальные. Члены советской делегации Адольф Иоффе и Исидор Гуковский получили соответствующие указания Чичерина 18 декабря 1919 г. Вместе с уже имеющимися указаниями Л.Б. Красина они стали главным руководством для советских дипломатов на переговорах.

В итоге уступки большевиков оказались непропорционально велики. Новая граница с Эстонией, установленная Тартуским миром, проходила через территории, признанные советской стороной «спорными». Глава советской делегации в Тарту А.А. Иоффе применительно к той новой политической конфигурации, которая складывалась на западных рубежах страны, ввел даже новый термин: «агрессивная граница».

Однако эти новые рубежи стали компромиссом, на который большевистские лидеры пошли ради выхода из международной изоляции и прорыва торговой блокады. В тек-



сте Тартуского договора вопросам государственной границы была посвящена обширная статья III, имевшая приложение в виде карты. Согласно ей, к Эстонии отходили:

- вновь образованная волость Нарва, включающая территорию на правом берегу реки Нарва — Эстонскую Ингерманландию;
- вновь образованные волости Коже и Скарятино — населенное этническими русскими правобережье Нарвы от устья реки Щучка до Чудского озера;
- населенный русскими и сету Печорский край [Печенкин, с. 283].

Договор урегулировал вопросы обмена пленными и возвращения беженцев. Стороны отказывались от какого бы то ни было возмещения военных расходов и устанавливали дипломатические отношения. Согласно статье V договора, в случае «международного признания постоянного нейтралитета Эстонии, Россия со своей стороны обязуется соблюдать этот нейтралитет» [Мирный договор]. Такой нейтралитет был, разумеется, выгоден Советской России, так как сглаживал эффект от приближения эстонских границ к Петрограду.

В качестве дополнительной меры безопасности предусматривалась и возможная нейтрализация Финского залива (статья VI). Это потребовало бы заключения дополнительного договора с участием Финляндии. В этом случае стороны обязывались привести свои военно-морские силы «в состояние, соответствующее требованиям означенного международного соглашения» [Мирный договор]. То есть договор стал приглашением и другим прибалтийским государствам присоединиться к обсуждению вопросов безопасности региона.

Следует заметить, что мирные предложения большевиков были направлены в августе-сентябре 1919 г. не только Эстонии, но и Латвии, Литве и Финляндии. Быстрое заключение с ними мирных договоров позднее трактовалось в советской историографии как первый крупный дипломатический успех РСФСР (из них только Литва не находилась в состоянии войны с Советской Россией).

Для советской стороны было крайне важно прорвать дипломатическую блокаду РСФСР и в этом смысле мир с Эстонией послужил поворотным моментом. Если к 1920 г. единственным государством, установившим дипломатические отношения с РСФСР, был Афганистан (в свою очередь, признанный только Советской Россией), то за Тартуским миром последовала целая серия аналогичных мирных договоров с окраинными, как тогда было принято их называть, государствами. Так, 12 июля 1920 г. в Москве был подписан мирный договор с Литвой (составленный в тех же формулировках, что и договор с Эстонией), 11 августа — Рижский мирный договор с Латвией, а 14 октября 1920 г. в Тарту — мирный договор с Финляндией. 18 марта 1921 г. был заключен Рижский мир с Польшей, завершивший урегулирование отношений с новыми государствами, образованными вдоль западной границы РСФСР.

Большевики достаточно высоко оценивали Тартуский мир, считая его революционным прорывом во взаимоотношениях с западными государствами. Нарком Чичерин, выступая на пленарном заседании ВЦИК 4 февраля 1920 г., так охарактеризовал под-

писанный в Тарту документ: «Наш договор с Эстонией превратился в, так сказать, генеральную репетицию соглашений с Антантой, превратился в первый опыт прорыва блокады и первый эксперимент мирного сожительства с буржуазными государствами» [Чичерин, Статьи и речи... с. 11].

Особое значение придавали советские лидеры реакции на договор со стороны государств Антанты. Никто не скрывал, что благоприятные для Эстонии условия договора были тем сигналом, который предназначался для лагеря бывших противников РСФСР, поддерживавших Эстонию в Гражданской войне.

«Каждое слово, произносившееся в Юрьеве, — утверждал Г.В. Чичерин, — имело свой резонанс на берегах Темзы, и во время этих переговоров мы говорили и о тех концессиях, которые могут быть предоставлены иностранным капиталистам, и о возможностях широкого товарообмена, посылки сырья за границу, доставки машин из-за границы. Все это привело к тому, что Юрьевские переговоры сыграли гораздо большую роль, чем могло казаться на первый взгляд» [Чичерин, Вопросы внешней политики, с. 23].

По мнению главы НКВД РСФСР, «в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым» [Документы... т. 5, с. 58–59].

С не меньшим удовлетворением отзывался о заключении Тартуского договора лидер советского государства В.И. Ленин: «Мы завоевали уже первый мир, показавший превосходство нашей международной политики над политикой объединенных капиталистов всех стран. Эти капиталисты из всех сил мешали заключению мира Эстонии с нами. Мы их победили. Мы заключили мир с Эстонией, — первый мир, за которым последуют другие, открывая нам возможность товарообмена с Европой и Америкой» [Ленин, Коль война, так по военному, с. 123].

Что же касается вопроса о границе, то он, с точки зрения лидеров большевиков, не имел существенного значения: «Советская Россия сделала много уступок, главной из которых является уступка спорной территории, заселенной смешанным — русским и эстонским населением. Но мы не хотим проливать кровь рабочих и красноармейцев ради куска земли, тем более, что уступка эта делается не навеки: Эстония переживает период керенщины, рабочие начинают узнавать подлость своих учредительских вождей, [...] они скоро свергнут эту власть и создадут Советскую Эстонию, которая заключит с нами новый мир» [Речь тов. Ленина...]. Учитывая хорошо известное отношение Ленина к вопросам формального права, данные высказывания выглядели еще более откровенно.

Правовой нигилизм партийного руководства РСФСР, проявившийся в позиции В.И. Ленина и других большевистских вождей, имел серьезные идеологические обо-

снования, выраженные в доминировании идей «революционной целесообразности» над «законностью». Однако у данного большевистского подхода был и другой аспект. Один из авторов Тартуского договора — член коллегии Рабоче-крестьянской инспекции (Наркомата госконтроля) Исидор Гуковский еще в 1919 г. убеждал своих коллег в ненужности государственных границ, ставших с победой пролетарской революции «пережитком истории». Уступка Эстонии части российской территории в этом контексте вообще ничего не значила, раз эстонский пролетариат (подобно пролетариату российскому) рано или поздно должен был свергнуть собственную буржуазную власть. Осенью 1919 г. разрушительные идеи Гуковского были недалеко от реализации, когда их автор выступил с уникальным требованием: полностью ликвидировать российскую таможенную и пограничную стражу. Данный вопрос в конце 1919 г. 14 раз выносился на заседание Совнаркома, однако, по счастью, не встретил поддержки его членов [Соломон (Исецкий), т. 1, с. 299].

### Ревельский коридор

Военные аспекты, связанные с безопасностью Петрограда, и желание выйти из дипломатической изоляции были не единственными мотивами большевиков, побудившими их к заключению Тартуского мира. Не менее важен был вопрос прорыва торговой и экономической блокады РСФСР. Наладить товарообмен с Западом и преодолеть действовавшую во время Гражданской войны блокаду Антанты для советского руководства было жизненно необходимо.

Советская делегация, прибывшая в Тарту 4 декабря 1919 г., была готова пойти на самые широкие уступки эстонской стороне, в том числе финансового и экономического характера. Интересные детали о ведении переговоров раскрывает отчет НКВД РСФСР Съезду Советов за 1919–1920 гг. Эстонская сторона требовала участия в золотом запасе бывшей Российской империи, причем размеры эстонских претензий были весьма значительны: «Для покрытия других претензий Эстонии, — отмечали советские дипломаты, — мы согласились довести сумму [выплат] до 10 миллионов. Наконец мы заявили, что наша последняя уступка — 12 миллионов золотом. Эстонцы же требовали себе 88 миллионов золотом, включая участие в золотом фонде и следующего им, по их мнению, подвижного состава, требуя, кроме того, удовлетворения целого ряда других претензий [...]. 16 января Верховный совет [Антанты] принял решение о снятии с России блокады и о возобновлении с ней торговых отношений. Притязания эстонцев сразу значительно понизились. Наконец когда мы согласились на сумму 15 миллионов рублей золотом, подписание мирного договора стало возможным» [Документы... т. 2, с. 672]. Таким образом, весь январь 1920 г. в Тарту происходил настоящий торг, касающийся экономических условий «сделки».

Полный запрет экономических связей с Советской Россией был установлен Великобританией, Францией и США в октябре 1919 г. Резолюция, принятая Верховным Советом Антанты 16 января 1920 г., позволяла вести торговлю с РСФСР союзным и нейтральным государствам, что означало формальное снятие блокады. Именно поэтому наступившая «оттепель» во взаимоотношениях с Антантой резко убавила эстонские аппетиты,

хотя об окончательном восстановлении торговых отношений с Западом речь еще не шла.

В итоге Россия согласилась выплатить Эстонии 15 млн рублей золотом (11,6 тонн чистого золота). Эстонская республика освобождалась от всех долгов бывшей Российской империи. Эстония получала многочисленные преимущества в сфере экономических взаимоотношений, в том числе лесную концессию в 1 млн десятин. В текст Тартуского договора были включены нормы, позволившие в кратчайший срок установить выгодные для обеих сторон торговые связи. Эти положения были скорее характерны для торгового соглашения, чем для мирного договора: «Товары, провозимые через территорию одной из договаривающихся сторон, не должны облагаться никакими ввозными пошлинами и транзитными налогами. Фрахтовые тарифы на транзитные товары не должны быть выше фрахтовых тарифов за однородные товары местного назначения» [Мирный договор]. Эстония предоставляла России места для погрузки и хранения товаров в Ревеле и в других портах страны, причем сборы за них не могли «превышать сборов, взимаемых с собственных граждан в отношении транзитных товаров» [Там же].

Важность этого «торгового окна» в Европу неоднократно подчеркивается в воспоминаниях торгового представителя РСФСР в Эстонии в 1920 г. Г.А. Соломона (Исецкого): «В мирном договоре с Эстонией пункт о взаимном обмене посланниками не был оговорен, и об этом предстояло договориться особо. Сделано это было для того, чтобы не затягивать мирные переговоры и как можно скорее начать торговые сношения» [Соломон, т. 2, с. 6].

Как показали последующие события, заключение мирного договора с Эстонией облегчило положение Советской России в исключительно трудный для нее период и ускорило развязку Гражданской войны. Во время катастрофы голода 1921–1922 гг., унесшего, по современным оценкам, до 5,2 млн жизней, важнейшим каналом поставок продовольствия в РСФСР стал Ревельский морской порт. Доверенное лицо советского руководства за рубежом, американский бизнесмен Арманд Хаммер вспоминал: «В то время Ревель был одним из перевалочных пунктов в торговле с Россией. Но большая часть поступавших туда из России товаров для обмена на продукты питания представляла собой контрабанду: произведения искусства, бриллианты, платину и бог знает что еще. Все это нелегально отправлялось через границу в обмен на продукты питания. Зимой 1921 года в Ревеле работало отделение Наркомвнешторга, которое закупало за границей товары для отправки в Ревель, оплачивая их золотыми слитками» [Хаммер].

27 октября 1921 г. Наркомат внешней торговли РСФСР по личному указанию В.И. Ленина и принадлежащая А. Хаммеру компания Allied Drug and Chemical Corporation подписали договор о поставке в Советскую Россию 1 млн бушелей американской пшеницы в обмен на пушнину, черную икру и национализированные большевиками ценности из Гохрана. Основной транспортный коридор для этих поставок проходил через Ревельский морской порт. Хаммер, путешествовавший в 1921 г. по Советской России, был поражен объемами товаров, которые советская сторона не могла ранее вывезти из-за блокады: «Во многих местах я видел значительные запасы ценностей: платины

и минералов, уральских изумрудов и полудрагоценных камней, а в Екатеринбурге — забитые мехами склады. Я спрашивал своих спутников, почему они не экспортируют все это и не покупают в обмен зерно. “Это невозможно, — отвечали они. — Только что снята европейская блокада. На продажу этих товаров и закупку продуктов питания уйдет слишком много времени”». Хаммер предложил свой вариант: «У меня есть миллион долларов. Я отправлю вам на миллион долларов зерна в кредит, при условии, что обратным рейсом каждый пароход будет везти нужные нам товары. Согласны?» [Хаммер]. По оценкам современников, компания Хаммера заработала на этой сделке полтора миллиона долларов. Сопровождавший Хаммера в поездке советский дипломат Людвиг Мартенс «настоятельно рекомендовал» В.И. Ленину продолжать такую деятельность и в будущем [Там же].

В начале декабря 1921 г. в Ревель пришел первый пароход с американской пшеницей. Осознавая важность созданного Тартуским миром «Ревельского коридора», В.И. Ленин писал члену коллегии Наркомвнешторга: «...тов. Радченко! Тов. Мартенс прислал мне подписанный Вами договор с американской компанией (Хаммер и Мишелл). Мне кажется, что этот договор имеет громадное значение как начало торговли. Абсолютно необходимо, чтобы Вы обратили сугубое внимание на фактическое выполнение наших обязательств. Я уверен, что без сугубого нажима и надзора ни черта не будет сделано. Примите меры тройной предосторожности и проверки исполнения. Мне сообщите: кого назначаете ответственным исполнителем; какие товары готовите; налегаете ли особенно на артистические и гохрановские и т.д. 2–3 раза в месяц присылайте мне отчеты: что привезено в порт» [Кузнецов, с. 413–414].

Наиболее важной категорией товаров, которые РСФСР вывозила через Ревельский порт в 1920–1922 гг., были национализированные драгоценности Гохрана и золото. Согласно справке Народного комиссариата по внешней торговле РСФСР, к 18 октября 1920 г. в Эстонию было отправлено 105 миллионов рублей золотом, плюс 7 тонн золота в слитках, 10 миллионов рублей драгоценностями. Полпред РСФСР в Ревеле Исидор Гуковский (подписавший Тартуский договор) получил 80 миллионов рублей золотом и драгоценности «на 149 885 франков довоенной оценки» [Иголкин].

Интерес западных банкиров к советскому золоту подогревался значительным дисконтом, с которым оно продавалось в Ревеле, — до 20% [Соломон (Исецкий), т. 2, с. 7]. В условиях запрета любых биржевых операций с советским золотом, установленного Антантой, его продажа, по меткому выражению А. Хаммера, действительно превращалась в контрабанду. Риски этих операций принимали на себя в первую очередь банки и бизнесмены из нейтральных государств. В конце декабря 1920 г. в шведском банке «Nordiska Handelsbanken» находилось 20 тонн советского золота, ожидалось поступление еще 10 тонн. В Швеции золото переплавляли в слитки, на которые ставилось клеймо Шведского монетного двора [Иголкин]. Реализованные от его продажи средства размещались в шведских и германских банках. В 1920–1921 гг. данная схема использовалась для реализации печально известной «паровозной аферы» — сделки по закупке импортных паровозов между шведской компанией Нидквист и Хольм и советским правительством, на которую было потрачено до 240 млн золотых рублей [Там же].

Всего, по оценкам российских исследователей, до середины 1920-х годов «через эстонскую границу большевики вывезли золота на продажу на гигантскую сумму в 451 млн золотых рублей (1 млрд 202 млн 660 тыс. золотых франков)» [Сироткин, с. 113]. Торговые и валютно-обменные операции приносили баснословные прибыли местным банкирам и международным дельцам. При этом в 1920–1921 гг. Эстония оставалась монополистом по продаже советских ценностей и транзиту грузов в Россию.

Значительную долю этих грузов, помимо продовольствия, составляли сельскохозяйственные орудия и машины. По сведениям торгпреда РСФСР Г.А. Соломона, в середине 1920 г. ежедневно из Ревеля в Советскую Россию отправлялись два маршрутных поезда в 40 вагонов каждый. Всего, по данным Наркомата внешней торговли РСФСР, «через Эстонию в Советскую Россию за 1920 г. было доставлено около 4 тыс. вагонов товаров, общим весом 45 тыс. тонн, из которых более половины составляли сельскохозяйственные машины и орудия» [История внешней политики... с. 86]. Эти поставки значительно облегчили экономическое положение советской республики, тем более что до февраля 1920 г. любые закупки за рубежом для РСФСР могли проводиться только нелегально. В условиях экономической разрухи и голода начала 1920-х годов Тартуский мир стал ценой, которую большевики заплатили за выживание советского строя и государства. В конечном итоге это была очень дорогая плата за образование в Эстонии своеобразного *porto franco*, лояльного Советской России, снятие военной угрозы Петрограду и прорыв торговой блокады. В 1921–1922 гг. Тартуский мир косвенно способствовал и сохранению жизней людей в голодающих районах (об эффективности этой помощи исследователи спорят до сих пор), хотя соображения гуманитарного порядка никогда не рассматривались в числе основных при его подписании.

Готовность «сделать все, чтобы мир заключить» (Л.Б. Красин) не только позволила установить новую российско-эстонскую границу. Она означала тактическую передышку в политике экспорта мировой революции, открывала новые направления для торговых связей и новые возможности для советской дипломатии. Тартуский мир стал не только «свидетельством о рождении Эстонской республики», но и одним из первых актов международного признания новой Советской России. Мирный договор помог советскому государству выжить, но он не стал равноправным и справедливым актом окончания Гражданской войны. Недоверие сторон друг к другу сохранялось. Заявления эстонских политиков тех лет и последующие события показали, что «сосуществование двух систем» было труднодостижимым идеалом.

Два десятилетия спустя Эстония исчезла с политической карты, когда в условиях новой геополитической реальности СССР предпринял шаги к радикальному изменению своих западных границ. Тартуский договор утратил свое юридическое и практическое значение, а его подлинник в 1940 г. оказался перевезен в Швецию, где он надолго пережил созданное в годы Гражданской войны эстонское государство. Подлинный экземпляр документа хранился в этой стране на протяжении всей советской эпохи, пережил крушение СССР и в 2002 г. был возвращен эстонским властям. Сегодня, спустя 100 лет после подписания, этот исторический памятник ранней советской дипломатии и партийных амбиций большевиков прочно ассоциируется с проблематикой россий-

ско-эстонских противоречий. Несмотря на статус исторического артефакта, Тартуский договор по-прежнему остается инструментом политических манипуляций, предметом спора политиков, юристов и дипломатов.

## Литература

- Горн В. Гражданская война на северо-западе России. Берлин. 1923.
- Григонис Э.П. Исторические судьбы территорий, присоединенных к Российской империи по Ништадскому миру 1721 г. и в результате разделов Речи Посполитой: Сборник избранных статей. СПб. 2014. С. 173–181.
- Документы внешней политики СССР. В 24 томах. Т. 2. М. 1958.
- Документы внешней политики СССР. В 24 томах. Т. 5. М. 1961.
- Жуков Ю.А. Первое поражение Сталина. М. 2011.
- Иголкин А.А. Ленинский нарком: У истоков советской коррупции. // Новый исторический вестник. № 1(10) 2004. — URL: [nivistnik.ru/2004\\_1](http://nivistnik.ru/2004_1) (дата обращения: 11.05.2020).
- Из секретного доклада о причинах неудачи борьбы с большевиками на северо-западном фронте. // Архив Русской Революции, издаваемый И.В. Гессеном. Том I. Берлин 1921. С. 143–169.
- История внешней политики СССР 1917–1980 гг. В двух томах. Т. 1 (1917–1945 гг.) М. 1980.
- Корнатовский Н.А. Борьба за Красный Петроград. М. 2004. — URL: [militera.lib.ru/h/kornatovsky\\_na/index.html](http://militera.lib.ru/h/kornatovsky_na/index.html)
- Кузнецов В.В. По следам царского золота. М. 2003.
- Куприн А.И. Купол св. Исаакия Далматовского. М. 2017. — URL: [dk1868.ru/history/Kuprin.htm](http://dk1868.ru/history/Kuprin.htm) (дата обращения: 11.05.2020).
- Ленин В.И. Коль война, так по военному. // Полное Собрание Сочинений. Т. 40. Декабрь 1919 — апрель 1920. М. 1974. С. 123–124.
- Ленин В.И. Письмо Л.Д. Троцкому 22 октября 1919 г. // Ленин В.И. Известные документы. 1891–1922. М. 2000. С. 304.
- Ленин В.И. Сочинения. Под ред. Н.И. Бухарина, В.М. Молотова, И.И. Скворцова-Степанова. Т. XXV. М. 1935.
- Межевич Н.М. Российско-Эстонская граница: История формирования и современное значение для развития Северо-Запада России // Псковский регионологический журнал. № 4. 2007. С. 134–145.
- Меморандум Эстонского Правительства Верховному Совету. // Архив Русской Революции, издаваемый И.В. Гессеном. Том III. Берлин 1921. С. 271–275.
- МИД РФ: Тартуский мирный договор является недействительным и принадлежит истории. — URL: [m.rus.delfi.ee/estonia/article.php?id=88805717](http://m.rus.delfi.ee/estonia/article.php?id=88805717) (дата обращения: 11.05.2020).
- Мирный договор между Россией и Эстонией. // Документы внешней политики СССР. Т. 2. 1 января 1919 г. — 30 июня 1920 г. М. 1958. — URL: [militera.lib.ru/docs/da/dvp/02/index.htm](http://militera.lib.ru/docs/da/dvp/02/index.htm) (дата обращения: 11.05.2020).
- Образование северо-западного правительства. // Архив Русской Революции, издаваемый И.В. Гессеном. Том I. Берлин 1921. С. 295–305.
- Печенкин С.В. «Имперское наследство» и борьба руководства СССР за его возвращение в 30–40-е годы XX века. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. N. 3 (10). 2012. С. 283–290.

- Пилкин В.К.* В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М. 2005. — URL: [militera.lib.ru/db/pilkin\\_vk/08.html](http://militera.lib.ru/db/pilkin_vk/08.html) (дата обращения: 11.05.2020).
- Посольство России в Эстонии / Russian Embassy in Estonia. Facebook. — URL: [m.facebook.com/RusEmbEst/photos/a.1993721084231394/2534743740129123/?type=3&theater](https://m.facebook.com/RusEmbEst/photos/a.1993721084231394/2534743740129123/?type=3&theater) (дата обращения: 11.05.2020).
- Президент Кальюлайд на 100-летней годовщине Тартуского мира: Тартуский мирный договор был, есть и всегда будет оставаться свидетельством о рождении Эстонского государства // Официальный сайт президента Эстонии. 02.02.2020. — URL: [president.ee/ru/mediae/press-releases/15795-100/index.html](http://president.ee/ru/mediae/press-releases/15795-100/index.html) (дата обращения: 11.05.2020).
- Рабинович С.* История гражданской войны. М. 1935.
- Речь тов. Ленина на широкой рабоче-красноармейской конференции Пресненского района // Правда. 1920. 28 января.
- Рутыч Н.Н.* Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М. 2002.
- Сироткин В.Г.* Зарубежное золото России. М. 1999.
- Соломон (Исецкий) Г.А.* Среди красных вождей. Личные воспоминания о пережитом и виденном на советской службе. Т. 1–2. Париж. 1930.
- Стеклов Ю.* Передышка // Известия ВЦИК. 1920. 31 января.
- Троцкий Л.Д.* Советская республика и капиталистический мир. Ч. 2: Гражданская война. М. —Л. 1926.
- Фельштинский Ю.Г.* Лев Троцкий. Большевик. 1917–1923. М. 2012. — URL: [royallib.com/book/felshinskiy\\_yuriy/lev\\_trotsky\\_bolshevik\\_19171923.html](http://royallib.com/book/felshinskiy_yuriy/lev_trotsky_bolshevik_19171923.html) (дата обращения: 11.05.2020).
- Хаммер А.* Мой век — двадцатый. Пути и встречи. М. 1988. — URL: [litmir.me/br/?b=574201&p=21](http://litmir.me/br/?b=574201&p=21)
- Цветков В.Ж.* Николай Николаевич Юденич. // Вопросы истории. 2002. №9. С. 37–59.
- Чичерин Г. В.* Вопросы внешней политики. Саратов. 1920.
- Чичерин Г.В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М. 1961.
- Churchill W.S.* The World Crisis 1918–1925. Vol. 5. London. 1927.
- Friis J.* Through Latvia and Estonia to Russia. // Soviet Russia. Official Organ of the Russian Soviet Government Bureau. Vol. III. August 14, 1920. P. 165.
- Henn Põlluaas.* Facebook, 19.11.2019. — URL: [m.facebook.com/polluaashenn/](https://m.facebook.com/polluaashenn/) (date of access: 11.05.2020).
- Spiiker Põlluaas:* opositsioon ei pea olema tsirkusetrupp // err.ee. 07.01.2020. — URL: [rr.ee/1021046/spiiker-polluaas-opositsioon-ei-pea-olema-tsirkusetrupp](http://rr.ee/1021046/spiiker-polluaas-opositsioon-ei-pea-olema-tsirkusetrupp) (date of access: 11.05.2020).
- Tarvel E.* Eesti rahva lugu. Tallinn. 2018.



DOI 10.32726/2411-3417-2020-1-113-132

УДК 338; 339

**Владимир Кондратьев**

## Азия как новый центр экономической силы

**Аннотация.** Наблюдающийся уже несколько десятилетий подъем Азии продолжается, причем более быстрыми темпами, чем ожидалось. Азию, несмотря на огромное разнообразие составляющих ее стран, можно назвать крупнейшей в мире «региональной экономикой». Ее потребительский рынок демонстрирует не только впечатляющий рост объемов, но и глубокие изменения структуры. Азиатские экономики интегрируются между собой, подтверждая новую тенденцию глобализации — регионализацию. По мере развития и углубления между ними интеграционных процессов в сферах торговли, движения капитала, потоков знаний и инноваций, мощь Азии будет расти. Азия начнет определять тенденции глобального рынка и станет мотором для следующего этапа глобализации, который по праву назовут «азиатским столетием».

**Ключевые слова:** «азиатское столетие», «век Азии», новая экономическая сила, разнообразный континент, интеграция и регионализация, взаимодополняющие экономики.

---

### «Азиатское столетие» наступает

Азия в настоящее время является домом для половины человечества. Согласно данным ООН, из 30 крупнейших городов мира 21 расположен в странах Азии. В 2020 г. в Азии будет сосредоточена половина среднего класса мира, определяемого по уровню ежедневного дохода на душу населения в диапазоне от 20 до 100 долл. по паритету покупательной способности 2005 г.

Начиная с 2007 г. в Азии покупают больше автомобилей, чем в любом другом регионе мира. К 2030 г. там будут покупать столько же автомобилей, сколько во всех остальных странах. Как сказал премьер-министр Индии Нарендра Моди на последнем заседании Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, «теперь континент обнаружил себя в центре глобальной экономической активности. Он стал важнейшим мотором экономического роста мира. Действительно, мы сейчас находимся, как говорят многие, в «азиатском столетии» [The Asian...].

Газета Financial Times подсчитала, что экономика стран Азии в 2020 г. превысит экономический потенциал остального мира (рис. 1).

---

**Сведения об авторе:** КОНДРАТЬЕВ Владимир Борисович — руководитель Центра промышленных и инвестиционных исследований ИМЭМО РАН, доктор экономических наук, v.b.kondr@imemo.ru.

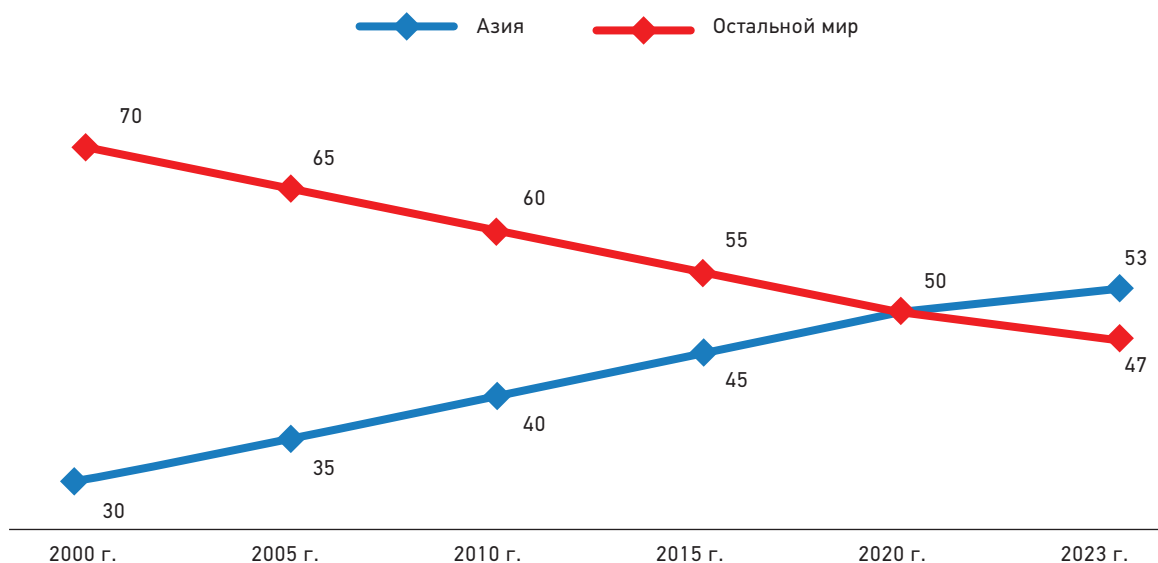


Рис. 1. Доля в мировом ВВП по паритету покупательной способности, %

Источник: The Asian century is set to begin. Financial Times, March 26, 2019.

Даже по текущему обменному курсу на Азию сегодня приходится 38% мирового ВВП (в 2000 г. — 26%).

Понятно, что отмеченные тренды в значительной степени определили подъем Китая и Индии. Китайская экономика в настоящее время крупнее американской по паритету покупательной способности: на нее приходится 19% мирового ВВП (в 2000 г. этот показатель составлял только 7%). Индия является третьей по величине экономикой мира, превышая в два раза экономику Германии или Японии.

Надвигающееся «азиатское столетие» связано не только с этими двумя гигантами, но и с ростом менее крупных стран. Так, Индонезия находится на пути к тому, чтобы стать к 2020 г. седьмой экономикой мира по паритету покупательной способности, а в 2023 г. обгонит Россию и станет шестой в мире. Таиланд обгонит Австралию, а Филиппины — Нидерланды (табл. 1).

Вьетнам, одна из наиболее быстроразвивающихся стран мира, опередила с 2000 г. 17 стран в этом рейтинге, включая Бельгию и Швейцарию, а Бангладеш за 20 лет превзошла 13 других стран.

Подъем Азии, который начался с быстрого послевоенного развития Японии, представляет собой возвращение к исторической норме, поскольку этот регион занимал доминирующие позиции в мире до XIX в. В 1200 г. на него приходилось более 70% мирового ВВП. В конце XVII в. Европа взирала с завистью и обожанием на Азию, на которую приходилось более двух третей мирового ВВП и три четверти населения Земли. В XVIII в. удельный вес Индии в мировой экономике был таким же, как и Европы. Затем в течение трех столетий роль Азии падала по мере роста западных стран на базе научно-технической и промышленной революций.

Таблица 1

## Место азиатских стран в мировом ВВП по ППС

Страна	2000 г.	2023 г.
США	1	2
Китай	2	1
Индия	5	3
Индонезия	13	6
Таиланд	22	20
Филиппины	34	25
Бангладеш	43	29
Сингапур	49	37
Вьетнам	50	31
Казахстан	56	38
Шри-Ланка	64	54
Мьянма	74	45

**Рассчитано по:** The Asian century is set to begin. Financial Times, March 26, 2019.

К 1950 г. на Азию приходилось лишь 20% мирового производства, притом что здесь проживало более 50% населения планеты. В XIX в. Азия превратилась из мирового производственного центра в классический отсталый регион, экспортирующий сельскохозяйственные товары. Однако в последние десятилетия этот тренд изменился на противоположный [The Asian...].

Впечатляющий подъем Японии и Южной Кореи, первых азиатских стран, бросившихся в погоню за странами Запада, был превзойден Китаем, начавшим рыночные реформы в конце 1970-х годов. Азиатскому рывку способствовали международная торговля и прямые иностранные инвестиции, высокая норма сбережений, крупные инвестиции в человеческий и материальный капитал, а также эффективная макроэкономическая политика.

Двухсотлетняя эпоха доминирования Запада подходит к концу. За последние пятьдесят лет сотни миллионов жителей Азии были выведены из нищеты, а многие страны перешли в статус стран со средним уровнем дохода или даже в развитые. Азия остается более бедным регионом по сравнению с остальным миром, но этот разрыв сокращается (рис. 2).

ВВП на душу населения Китая по паритету покупательной способности составляет только 30% от уровня США и 44% от уровня ЕС. ВВП Индии на душу населения составляет 20% от уровня ЕС. Однако этот разрыв стремительно сокращается. Китай стал в пять раз богаче по сравнению со странами Африки южнее Сахары, в то время как в середине 1990-х годов их показатели были одинаковыми. Азия снова приобретает центральную роль на глобальной экономической сцене. Мир в своем развитии, таким образом, как бы совершает круг.

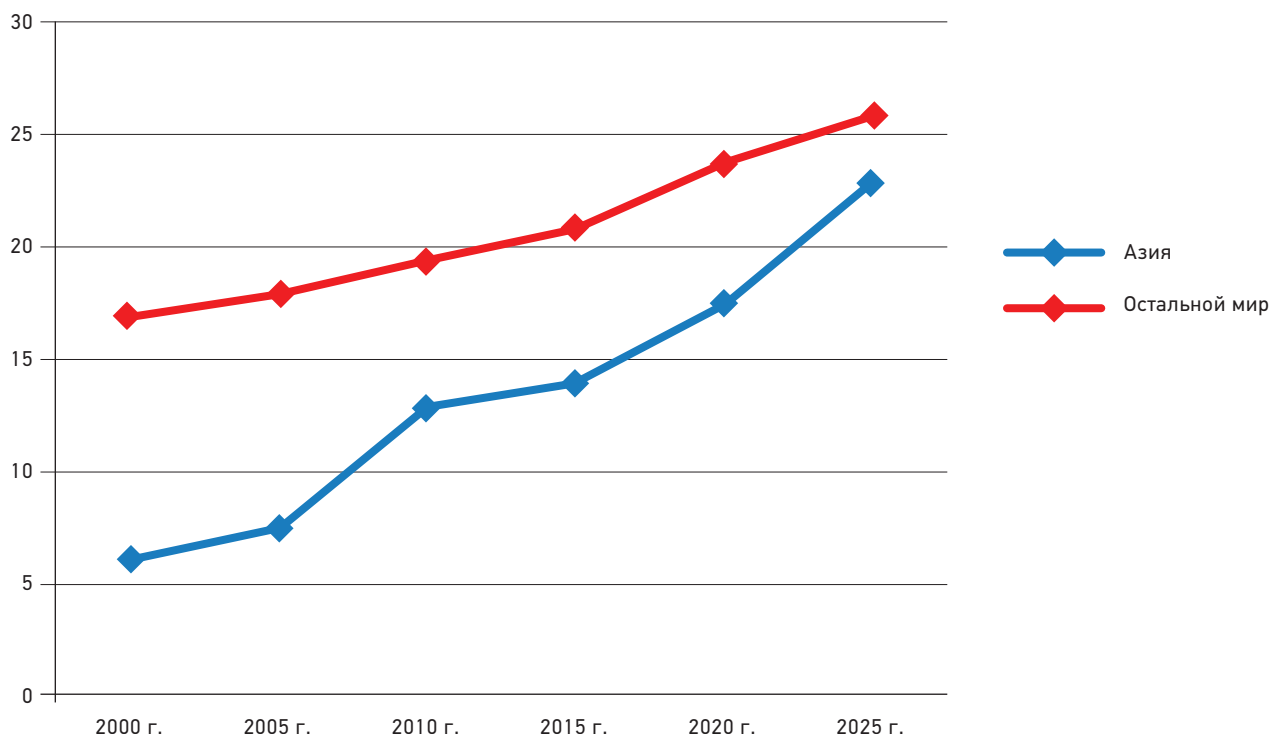


Рис. 2. ВВП на душу населения по ППС, тыс. долл.

Рассчитано по: The Asian century is set to begin. Financial Times, March 26, 2019.

Таблица 2

**Доля Азии в глобальных потоках, %**

	2005–2007 гг.	2015–2018 гг.
Торговля	27	33
Капитал	13	23
Патенты	52	65
Контейнерные перевозки	59	62
Энергетические ресурсы	21	29
Спрос на энергетические ресурсы	36	43

Рассчитано по: The Future of Asia. McKinsey Global Institute. September 2019.

За прошедшее десятилетие доля Азии в глобальной торговле товарами выросла с 25% в 2000–2002 гг. до 27% в 2005–2007 гг. и до 33% в 2015–2018 гг. На Азию в 2018 г. приходилось 23% глобальных потоков капитала по сравнению с 13% десять лет назад. На Азию приходится 16% международных потоков информации, в то время как в 2007 г. — 10%. Удельный вес региона в зарегистрированных патентах за десять лет вырос с 52 до 65%. За тот же период доля Азии в глобальном спросе на энергоресурсы увеличилась с 36 до 43%, а в энергопотоках — с 21 до 29%.

Страны Азии стремительно интегрируются, подтверждая новую тенденцию процесса глобализации, а именно — регионализацию. Например, 60% объема международной

торговли азиатских стран приходится на взаимный экспорт и импорт; 71% инвестиций в стартапы и 59% иностранных прямых инвестиций являются внутрирегиональными; 74% всех авиапассажиров путешествуют внутри региона.

## Азия сегодня

На протяжении многих лет западные эксперты и средства массовой информации вели разговоры о подъеме Азии в контексте ее значительного будущего потенциала. Однако это будущее наступило гораздо быстрее, чем ожидалось. Одними из наиболее крупных событий последних 30 лет стали исключительно быстрый рост потребления в странах Азии и их интеграция в глобальные потоки торговли, капиталов, талантов и инноваций. В следующее десятилетие азиатские экономики перейдут от простого участия в этих потоках к определению их содержания и направлений развития во многих сферах — от интернета до торговли и предметов роскоши. Вопрос уже не в том, как быстро будет Азия развиваться, а в том, как она будет вести за собой остальной мир.

Разумеется, обобщать тенденции и перспективы развития такого обширного и разнообразного региона мира, охватывающего мириады языков, этнических групп и религий, достаточно трудно<sup>1</sup>. Азиатские страны существенно различаются по формам управления, экономическим системам и уровням человеческого развития. Одни, например, обладают молодым и растущим населением, другие — стареющим. Годовой доход на душу населения варьируется от 849 долл. в Непале до 57 тыс. долл. в Сингапуре. В Азии можно найти древние развалины и скоростные экспрессы, отдаленные сельские районы и упирающиеся в небо небоскребы.

К концу 2020 г. на страны Азии будет приходиться до 40% мирового потребления. Азия демонстрирует заметный прогресс не только в экономике, но и в человеческом развитии, начиная от роста продолжительности жизни и уровня грамотности до резкого расширения числа пользователей Интернета.

Экономический подъем азиатского региона не только вывел сотни миллионов человек из крайней нищеты, но и повысил жизненные стандарты для широкого круга жителей с разными уровнями доходов. В последнее десятилетие несколько азиатских государств сумели переместиться в группу стран со средним и даже высоким доходом. Эта тенденция отражает продолжающийся процесс индустриализации и урбанизации, рост производительности труда, динамичный рост корпоративного сектора.

В то же время многие проблемы остаются и требуют своего решения. Это, прежде всего, обеспечение устойчивого роста, снижение неравенства и защита окружающей среды.

Азия находится в центре многих глобальных экономических изменений, а ее компании продолжают активно реагировать на них. В последнее десятилетие (2007–2018 гг.) глобальный валовой продукт продолжал расти, однако удельный вес в нем торгуемых

---

1 По данным ООН и ЮНКТАД, регион Азии и Океании включает в себя 77 стран и территорий.

на международных рынках товаров сократился на 5,6%. Это снижение отражает не торговые конфликты, а быстрое экономическое развитие Китая, Индии и других азиатских стран.

По мере роста потребления в регионе то, что производится здесь, теперь здесь же и продается, а не отправляется на экспорт в западные страны. В 2007–2018 гг. производство трудоемких товаров в Китае утроилось (с 3 до 9 трлн долл.), при этом доля экспорта в ВВП страны сократилась с 16 до 8%. В Индии имел место аналогичный процесс (рис. 3).

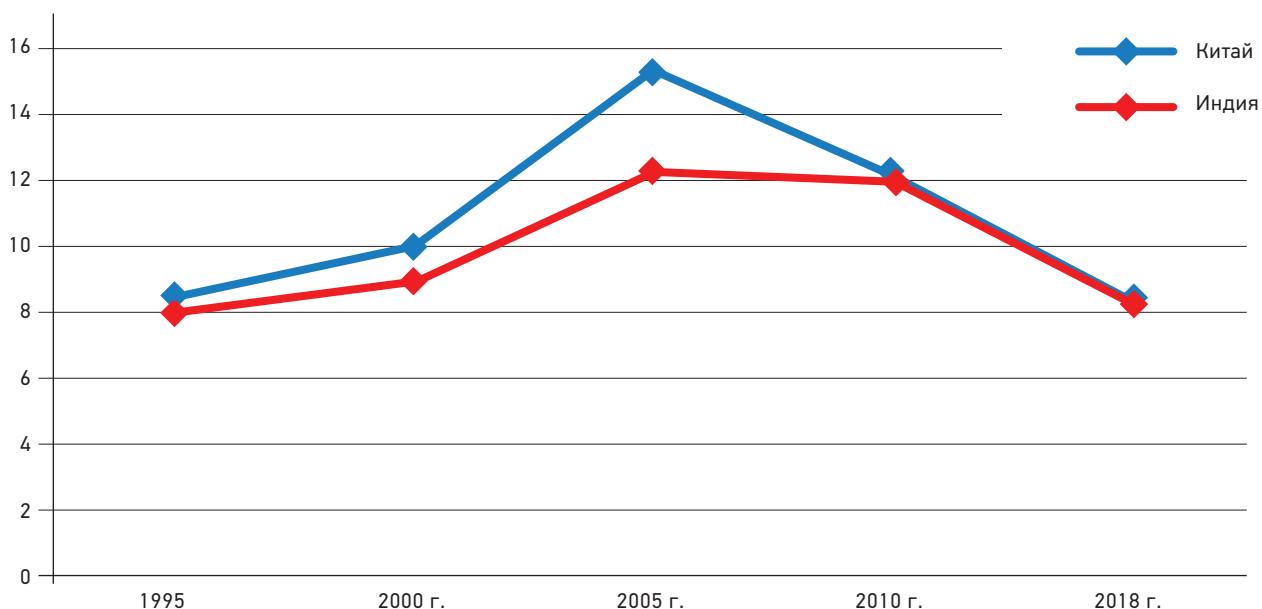


Рис. 3. Доля экспорта в ВВП, %

**Источник:** World Input-Output Database; McKinsey Global Institute analysis.

Это означает, что все больше товаров потребляется внутри страны, а не вывозится за рубеж. Более того, по мере развития индустриальной базы региона и расширения производства более сложных товаров азиатские страны становятся менее зависимы от иностранного импорта как промежуточных, так и готовых изделий.

Для предыдущего этапа глобализации была характерна тенденция выстраивания западными компаниями стоимостных цепочек поставок, охватывающих все страны мира, в том числе Азии, в поисках наиболее низких издержек. В настоящее время этот фактор перестает играть решающую роль. Только 18% объема современной торговли приходится на экспорт из стран с низкими трудовыми издержками в страны с высокой заработной платой, и этот показатель имеет тенденцию к снижению во многих отраслях.

Экспорт продукции трудоемких отраслей обрабатывающей промышленности был главным мотором экономического роста Китая и служил примером для других разви-

вающихся стран. Исторически Китай, как известно, был «мировой фабрикой». Но по мере роста заработной платы в стране разрыв в уровне трудовых издержек с развитыми странами стал сокращаться. Если в 1996 г. уровень заработной платы в Японии в 46 раз превосходил аналогичный показатель в Китае, то к 2018 г. он уже был лишь в 4 раза выше. Китай движется вверх по стоимостным цепочкам, перемещаясь в сегмент производства товаров с большей стоимостью, а его доля в глобальном экспорте трудоемкой продукции снизилась на 3 процентных пункта.

Открывшуюся нишу стали заполнять другие азиатские страны (рис. 4). За прошедшее десятилетие ежегодные темпы роста экспорта трудоемких товаров из Вьетнама, Индии и Бангладеш составили, соответственно, 15, 8 и 7%. Эта тенденция превратила неизвестные до сих пор города в новые центры обрабатывающей промышленности.

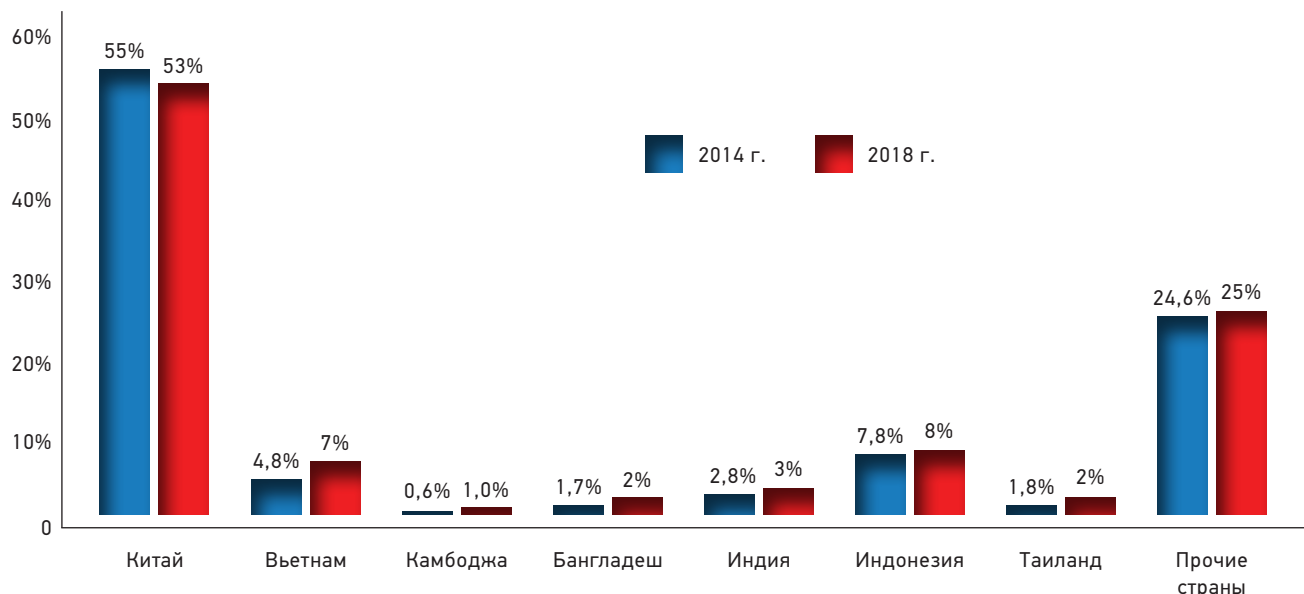


Рис. 4. Доля стран в экспорте продукции трудоемких отраслей обрабатывающей промышленности развивающихся стран, %

Так, Вьетнам стал признанным центром производства экспортных трудоемких товаров. Страна привлекла большой объем иностранных инвестиций в такие города, как Хайфон и Хошимин. Инвестиции в заводы и фабрики сопровождались появлением новых дорог, новых рабочих мест и быстрой урбанизацией. Большая часть инвестиций во Вьетнам поступает из Южной Кореи и Японии. Новые промышленные центры способствуют не только росту развивающихся стран Азии, но и экономическому и инвестиционному объединению региона в целом.

Одного фактора низких трудовых издержек теперь недостаточно. Инфраструктура, уровень профессиональной подготовки и производительность труда становятся важнейшими условиями повышения конкурентоспособности азиатского региона. Отраслевые стоимостные цепочки все больше ориентируются на НИОКР и инновации, а доля

стоимости произведенных материальных товаров снижается [Hallward-Driemeier, Nauyar; Haskel, Westlake]. Эти сдвиги, вместе с новой волной промышленных и логистических технологий, заставляют азиатские страны менять свои инвестиционные приоритеты и развивать новые профессиональные знания, чтобы успешно конкурировать в более наукоемких секторах глобальной экономики.

Несмотря на географическое и экономическое разнообразие региона, торговые связи и кооперация азиатских стран продолжают углубляться. В настоящее время 52% азиатской торговли приходится на внутрирегиональную торговлю, что много выше, например, по сравнению с Северной Америкой (табл. 3).

Таблица 3

**Удельный вес внутрирегиональной торговли  
в общем объеме торговли по регионам, %**

Европейский союз	63
Азия, Австралия и Океания	52,4
НАФТА	40,7
Латинская Америка	21,7
Африка южной Сахары	18,8
МЕНА	15,9

**Источник:** Asia's Future is now. McKinsey Global Institute. July 2019.

Эти данные указывают на тенденцию выстраивания азиатскими компаниями самодостаточных региональных стоимостных цепочек поставок, обслуживающих азиатские рынки. Примером может служить The Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) — новое торговое соглашение, объединяющее 16 стран региона, включая Китай, Японию, Индию и Вьетнам.

## Разнообразная Азия

Несмотря на огромное разнообразие стран Азии, они в значительной степени дополняют друг друга. Это взаимодополнение стимулирует процесс интеграции в регионе и формирование мощных экономических сетей.

Компания McKinsey выделяет «четыре Азии», каждая из которых обладает своими специфическими особенностями. В основу такой классификации положены четыре крупных обобщающих показателя: 1. Размеры (размер ВВП и численность населения); 2. Степень экономического развития, способная внести существенный вклад в глобальную экономику, а также потенциал роста, индустриализации и урбанизации (ВВП на душу населения, степень урбанизации и доля инвестиций в НИОКР в ВВП); 3. Взаимодействие с другими странами Азии (доля внутрирегиональной составляющей в торговле, ввозе и вывозе капитала); 4. Взаимодействие с остальным миром (степень открытости экономики).

Подобный подход позволил выделить четыре блока стран Азии, каждый со своими характеристиками (табл. 4).



Таблица 4

## Характеристика «четырех Азий»

Группа	Страны	Реальный ВВП (трлн. долл.) 2017г.	Население (млн. чел.) 2017г.	ВВП на душу населения (тыс. долл.)	Урбанизация (%)	Доля расходов на НИОКР в ВВП (%)	Доля внутри регионального экспорта (%)	Доля внутри региональных потоков капитала (%)
Развитая Азия	Австралия, Япония, Новая Зеландия, Сингапур, Южная Корея	8,2	213	38,6	89	3,1	67	63
Китай	Гонконг, Макао, материковый Китай, Тайвань	13,0	1442	9,0	57	2,0	74	70
Развивающаяся Азия	Бутан, Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Монголия, Мьянма, Непал, Филиппины, Таиланд, Вьетнам	2,5	675	3,6	47	0,4	72	80
Пограничная Азия	Афганистан, Индия, Бангладеш, Фиджи, Казахстан, Киргизстан, Мальдивы, Пакистан, Шри Ланка, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан	3,5	1825	1,9	34	0,5	31	34

Источник: The Future of Asia. McKinsey Global Institute, September 2019.

1. Развитая Азия включает страны, которые выступают важным источником капитала и технологий для остального региона.
2. Китай, крупная и самодостаточная страна, существенно отличающаяся от остальных стран региона и служащая «якорной экономикой», а также сетевой и инновационной платформой для соседних государств.

3. Развивающаяся Азия с высокой долей региональных потоков, главный источник рабочей силы и культурного разнообразия (все страны АСЕАН, за исключением Сингапура, принадлежат к этой группе).
4. Приграничная Азия и Индия, традиционно отличающиеся низкой степенью региональной интеграции и имеющие поэтому более диверсифицированную глобальную базу торговых партнеров и инвесторов; эти страны быстро урбанизируются (сюда относится большая часть стран Южной Азии).

Экономика этих групп стран Азии будет в перспективе сравнима по своим размерам с экономикой целых континентов (табл. 5).

Таблица 5

Сравнение различных регионов по ВВП, трлн долл.

	2017 г.	2040 г.
Развитая Азия Ближний Восток и Африка	8	11 9
Китай Северная Америка	13	36 34
Развивающаяся Азия Латинская Америка	3	7 8
Пограничная Азия Ближний Восток и Африка	4	13 9

Составлено по: The Future of Asia. McKinsey Global Institute, September 2019.

Китай к 2040 г. будет сопоставим с Северной Америкой. Развитая Азия и Пограничная Азия по размерам своей экономики каждая превысит размеры Ближнего Востока и Африки, вместе взятых. Развивающаяся Азия будет сравнима с Латинской Америкой.

Четыре Азии находятся на разных уровнях экономического развития и конкурентных преимуществ. Развитая Азия и Китай обладают развитыми инновационными мощностями и занимают высокие позиции по Глобальному инновационному индексу [Dutta, Lanvin, Wunsch-Vincent]. В этом отношении две другие Азии находятся далеко позади. Однако численность населения в работоспособном возрасте в Развитой Азии и Китае уменьшается, в то время как в Развивающейся и Пограничной Азии в период 2017–2040 гг. ожидается прирост такого населения на 412 млн чел. Одновременно в Развитой Азии будет наблюдаться снижение темпов роста ВВП до 1,1% в год в период между 2018 и 2040 г., а в Китае, Развивающейся Азии и Индии прогнозируется расширение рынка и темпы ВВП составят более 4%. Различные группы азиатских стран будут играть взаимодополняющую роль и, таким образом, окажутся более устойчивыми к среднесрочной глобальной волатильности.

**Развитая Азия.** Включает Австралию, Японию, Сингапур, Новую Зеландию и Южную Корею. Эти страны достигли высокого уровня душевого дохода в 30–60 тыс. долл. и высокого уровня урбанизации населения в диапазоне от 82 до 100%. Они играют три важнейшие роли для остальной Азии:

*В качестве поставщика технологий.* Они интенсивно вкладывают инвестиции в НИОКР, доля которых в ВВП колеблется от 2 до 4%. В Глобальном инновационном индексе Сингапур занимает 8-е место, Южная Корея — 11-е, Япония — 15-е, Австралия — 22-е, Новая Зеландия — 25-е место.

*В качестве поставщика капитала.* Объем вывезенных этими странами прямых инвестиций составил в 2013–2018 гг. 1 трлн долл., что составляет 54% всех прямых иностранных инвестиций Азии. Например, Южная Корея является ведущим инвестором Вьетнама, где на нее приходится 33% всех прямых иностранных инвестиций и где она создает национальную электронную промышленность страны. На Японию приходится 35% всех прямых иностранных инвестиций в Мьянму и 17% на Филиппины.

*В качестве рынка сбыта.* Совокупный ВВП стран этой группы составляет более 8 трлн долл., или 10% мирового ВВП. Доход на душу населения высок и продолжает стабильно увеличиваться, стимулируя рост потребления населения этих стран, включая премиальные товары. Так, Япония в 2018 г. потратила на престижную косметику и духи 12 млрд долл., а к 2023 г. эта цифра может увеличиться до 15 млрд долл.

**Kumai** является якорной экономикой Азии, предоставляя сетевые и инновационные платформы. Это крупнейшая по размерам экономики и численности населения глобальная и региональная держава. Страна стала в 2014 г. первой экономикой мира по паритету покупательной способности населения. В 2018 г. на нее приходилось 16% мирового ВВП. По реальному обменному курсу ВВП Китая составляет 66% от уровня США, что делает ее второй по величине экономикой мира [China and the world...]. По мере роста масштабов экономики Китай играет все более активную связующую роль в Азии в сфере торговли, потоков капитала, инноваций и информации. Страна выполняет в регионе четыре важнейшие функции:

*Глобальной торговой платформы.* Экономики стран Азии тесно связаны с Китаем через региональные стоимостные цепочки, и их зависимость от этой страны возрастает, особенно в части экспортных поставок. Например, Китай — крупнейший торговый партнер Малайзии, Филиппин и Сингапура. На страны Азии приходится 60% китайского импорта последнего десятилетия. По мере того как Китай избавляется от трудоемких отраслей обрабатывающей промышленности в пользу наукоемких и капиталоемких секторов, открываются возможности заполнения освободившихся ниш другими азиатскими странами.

*В качестве рынка сбыта.* Рост потребления в Китае за 2018–2030 гг. ожидается на уровне Западной Европы и США, вместе взятых, и в два раза выше, чем в странах АСЕАН. За этот период он составит около 6 трлн долл. Китай может стать важнейшим направлением экспорта как развитых, так и развивающихся стран.

*В качестве инвестора.* Китай увеличивает свои прямые инвестиции в соседние страны. В 2013–2018 гг. они составляли 35% всех прямых иностранных инвестиций стран Азии, 6% внутренних инвестиций Малайзии и 5% — Сингапура.

*В качестве инноватора.* В Китае получили значительное развитие инновационные мощности. На него приходится 44% мировых зарегистрированных патентов, а также 28% всех мировых и 77% азиатских стартапов стоимостью свыше 1 млрд долл. В стране находится 57% мировых и 70% азиатских выпускников со STEM-образованием<sup>1</sup>. В Китае получила развитие конкурентная цифровая экономика, и многие из ее бизнес-моделей являются образцом для подражания со стороны других развивающихся стран.

**Развивающаяся Азия** предлагает рабочую силу, возможности роста и культурное разнообразие. Эта группа состоит из 12 стран (Бутан, Бруней, Камбоджа, Индонезия, Лаос, Малайзия, Монголия, Мьянма, Непал, Филиппины, Таиланд, Вьетнам). Для этих стран характерны относительно малые размеры экономик, тесно связанных друг с другом. Сюда входят все страны Юго-Восточной Азии за исключением Сингапура. Доля внутрирегиональных потоков в этих странах в среднем составляет 79% и является наиболее высокой в Азии. Около 72% торговли, 80% потоков капитала и 85% потоков физических лиц в этой группе являются внутрирегиональными. Вклад этой группы стран в экономику континента осуществляется по трем направлениям.

*Рабочая сила.* Страны группы являются основными поставщиками рабочей силы для Азии. Численность населения в трудоспособном возрасте здесь к 2040 г. может возрасти на 18%. Заработная плата в среднем на 50% ниже, чем в материковом Китае, что делает эти страны привлекательными для альтернативного размещения трудоемких отраслей.

*Экономический рост.* Страны группы предлагают Азии новый источник роста. В 2013–2018 гг. темпы экономического роста составили здесь в среднем более 6% в год. Ожидается, что и в перспективе они будут выше среднемировых (4–5% в год при 2,7% для мира в целом).

*Культурное разнообразие.* В культурном отношении Развивающаяся Азия представляет собой наиболее разнообразную часть континента. Население в 640 млн чел. говорит на 600 языках. Разнообразие привлекает сюда многочисленных туристов. В 2017 г. страны АСЕАН посетили 125 млн чел., что на 40% больше, чем в 2012 г. Один только остров Бали в Индонезии принимает миллион туристов в месяц [Tourism in Indonesia...].

**Приграничная Азия и Индия** менее интегрированы с другими странами Азии, обладают молодым населением и переживают быструю урбанизацию. В эту группу входят 12 стран (Афганистан, Индия, Бангладеш, Фиджи, Казахстан, Киргизия, Мальдивы, Пакистан, Шри-Ланка, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан). Страны этой группы существенно отличаются от остальных. Пограничная Азия более интернациональна вследствие тесных связей с Европой и США, уходящих корнями в колониальный период. Доля внутрирегиональных потоков капитала, труда и торговли не превышает здесь 30% (в остальной части Азии в среднем — 50%). В 2018 г. на Европу, Ближний Восток

---

1 Полноценное планомерное обучение, включающее в себя изучение естественных наук совместно с инженерией, технологией и математикой.

и Африку приходилось 45% импорта и 66% экспорта стран этой группы, 56% притока иностранных прямых инвестиций и 53% их вывоза. Страны этой группы играют на азиатском континенте заметную роль в следующих сферах:

*Услуги.* На эти страны приходится только 7% экспорта товаров азиатского континента, но зато 19% экспорта услуг (в частности, бизнес-услуг). Так, в Индии 53% ВВП создается в сфере услуг. В глобальной отрасли аутсорсинга бизнес-услуг удельный вес Индии достигает 36%.

*Молодая рабочая сила.* Средний возраст рабочей силы в Индии в 2018 г. составлял 27 лет, и лишь к 2050 г. этот показатель достигнет уровня 38 лет, что на 10 лет меньше, чем в Китае в настоящее время. Уровень урбанизации в этой группе стран составляет всего 34% (при 89% в Развитой Азии, 57% в Китае и 47% в Развивающейся Азии). Эти два фактора — молодая рабочая сила и процесс урбанизации — будут играть важную роль в дальнейшем экономическом росте стран Приграничной Азии.

*Новые рынки.* Темпы роста ВВП стран группы были в 2013–2018 гг. самыми высокими в Азии и составили 6,8%. В Индии и Бангладеш они достигали, соответственно, 7,3 и 6,8%, а в 2019–2040 гг. будут находиться на уровне более 5%.

Несмотря на то, что Приграничная Азия обладает огромным потенциалом в создании своей индустриальной базы, она сталкивается на этом пути с рядом серьезных проблем. Во-первых, это состояние и качество инфраструктуры. Например, длина береговой линии в Индии составляет 7,5 тыс. км, при этом здесь 12 крупных портов, грузооборот которых 383 млн TEU (двадцатифутовых эквивалентов). Для сравнения, в Китае длина береговой линии — 14,5 тыс. км., а 30 важнейших портов перерабатывают 4,1 млрд. TEU. В результате компании сталкиваются с высокими логистическими издержками. В Бангладеш логистические издержки достигают 16–20% ВВП, в Индии — 14% ВВП, в то время как в Южной Корее — 10%, а в развитых странах Запада — 8% [Saha].

Другим препятствием являются институциональные проблемы. Сочетание бюрократии и коррупции замедляет процесс принятия решений; компании сталкиваются с проблемами приобретения земельных участков под строительство и расширение производственных мощностей. Согласно данным Мирового банка, по Индексу эффективности государственного управления все страны Приграничной Азии находятся внизу списка из 200 стран мира. Самая низкая позиция у Афганистана — 186-е место. У Туркменистана — 180-е, Таджикистана — 178-е, Узбекистана — 167-е, Бангладеш — 158-е, Пакистана — 156-е, Казахстана — 122-е, Индии — 107-е, Шри-Ланки — 106-е [The Worldwide...].

В то же время необходимо отметить, что в ряде этих стран наблюдается заметный институциональный прогресс. Так, Индия по отмеченному показателю переместилась со 114-го места в 2007 г. на 107-е в 2019 г. Кроме того, по показателю легкости ведения бизнеса Индия в 2019 г. улучшила свои позиции сразу на 23 пункта. (с 2007 г.)

Идет и углубление интеграции с остальными странами Азии. Так, экспорт из Пакистана, Бангладеш и Шри-Ланки в страны Азии растет более быстрыми темпами, чем в другие регионы. В Пакистане эти показатели за последнее десятилетие составили, соответственно, 9 и 4%. Между тем экспорт из этой страны в Северную Америку снижается на 1% в год.

### **Азиатские корпорации на подъеме**

Изменившаяся роль Азии в промышленных стоимостных цепочках, отмеченная ранее, отражает быструю эволюцию региональных корпоративных экосистем. Рост происходит не только на стороне спроса развивающихся экономик, но и на стороне предложения, изменяя конкурентную мировую динамику.

Многие азиатские компании входят в рэнкинги крупнейших корпораций мира. Так, в 2018 г. среди 500 крупнейших компаний мира, по данным журнала Fortune, 210 являлись азиатскими. Среди наиболее эффективных компаний мира доля стран Азии выросла за 2000–2018 гг. с 19 до 30%.

В списке 5000 крупнейших компаний мира журнала Forbes доля стран Азии выросла с 36% в 1997 г. до 43% в 2018 г. Еще более заметными были изменения в составе различных стран в этой группе. Прежде всего, выросла доля Китая. Заметно увеличилось число компаний Индии. Появились компании таких стран, как Филиппины, Вьетнам, Казахстан и Бангладеш. Удельный же вес японских компаний сократился за этот же период в два раза.

Азиатские компании вошли в число мировых лидеров не только в промышленных и автомобилестроительных секторах, но также и в таких сферах, как технологии, финансы и логистика. За прошедшие 20 лет изменилась и производственная структура региона. Производство инвестиционных товаров теперь занимает меньшее место на фоне значительного роста компьютерной и электронной промышленности, добычи и переработки природных ресурсов, финансовых услуг (табл. 6).

Структурой собственности, стратегиями развития и характером операционной деятельности азиатские компании существенно отличаются от западных транснациональных корпораций [Playing to win...]. Так, две трети из 110 крупнейших китайских компаний, входящих в список Fortune 500, являются государственными. Для региона также характерно наличие крупных конгломератов. На пять крупнейших южнокорейских семейных чеболей приходится половина стоимости фондового рынка страны. В Японии «большая шестерка» кэйрэцу также доминирует на фондовом рынке страны, обладая каждая десятками предприятий из разных отраслей экономики (в частности, все крупнейшие японские автопроизводители имеют тесные связи с кэйрэцу). В Индии в каждом из шести конгломератов занято более 2 млн чел.

Компания с контролирующим акционером, будь то семья, основатель компании или государство, имеет возможность сделать акцент на своем экономическом росте и рас-

ширении производства, принимая во внимание достижение долгосрочных целей развития. Это резко контрастирует с дисперсным владением акциями публичных компаний на Западе, которые каждые три месяца должны отчитываться перед акционерами и сосредоточены поэтому на быстрейшем увеличении прибыли.

Таблица 6

## Отраслевая структура экономики Азии

	1995–1997 гг., млрд долл.	%	2015–2017 гг., млрд долл.	%
Машины и оборудование (196 компаний)	483	14,5	1882	
Автомобили	446	13,3	1360	8,0
Металлообработка	228	6,8	449	2,6
Химия	171	5,1	614	3,6
Строительство	274	8,2	1124	6,6
Логистика	314	9,4	1003	5,9
Природные ресурсы и их переработка	196	5,3	2964	17,5
Транспорт	235	7,0	937	5,5
Коммунальное хозяйство	206	6,2	1136	6,7
Пищевая	120	3,6	70	4,1
Легкая	45	1,3	179	1,1
Фармацевтическая	50	1,5	217	1,3
Компьютеры и электроника	196	5,8	1614	9,5
Интернет и медиа	77	2,3	278	1,6
Торговля	139	4,2	837	4,9
Недвижимость	69	2,1	600	3,5
Банки	87	2,6	1032	6,1
Образование и здравоохранение	4	0,1	35	0,2

Рассчитано по: Asia's Future is now. McKinsey Global Institute. July 2019.

Несмотря на значительное участие государства в экономике азиатских стран, конкуренция здесь остается довольно высокой. Некоторые компании получают существенную поддержку от государства, но при достижении ими определенных целей. Коэффициент оттока компаний с рынка среди азиатских стран на 20% выше, чем в ведущих развитых странах мира [Outperformers...].

Давнее исследование McKinsey в отношении 5 тыс. крупнейших мировых государственных и частных компаний с годовым оборотом более 1 млрд долл. выявило «эффект суперзвезд», которые завоевывают все большую долю рынка, отрываясь от своих конкурентов [Superstars... Autor]. На страны Азии приходится 30% «суперзвезд» (в 1990-е годы — 15%). Большая часть таких компаний зарегистрирована в Китае, Индии, Японии и Южной Корее. Темпы появления этих «суперзвезд» в Азии наиболее высоки. Прибыль таких компаний из Азии за 2007–2018 гг. выросла на 57%, а компаний из Северной Америки — на 33%. Норма прибыли азиатских компаний в 2,2 раза выше,

чем у их конкурентов. Наиболее динамичными секторами, в которых заняты азиатские компании, являются производство компьютеров и электроники, автомобилестроение и финансы. Наименьшие прибыли — в переработке природных ресурсов, машиностроении и сфере недвижимости.

Оборотная сторона быстрого роста азиатских «суперзвезд» — увеличение неравенства между городами, регионами и населением. В этом смысле азиатские страны, по всей видимости, повторяют модель развития западного мира.

### Азия формирует будущее глобальных цифровых инноваций

В настоящее время на Азию приходится более половины (2,2 млрд) пользователей Интернета всего мира, из них только на Китай и Индию — более 30% (рис. 5).

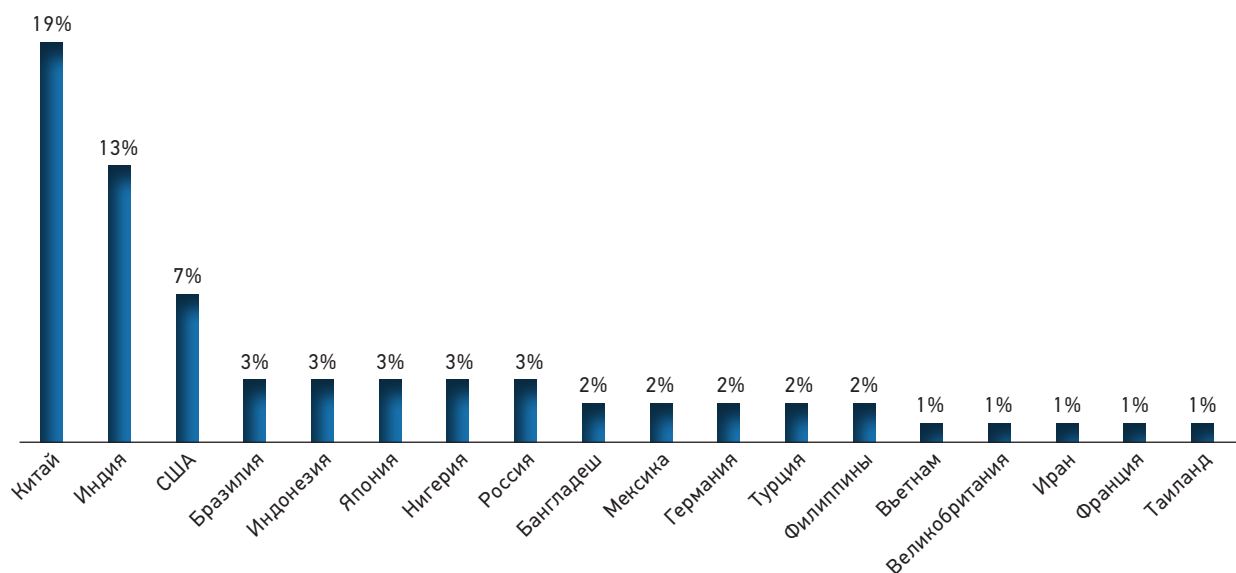


Рис. 5. Доля пользователей Интернета по странам мира, %

Источник: Internet World Statistics. – URL: [internetworldstats.com/](http://internetworldstats.com/).

Именно такое огромное число пользователей стимулирует развитие и процветание сектора инновационных технологий. Среди наиболее продвинутых цифровых стран мира — Китай, Япония, Южная Корея и Сингапур. Например, в сфере Интернет-торговли доля Китая в стоимости мировых транзакций в 2005 г. составляла только 1%, а в настоящее время этот показатель превышает 40%. Проникновение мобильных платежей среди китайских пользователей интернета выросло с 25% в 2013 г. до 68–70% в 2018 г. Три китайских Интернет-гиганта — Baidu, Alibaba и Tencent — выстроили за короткий срок гигантские цифровые экосистемы, охватывающие весь мир [Digital China...].

Азия располагает большими объемами венчурного капитала, необходимого для поддержки технологических инноваций и предпринимательства. Так, Китай в настоя-



щее время занимает второе место в мире после США по объемам инвестиций в стартапы. В 2014–2016 гг. на Китай приходилось 20% мирового венчурного капитала. Индия также наращивает усилия в этом направлении, в три раза превышая объемы венчурного финансирования Германии. На Азию приходится почти 50% объема мировых венчурных инвестиций. Этот регион — один из ведущих глобальных источников и реципиентов венчурного капитала для таких секторов, как виртуальная реальность, автономные средства транспорта, 3D-печать, дроны и искусственный интеллект.

В странах Азии идет быстрое формирование инновационных хабов. На апрель 2019 г. здесь были зарегистрированы 119 из 331 (почти треть) глобальных стартапов стоимостью свыше 1 млрд долл. (так называемые unicorns). Более 90 таких компаний находятся в Китае, 13 — в Индии, 6 — в Южной Корее и 3 — в Индонезии. Для сравнения: в США 161 такая компания, в Великобритании — 16, в Германии — 9.

Темпы роста таких стартапов в Азии значительно выше, чем на Западе. Если в Европе с момента образования стартапа до момента достижения им уровня в 1 млрд долл. проходит в среднем 10 лет, а в Северной Америке — 9 лет, то в Азии — только 6 лет.

Азиатские стартапы имеют и другие отличия. Они сфокусированы, как правило, на B2C — бизнесе в менее наукоемких секторах, таких как Интернет-торговля, образование и обучение. Более наукоемкие отрасли и B2B-бизнес (аналитика, программное обеспечение, облачные вычисления, информационные технологии здравоохранения) находятся в руках компаний из США, Великобритании и Германии.

Китай сделал развитие искусственного интеллекта (ИИ) своим стратегическим приоритетом и является одним из глобальных лидеров в этой сфере [Artificial... Kai-Fu Lee's...]. Южная Корея и Сингапур также предприняли важные инициативы в сфере развития ИИ [AI frontier...]. У Японии аналогичные амбиции: недавно эта страна объявила о введении в университетах и технических колледжах новых курсов с целью ежегодного выпуска 250 тыс. специалистов в области ИИ [Yamashita].

Даже отстающие пока страны стремительно развивают цифровые технологии. Индонезия и Индия опережают остальной мир по темпам внедрения цифровизации в последние пять лет. Только в одной Индии число пользователей Интернета с 2014 г. почти удвоилось и достигло в 2018 г. 560 млн, с ежегодными темпами прироста на уровне 152% [Digital India...]. Кроме того, индийское правительство вовлекло 1,2 млрд человек в программу цифровой биометрической идентификации, что дает жителям страны впервые юридическую идентичность и открывает им доступ к банковским финансам, кредитам, государственной поддержке, образованию и прочим услугам [Digital identification...].

В то же время, несмотря на эту громадную активность, около 2 млрд жителей стран Азии все еще лишены доступа к Интернету, особенно в сельских районах Китая, Индии и Индонезии.

## Азиатские потребители как мотор глобальной экономики

За последние двадцать лет значительно снизилась в мире глобальная бедность. Примерно 1,2 млрд человек превратились в класс стабильных потребителей с уровнем доходов, позволяющим им делать регулярные крупные покупки. Вклад Азии здесь наиболее заметен. По расчетам компании McKinsey, почти половина роста мирового потребления в период 2015–2030 гг. придется на Азию (рис. 6).



Рис. 6. Удельный вес регионов в приросте потребительского спроса, %

**Источник:** The Asian century is set to begin. Financial Times, March 26, 2019.

Растущий средний класс стран Азии скоро достигнет численности в 3 млрд человек. В одной лишь Юго-Восточной Азии несколько лет назад насчитывалось 80 млн домохозяйств, принадлежавших к потребительскому классу. Ожидается, что к 2030 г. этот показатель удвоится и достигнет 163 млн, причем особенно быстрый прирост будет в Индонезии [Southeast Asia...].

Азиатский регион является одним из наиболее важных рынков для транснациональных корпораций. Потребители из стран Азии традиционно предъявляли спрос на иностранные предметы роскоши и брендовые товары. Но ситуация постепенно меняется. Молодое поколение все чаще начинает делать выбор в пользу отечественных брендов. Этот разнообразный и фрагментированный регион успешно выстраивает свои бренды и каналы торговли.

Наиболее резкий рост потребления наблюдался в Китае. Работоспособное население этой страны является наиболее важной группой мировых потребителей. К 2030 г. на них будет приходиться 12 центов с каждого доллара, потраченного на потребительские расходы в мире.

В Индии средние расходы на одежду и обувь выросли с 40 долл. на человека в 2007 г. до 65 долл. в 2018 г. [Globalization...]

Азиатское поколение Z имеет совершенно другие потребительские предпочтения и жизненные ценности. Оно выросло в условиях беспрецедентного роста благосостояния, большей открытости западной культуре и цифровой среды. Покупки предметов роскоши молодыми китайцами обусловлены влиянием средств массовой информации и желанием соответствовать последней моде. Потребительский рынок региона испытывает не только громадный рост объемов, но и глубокие изменения своей структуры, формирование лояльности к новым брендам и предпочтениям. По мере того, как компании стараются удовлетворить этот новый спрос, азиатские потребители будут во все возрастающей степени оказывать влияние на глобальный рынок и определять его тенденции.

## Литература

The Asian century is set to begin // Financial Times. March 26. 2019.

AI frontier: Modeling the impact of AI on the world economy. McKinsey Global Institute. September 2018.

Artificial intelligence: Implications for China. McKinsey Global Institute. April 2017.

*Autor D. et al.* The fall of the labor share and the rise of superstar firms // NBER working paper number 23396. May 2017.

China and the world: Inside the dynamics of a changing relationship. McKinsey Global Institute. July 2019. — URL: [mckinsey.com/featured-insights/china/china-and-the-world-inside-the-dynamics-of-a-changing-relationship](https://mckinsey.com/featured-insights/china/china-and-the-world-inside-the-dynamics-of-a-changing-relationship) (date of access: 03.02.2020).

Digital China: Powering the economy to global competitiveness. McKinsey Global Institute. December 2017.

Digital identification: A key to inclusive growth. McKinsey Global Institute. April 2019.

Digital India: Technology to transform a connected nation. McKinsey Global Institute. March 2019.

*Dutta S., Lanvin B., Wunsch-Vincent S. eds.* Global Innovation Index. Geneva. 2019.

Globalization in transition: The future of trade and value chains. McKinsey Global Institute. January 2019.

*Hallward-Driemeier M., Nayyar G.* Trouble in the making? The future of manufacturing-led development. World Bank. 2017.

*Haskel J., Westlake S.* Capitalism without capital: The rise of the intangible economy. Princeton 2017.

Kai-Fu Lee's perspectives on two global leaders in artificial intelligence: China and the United States, video interview. June 2018. — URL: [mckinsey.com/featured-insights/artificial-intelligence/kai-fu-lees-perspectives-on-two-global-leaders-in-artificial-intelligence-china-and-the-united-states](https://mckinsey.com/featured-insights/artificial-intelligence/kai-fu-lees-perspectives-on-two-global-leaders-in-artificial-intelligence-china-and-the-united-states) (date of access: 03.02.2020).

Outperformers: High-growth emerging economies and the companies that propel them. McKinsey Global Institute. September 2018.

Playing to win: The new global competition for corporate profits. McKinsey Global Institute. September 2015.

*Saha S.* Logistics: The next frontier // Daily Star. 17.07.2013. — URL: [thedailystar.net/news/logistics-the-next-frontier](https://thedailystar.net/news/logistics-the-next-frontier) (date of access: 03.02.2020).

- Southeast Asia at the crossroads: Three paths to prosperity. McKinsey Global Institute. November 2014.
- Superstars: The dynamics of firms, sectors, and cities leading the global economy. McKinsey Global Institute. October 2018.
- Tourism in Indonesia: Rising foreign visitor arrivals in February 2018 // Indonesia Investments. 2018. April 4.
- The Worldwide Governance Indicators project. — URL: [info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home](http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home) (date of access: 03.02.2020).
- Yamashita M.* Japan aims to produce 250,000 AI experts a year // Nikkei Asian Review. 30.03.2019. — URL: [asia.nikkei.com/Economy/Japan-aims-to-produce-250-000-AI-experts-a-year](http://asia.nikkei.com/Economy/Japan-aims-to-produce-250-000-AI-experts-a-year) (date of access: 03.02.2020).

DOI 10.32726/2411-3417-2020-1-133-144

УДК 32; 17

Тимофей Дмитриев

## «Желание быть видимым»: Френсис Фукуяма в поисках объяснения новых тенденций мировой политики

**Аннотация.** В статье дается критический анализ основных положений последней книги Френсиса Фукуямы, которая посвящена кризису либеральной демократии на Западе, связанному с проблематикой идентичности. Рассматриваются, в частности, предложенные Фукуямой оценка и объяснение современных мировых процессов через призму борьбы держав и групп за признание индивидуальной и коллективной идентичности. Особое внимание в статье уделяется рассмотрению той роли, которую широко понятая национально-государственная идентичность способна сыграть в стабилизации происходящих в современном мире социально-политических процессов.

**Ключевые слова:** мировая политика; национально-государственная идентичность; человеческое достоинство; борьба за признание идентичности; политика, основанная на идентичности; «политика идентичности»; групповые права, формы частичного признания; подъем «политики идентичности»; кризис либеральной демократии.

---

Рецензия на книгу: Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия / пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019. 256 с.

Оригинал: Fukuyama F. Identity. The Demand for Dignity and the Politics of Resentment. N.Y. 2018.

Прописные истины имеют свойство стираться и забываться, отходить на второй план, поэтому их следует время от времени напоминать. Попыткой такого напоминания можно считать и последнюю книгу Френсиса Фукуямы «Идентичность: стремление к признанию и политика рессентимента»<sup>1</sup>. В ней известный американский ученый выводит на первый план современной политики и международных отношений *борьбу за признание индивидуальной и коллективной идентичности* в качестве важнейшего мотива современных мировых процессов. По его мнению, «требование признания и уважения

---

1 К сожалению, в русском издании книги английское слово «resentment» (от фр. rressentiment, имеющего богатую историю), не слишком удачно переведено как «неприятие».

---

**Сведения об авторе:** ДМИТРИЕВ Тимофей Александрович — доцент факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат философских наук, [tdmitriev@hse.ru](mailto:tdmitriev@hse.ru).

своей идентичности — это универсальное понятие, которое охватывает многое из того, что происходит сегодня в мировой политике» [Фукуяма, с. 23].

Непосредственным поводом для написания книги послужила победа Дональда Трампа на президентских выборах 2016 г. в США. Несмотря на диаметрально противоположные оценки этого политического события, расколовшего как правящие классы США, так и рядовых американцев, приход к власти в крупнейшей державе Запада политика, тут же окрещенного его недругами «популистом», положил начало новому раунду дебатов о том, куда идет современный мир. Фукуяма пользуется этим прецедентом, чтобы заявить о настоятельной необходимости «конверсии» современного политического зрения. По его мнению, понять актуальные тенденции общественно-политического развития современного мира будет можно, только вернувшись к изрядно подзабытому понятию «борьбы за признание» и поставив его во главу угла политического и социального анализа.

Своими интеллектуальными корнями понятие «признания» восходит к философии Г.В.Ф. Гегеля в интерпретации французского философа-неогегельянца XX в. Александра Кожева<sup>1</sup>. По словам Фукуямы, «еще Гегель утверждал, что борьба за признание является главной движущей силой человеческой истории, ключом для понимания зарождения современного мира» [Фукуяма, с.34]. Так происходит потому, что признание со стороны других членов общества является важнейшим условием осознания человеком своей собственной ценности и человеческого достоинства. «Внутреннее чувство собственного достоинства, — пишет Фукуяма, — требует признания. Осознания собственной ценности недостаточно, если окружающие не признают ее публично или, что еще хуже, если они унижают меня или игнорируют мое существование. Самоуважение возникает в результате уважения со стороны других» [Фукуяма, с.33].

Однако Фукуяма не был бы либеральным поклонником Гегеля, если бы не поместил борьбу за признание, идущую вокруг принципа личного и коллективного достоинства, в более масштабный контекст исторического становления. В результате читатель получает набросанную широкими мазками картину исторического развития современного мира от его истоков до наших дней. Вслед за Гегелем и Кожевым, Фукуяма переносит понятие «признания» на истолкование смысла и динамики мировой истории. Борьба за признание рассматривается им как главная движущая сила мира модерна, связанная с тем, что достоинство человека в современную эпоху становится универсальным моральным и политическим принципом. С этой точки зрения мир модерна представляет собой исторический универсум, отмеченный печатью всеобщего признания человеческого достоинства.

---

<sup>1</sup> Речь идет о лекциях А. Кожева 1930-х годов, посвященных «Феноменологии духа» Гегеля. Они были изданы отдельным изданием во Франции в 1948 г. В 2003 г. был опубликован русский перевод этого труда (по оценке учителя Фукуямы, американского философа Алана Блума, — одного из немногих значимых философских произведений XX в.) [Кожев].

В современном мире, однако, проблема признания осложняется новыми веяниями, связанными с борьбой отдельных групп за признание их исключительного положения в обществе, равно как и с борьбой индивидов за признание не только «права на особенность», но и на свои исключительность и неповторимость. Тем самым принцип всеобщего признания в качестве как фактического, так и нормативного принципа мира модерна сам оказывается под вопросом. Если Гегель утверждал, что «единственным рациональным решением проблемы стремления к признанию станет всеобщее признание, в рамках которого признается и уважается достоинство каждого человека», то сегодня «всеобщее признание оспаривается как другими формами исключительно группового признания — на основе национальности, религии, секты, расы, этнической принадлежности или пола, — так и индивидами, требующими признания своего превосходства над остальными» [Фукуяма, с. 23].

Прежде чем перейти к обсуждению ключевых тем, которые Фукуяма затрагивает в своей новой книге, надо сказать об основных понятиях, используемых автором: «идентичность», «достоинство», «политика идентичности» и «политика ressentимента».

Понятие «идентичность» — одно из наиболее интенсивно используемых в актуальных общественно-политических дебатах. Под идентичностью Фукуяма понимает «внутреннее Я» человека (“inner self”), в противоположность его «внешнему Я в обществе» (“outer self-in-society”). Как подчеркивает Фукуяма, «идентичность вырастает прежде всего из различия между истинным внутренним «я» и внешним миром социальных правил и норм, которые не признают и не уважают ценность или достоинство этого внутреннего «я». На протяжении всей истории человечества личности вступали в противоречие со своими обществами. Но только ныне сложилось мнение, что внутренне истинное «я» имеет естественную, природную ценность, а внешнее общество систематически ошибается и несправедливо его оценивает. Менять необходимо не внутреннее «я», подчиняя его правилам общества, но само общество» [Фукуяма, с. 33].

Что касается понятия «человеческое достоинство», то оно имеет весьма почтенную историю в философской мысли Запада и восходит к работам Жан-Жака Руссо и Иммануила Канта. Речь идет о требовании рассматривать каждого человека как свободное и равное всякому другому человеку существо, то есть не только как средство для достижения «моих» целей, но и как цель саму по себе. Однако человеческое достоинство не всегда понималось подобным образом. Прежде, до появления мира модерна, достоинством наделялись отнюдь не все люди или группы людей, но лишь те из них, что были привилегированными в том или ином плане. «Внутреннее «я», — пишет Фукуяма, — является основой человеческого достоинства, но природа этого достоинства непостоянна, с течением времени она менялась. Во многих ранних культурах достоинством наделялись лишь немногие, часто — воины, готовые рисковать жизнью в бою. В других обществах достоинство является универсальным атрибутом, основанным на внутренней ценности людей, обладающих агентностью [субъектностью — ред. «Перспектив»] — свободой воли и самостоятельностью. В иных случаях достоинство человека обусловлено его принадлежностью к большой группе людей, объединенных общей памятью и опытом» [Фукуяма, с. 33].

Используя понятия «идентичности», «достоинства» и «признания», Фукуяма дает определение «политике идентичности». С его точки зрения, она является реакцией человека или группы людей на ситуацию, при которой общество не признает внутреннее «Я» человека, что приводит к разладу между его внутренним и внешним, социальным «Я» и утрате чувства собственного достоинства. Это, в свою очередь, ведет к появлению отдельных групп и движений, которые требуют от общества признания своей погрязшей или непризнанной идентичности. «Поскольку стремление к признанию, — пишет Фукуяма, — заложено в природе человека, сегодня чувство идентичности быстро превращается в политику идентичности, в рамках которой люди требуют общественного признания своей ценности» [Фукуяма, с. 33–34]. Чувство идентичности представляет собой интерсубъективный феномен, оно всегда требует признания со стороны другого. Признание же обретает стабильные и прочные формы лишь в том случае, если оно закреплено на институциональном уровне. «Таким образом, существенную часть политических конфликтов современного мира — от демократических революций до новых социальных движений, от национализма и исламизма до политических столкновений в университетских кампусах современной Америки — можно свести к проявлениям политики идентичности» [Фукуяма, с.34].

В современном мире, однако, политика идентичности имеет тенденцию принимать извращенные формы. Вместо того чтобы вести к созданию универсального либерального государства, в рамках которого все граждане мира, вне зависимости от пола, расы, этнической принадлежности и вероисповедания (или же отсутствия такового) могли бы наслаждаться взаимным признанием своих прав, она часто толкает мир к признанию партикулярных идентичностей (этнических, расовых, гендерных, религиозных), которые основаны на «объективированных» различиях и принципиально уклоняются от универсализации. Тем самым частное имеет тенденцию целиком и полностью подчинять себе универсальное, что ставит модель истолкования мировой истории, основанной, по Гегелю, на универсальной работе принципа признания, с ног на голову.

Подобная политизация проблем коллективной и индивидуальной идентичности представляется Фукуяме одной из главных проблем современной мировой политики. Именно ей и посвящена значительная часть книги известного американского политолога. Угрозу разложения, или регресса современной либеральной демократии он связывает с целым сонмом новых вызовов, вышедших в последнее время на авансцену мировой политики. К их числу относятся подъем разнообразных форм религиозного фундаментализма (наиболее опасной Фукуяма считает «политизацию ислама»), а также «всплеск старомодного национализма» как на Западе, так и на его «периферии».

### **Диагноз эпохи: «отступление демократии»**

Наиболее важные черты политических процессов в современном мире Фукуяма связывает с «отступлением демократии». В 1970 г. существовало не более 35 электоральных демократий. В последующие 30 лет их число постоянно росло, что было связано с крушением последних диктатур в Западной Европе (Испания, Португалия, Греция), крахом режимов советского типа в странах Восточной Европы и процессами демократиза-



ции в странах «третьего мира». Однако в новом тысячелетии этот процесс обращается вспять. Число демократий сокращается, Китай, будучи авторитарной державой, выдвигает притязание на мировое лидерство, а «возвращение России к авторитарным традициям вызывает скорее разочарование, чем удивление» [Фукуяма, с. 17]. На этом фоне приход к власти в США Дональда Трампа и Brexit стали лишь еще одним неприятным звеном в длинной цепи событий, связанных с подъемом режимов авторитарного типа и «волной популистского национализма». То, что они произвели эффект разорвавшейся бомбы, объясняется, по мнению Фукуямы, тем, что на протяжении многих десятилетий «две ведущие демократии были архитекторами современного либерального международного порядка, возглавившими под руководством Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер «неолиберальную революцию» 1980-х годов. Однако они сами, похоже, свернули в сторону куда более примитивного национализма» [Фукуяма, с. 18].

Главное, что объединяет лидеров этого разношерстного «популистского Интернационала» и разгневанные массы, к которым они апеллируют, — это, с точки зрения Фукуямы, гнев против национальных элит, проводящих антинациональную политику. «Общей целью политиков-популистов как в Европе, так и в США является «возвращение своей страны». Они утверждают, что традиционные представления о национальной идентичности размываются и присваиваются как пришельцами с различными ценностями и культурами, так и левыми прогрессистами, нападающими на саму идею национальной идентичности как расистскую и нетерпимую» [Фукуяма, с. 170].

Эти политические перемены на национальном уровне Фукуяма вписывает в международную конъюнктуру, которую он называет «политикой рессентимента». Под последней он понимает политику мобилизации разгневанных и обиженных масс, осуществляемую лидерами с авторитарными замашками при помощи современных массмедиа и институтов массовой плебисцитарной демократии. «Известно множество примеров, — отмечает Фукуяма, — когда тот или иной политический лидер мобилизовал последователей, эксплуатируя их групповые обиды, чувство унижения или подозрение, что ими пренебрегают или что их недооценивают. Комплекс этих ощущений, называемый рессентиментом, требует восстановления поправленного достоинства такой группы. Эмоциональное воздействие, которое способна оказать на общество униженная группа, добивающаяся восстановления чести и достоинства, может быть гораздо сильнее влияния людей, просто преследующих экономическую выгоду» [Фукуяма, с. 30].

Сегодня многие либеральные демократии на Западе стоят перед судьбоносным выбором. Этот выбор тесно связан с борьбой за признание между группами с сильно расходящимися и даже враждебными друг другу коллективными идентичностями. Современные либеральные демократии, пишет Фукуяма, «вынуждены адаптироваться к быстрым экономическим и социальным изменениям и стали гораздо более разнообразны в результате глобализации. Группы, которые ранее оставались незамеченными для общества в целом, теперь требуют признания и уважения. Однако вытесняемые ими на задний план группы ощущают, что теряют статус, а это порождает политику рессентимента и негативную реакцию с их стороны. Обращение к еще более узким идентичностям угрожает дестабилизировать общественный диалог и коллективные

действия во всем социуме. Эта дорога в конечном счете приведет к краху и развалу государства» [Фукуяма, с. 205].

### **Почему политика идентичности разрушает либеральную демократию?**

«Политика идентичности разрушает демократию», — под таким заголовком в сентябре 2018 г. было опубликовано интервью, данное Ф. Фукуямой главному редактору глобальной медиа-платформы «The WorldPost» Натану Гардельсу [Gardels].

Как доказывает Фукуяма, то, что мы сегодня называем «политикой идентичности», возникло благодаря социальным движениям 1960-х годов, выдвинувшим требования равных прав для афроамериканцев, женщин, геев и лесбиянок, а также для представителей других маргинализованных групп. Все они требовали признания своего достоинства и отказа от политики дискриминации по отношению к ним. Постепенно эти требования оттеснили на задний план требования большего социально-экономического равенства, основой которых были классовые деления и классовые конфликты в обществах модерна. С начала 1970-х годов на смену этой претендовавшей на универсальность повестке дня пришли требования гарантированных государством привилегий для отдельных маргинализованных групп. Примечательно, что люди, принадлежащие к этим группам, стали определять свою идентичность особым «жизненным опытом», доступным только им и скрытым за семью печатями от «чужаков». Необходимость предоставления таких экстраординарных привилегий лоббисты этих групп с некоторых пор стали мотивировать несправедливостями и даже преступлениями, совершенными против них в прошлом.

В результате радикализации требований со стороны меньшинств под вопросом оказался универсальный характер принципов гражданского равноправия: на смену ему пришла политика «позитивной дискриминации» (positive discrimination) в отношении прежде маргинализованных групп, которая достигла наибольшего размаха в современных США. Ответной реакцией на эти процессы в развитых странах Западной Европы и Северной Америки становится взлет «правого популизма».

Взлету «правого популизма» на Западе в последние годы способствовало, согласно Фукуяме, несколько важных факторов. Это, прежде всего, процессы глобализации, которые во многих развитых странах Запады имели своим следствием сокращение производства или перенос его в страны с более дешевой рабочей силой, что привело к сокращению рабочих мест в производственной сфере. В том же направлении в этих странах действовала и политика создания «гибкого» рынка труда, связанная с переходом от долгосрочного, в идеале — пожизненного контракта, подкрепленного внушительным пакетом социальных благ и услуг, к краткосрочным трудовым контрактам, не подкрепленным социальным вознаграждением и не гарантированным коллективными трехсторонними договорами (государство/работодатели/профсоюзы). Все это привело к упадку традиционного рабочего класса и к эрозии «большого» среднего класса, который на протяжении многих десятилетий служил прочной социальной опорой современных либеральных демократий. На их место пришли «работающие бедные», кото-

рые, даже трудясь зачастую на нескольких работах, не могут обеспечить себе средства на достойную жизнь. Эти перемены рассматриваются миллионами людей как утрата привычного и заслуженного трудом социального статуса, что приводит их сегодня в первые ряды участников социального протеста.

Разрушительный характер, который приняла в последние десятилетия на Западе политика идентичности, обусловлен еще одним важным фактором. Если смотреть на современную политику как на аналог рынка (а такой взгляд широко распространен в среде западных экспертов), то придется признать, что политический рынок реагирует на ярко выраженные предпочтения. Это означает, что хорошо организованные лоббисты, представляющие разнообразные меньшинства, могут оказывать серьезное давление на власть, совершенно не отражая при этом интересы и предпочтения массового избирателя. Ярко выраженные предпочтения, лежащие в основе претензий меньшинства на признание своей идентичности и на ресурсную поддержку ее воспроизводства, устроены так, что повышают ставки конфликта и уменьшают перспективы сотрудничества. Более того, в основе таких ярко выраженных политических предпочтений, как правило, лежат *неделимые блага*, что только повышает вероятность возникновения конфликтов и увеличивает степень их интенсивности<sup>1</sup>.

На сегодняшнем политическом рынке в развитых странах Запада именно идентичности выступают в качестве главной формы тех неделимых благ, что стоят на кону. «В отличие от борьбы за экономические ресурсы, претензии на идентичность обычно не поддаются обсуждению: права на общественное признание по признаку расы, этнической принадлежности или пола основаны на фиксированных биологических характеристиках, их нельзя обменять на другие блага или каким-то образом ограничить» [Фукуяма, с. 157].

### **Либеральная демократия перед лицом новых вызовов**

Как складываются условия, которые в современном мире ведут к политизации темы «достоинства»? Отвечая на этот вопрос, Фукуяма подчеркивает, что для перевода проблемы признания достоинства группы людей или целой страны в политическую плоскость необходимо наличие политических лидеров и движений, делающих коллективные притязания видимыми для общества и мира, *urbi et orbi*. Своеобразие же текущего политического момента Фукуяма усматривает в том, что сегодня политика идентичности в основном принимает форму «политики рессентимента». Рессентимент — слово из философского словаря мира модерна, принадлежащее Фридриху Ницше. «То, с чем мы столкнулись сегодня, — пишет Фукуяма, — можно назвать политикой рессентимента. Известно множество примеров, когда тот или иной политический лидер моби-

<sup>1</sup> Неделимые блага — в современной политической науке такие блага, которые, будучи укорененными обычно в религии, расе, этнической принадлежности или гендере, с трудом поддаются делению и перераспределению. Этим они отличаются от тех благ, которые принято называть делимыми. На этом основании многие современные авторы приходят к выводу, что в политике следует избегать ярко выраженных политических предпочтений и того, чтобы ставить во главу угла таких предпочтений неделимые блага [Шапиро, с. 101].

лизовывал последователей, эксплуатируя их групповые обиды, чувство унижения или подозрение, что ими пренебрегают или что их недооценивают. Комплекс этих ощущений, называемый рессентиментом, требует публичного восстановления поправленного достоинства такой группы» [Фукуяма, с. 30].

Примечательно, что в качестве одного из главных примеров политики рессентимента в сегодняшнем мире Фукуяма приводит внешнюю и внутреннюю политику современной России. По словам Фукуямы, на чувстве поправленного достоинства соотечественников «играет президент Владимир Путин, говоря о трагедии распада Советского Союза и о том, как Соединенные Штаты воспользовались слабостью России в 1990-х гг., чтобы расширить НАТО на Восток до ее границ. Ему претит чувство морального превосходства, которое демонстрируют западные политики. Он хочет, чтобы к России относились не как к слабому региональному игроку (как некогда обронил президент Обама), а как к великой державе» [Фукуяма, с. 30].

Во втором десятилетии XXI в., отмечает Фукуяма, на место прежнего противостояния между левыми и правыми «выходит конфликт, связанный с определением идентичности» [Фукуяма, с. 29]. Если на протяжении XIX и большей части XX в. левыми и «прогрессивно мыслящими» интеллектуалами были те, кто говорил от имени «народа» и за него, то теперь левые и правые поменялись местами. Начиная с 1970–1980-х годов левые берут на себя роль защитников различных прежде маргинализованных меньшинств (иммигранты, геи и лесбиянки, мусульмане в странах Западной Европы, афроамериканцы и «латинос» в США), тогда как правые начинают выступать в роли защитников народа и трудящегося коренного большинства.

Эта смена ролей на дискурсивно-риторическом уровне сопровождалась также важными трансформациями политического ландшафта в ведущих странах Западной Европы и США. «Проблема современных левых, — пишет Фукуяма, — это те формы идентичности, на которых они сконцентрировали свое внимание. Вместо того, чтобы строить базу своих сторонников на основе крупных сообществ, трудящихся и эксплуатируемых, например, они обращаются ко все более мелким группам, подверженным специфической маргинализации» [Фукуяма, с. 122].

Что касается правых, они, согласно Фукуяме, «переняли язык и формулировки идентичности у левых, в частности, идею о том, что моя конкретная группа подвергается преследованиям, что ее положение и страдания не видны остальной части общества и что вся социальная и политическая структура, ответственная за эту ситуацию (читай: СМИ и политическая элита), должна быть уничтожена. Политика идентичности стала линзой, через которую сегодня представители идеологического спектра рассматривают большинство социальных вопросов» [Фукуяма, с.157].

Этот извод политики идентичности и мультикультурализма в развитых странах Запада вносит свой вклад в процесс «отступления демократии». Правые требуют возврата к гомогенному пониманию нации и поднимают на щит доминирующую основную культуру, которая имела привилегированный статус в прошлом. Левые, критикуя их за это

и делая ставку на защиту маргинальных меньшинств, вместе с водой выплескивают и ребенка, видя в национальной гордости и любви к отечеству всего-навсего пережитки «атавистического национализма», требуя от своих оппонентов без всякого сожаления с ними расстаться<sup>1</sup>. По мнению Фукуямы, «тот тип политики идентичности, который все чаще выбирают как левые, так и правые, глубоко порочен, поскольку вновь обращается к трактовке идентичности на основе фиксированных характеристик, таких как расовая, этническая или религиозная принадлежность» [Фукуяма, с. 198]. Отказ от подобных идей в прошлом, добавляет Фукуяма, дался ценой больших потерь.

Правда, остается неясным, удастся ли отказаться от них и теперь. Анализ рецензий на книгу Фукуямы в американских академических изданиях и национальных массмедиа свидетельствует, что «прогрессивно мыслящие» рецензенты дружно обвиняют американского ученого: он будто бы все валит с больной головы на здоровую, адресуя им те упреки, которых по справедливости заслуживают исключительно их оппоненты<sup>2</sup>.

### Политики идентичности — однозначное зло?

Означает ли сказанное, что политика идентичности представляет собой однозначное зло и что от нее следует раз и навсегда отказаться? На этот вопрос следует ответить отрицательно. Внимательное чтение книги Фукуямы показывает, что пагубна лишь та политика идентичности, которая ведет к появлению в обществе новых замкнутых расовых, этнических, религиозных и гендерных корпораций, претендующих на особое отношение к себе. Ту же политику идентичности, которая способна укреплять национальное единство и социальную солидарность в обществе, можно только приветствовать.

Проблему для либеральной демократии на Западе Фукуяма видит в распространении узких идентичностей. В настоящее время, как с горечью отмечает автор, «для некоторых прогрессистов политика идентичности оказалась дешевой заменой серьезных размышлений о том, как обратить вспять тенденцию роста социально-экономического неравенства, развивавшуюся в большинстве либеральных демократий на протяжении 30 лет. Легче спорить по вопросам культуры в тиши элитных институтов, чем изыскивать средства и убеждать скептически настроенных законодателей изменить политику» [Фукуяма, с. 149].

С этой точки зрения Фукуяма противопоставляет движение за гражданское равноправие в США в 1970-х годов таким претендующим на исключительность движениям, как «Черные пантеры» и «Нация ислама». Говоря о современной повестке, он отмечает

1 Как справедливо замечает Фукуяма, «политика идентичности в понимании левых легитимизирует, как правило, только некоторые идентичности, игнорируя и принижая другие, — такие как еврейская (то есть белая) этническая принадлежность, христианская религиозность, «сельская провинциальность», вера в традиционные семейные ценности и другие, связанные с этими, категории» [Фукуяма, с. 154].

2 Пример такого рода упреков в адрес Фукуямы можно найти в рецензии Алана Вольфа на его книгу [Wolfe].

положительную роль борьбы афроамериканцев против полицейского произвола под лозунгом #BlackLivesMatter и борьбы женщин Америки против сексуальных домогательств на рабочих местах под лозунгом #MeToo.

Чтобы показать, что осмотрительная политика идентичности способна сыграть положительную роль, Фукуяма обращается к анализу национальной идентичности. Ее, как он считает, рано сбрасывать со счетов в современной политике. Как доказывает Фукуяма, развитые формы национальной идентичности, построенные на достаточно широких, но при этом четких и определенных критериях членства в национально-государственной общности, способны играть большую положительную роль в качестве основы легитимности демократических институтов и дееспособной демократической политики.

«Национальная идентичность, — пишет автор, — начинается с общей веры в легитимность политической системы страны, независимо от того, является она демократической или нет. Идентичность может быть закреплена в официальных законах или учреждениях, определяющих, как преподавать историю страны в школах или какой язык будет официальным национальным языком. Однако национальная идентичность распространяется на сферу культуры и ценностей. Она состоит из историй, которые люди рассказывают о себе: откуда они пришли, какие праздники празднуют, что хранится в их общей исторической памяти, что нужно, чтобы стать подлинным членом общества» [Фукуяма, с. 161–162].

У развитой национальной идентичности есть как достоинства, так и недостатки. Говоря об опасностях, Фукуяма отмечает такие ее отталкивающие черты, как этнонационализм, связанный с «эксклюзивным, этнически обусловленным чувством принадлежности» [Фукуяма, с. 163–164]. По его мнению, «этот тип идентичности предполагает преследование людей, не входящих в идентифицируемую группу, и агрессию против других стран от имени (или для защиты) соотечественников, проживающих в них» [Фукуяма, с. 164].

Однако такая ситуация не является фатальной. Напротив, развитые формы национальной идентичности, очищенные от ксенофобии и этноцентризма, обладают целым рядом ярко выраженных достоинств, без которых невозможна нормальная деятельность институтов и практик современной либеральной демократии. Фукуяма отмечает, в частности, что национальная идентичность дает физическую безопасность и способствует образованию и сохранению политических единиц, которые могут поддерживать правопорядок внутри государства и эффективно действовать на международной арене. Затем, национальная идентичность составляет необходимую предпосылку для достижения высокого уровня государственного управления, чему препятствует разбазаривание чиновниками государственных средств в интересах этнической, региональной или родоплеменной лояльности. Кроме того, развитая национальная идентичность содействует экономическому развитию, вселяя в граждан чувство гордости за свою страну и готовность трудиться ради общего блага. Наконец, важная функция национальной идентичности заключается в расширении круга дове-

рия. «Доверие действует как смазка, облегчающая и экономический обмен, и вовлечение в политические процессы. Доверие основано на так называемом социальном капитале — способности сотрудничать с другими людьми на основе неформальных норм и общих ценностей» [Фукуяма, с. 165]. Однако для того, чтобы доверие могло обеспечить процветание общества, радиус его действия должен быть максимально широким. Именно такого результата позволяет добиться широкая национальная идентичность. Что же касается задачи-максимум национальной идентичности, то ее Фукуяма видит в том, «чтобы сделать возможной саму либеральную демократию» [Фукуяма, с. 167].

### **Диагноз поставлен — что дальше?**

По мнению Фукуямы, мы не можем отказаться ни от идентичности, ни от основанной на ней политики идентичности. Выход из нынешнего кризиса либеральной демократии он видит в поощрении и развитии более открытых форм национальной идентичности и моделей гражданства, нежели те, с которыми она подошла к своему очередному кризису. «Сдвиг в повестках, как левых, так и правых, — пишет Фукуяма, — в сторону защиты все более узких групповых идентичностей угрожает возможности общения и коллективных действий. Но отказ от идеи идентичности, составляющей слишком большую часть представлений современных людей о себе и окружающих их обществах, не решит эту проблему. Выходом из сложившейся ситуации будет более широкое и интегрированное определение национальных идентичностей, учитывающее фактическое разнообразие существующих либерально-демократических обществ» [Фукуяма, с. 158]. Здесь, правда, как и во всем прочем, нужна мера, поскольку стать полноправным членом либерально-демократического общества можно, лишь искренне приняв не только его базовые конституционные принципы, но и его демократическую культуру, без которой любая процедурная демократия не работает. Как справедливо замечает автор, «пассивного принятия демократического кредо недостаточно для того, чтобы система заработала. Демократия требует от граждан и активного проявления определенных добродетелей» [Фукуяма, с. 199–200].

Согласно Фукуяме, в Соединенных Штатах и странах-членах Европейского союза можно добиться более высокого уровня социальной интеграции и солидарности. Для этого базовые параметры национальной идентичности необходимо задавать при помощи политических понятий и метафор, которые были бы совместимы с культурным разнообразием, существующим в большинстве развитых обществ Запада и Востока. Гражданство в будущем следует определять не по критериям этнического происхождения или религиозной принадлежности, но с ориентацией на ценности либерального Просвещения, такие как конституционализм, уважение к правам человека и гражданина, а также правление закона. Как полагает Фукуяма, «задача, стоящая перед современными либеральными демократиями в контексте проблем миграции и растущего многообразия заключается в том, чтобы... определить инклюзивную национальную идентичность, соответствующую многообразной реальности общества, и ассимилировать новичков в эту идентичность» [Фукуяма, с. 180].

Стало быть, рецепты, предлагаемые Фукуямой для решений современных проблем, порожденных различными вариантами политики идентичности, состоят не в том, чтобы раз и навсегда отказаться от подобной политики, но в том, чтобы сделать ее более открытой, построенной на нормах и ценностях самой либеральной демократии. В плане конкретных предложений Фукуяма призывает вернуться к обязательной военной службе, которая во многих странах Запада стала достоянием истории, развивать гражданские службы, а также прилагать больше усилий для интеграции иммигрантских меньшинств. Он отдает явное предпочтение политике ассимиляции перед политикой мультикультурализма и требует более строгого контроля ЕС над национальными границами. Наконец, большую роль в ассимиляции новых граждан стран Запада Фукуяма отводит системе начального и среднего образования, в основе которого должно лежать преподавание и изучение общего национального языка и национальной культуры.

Новой книге Фукуямы вряд ли суждено стать бестселлером на манер его работы «Конец истории и последний человек», опубликованной в 1992 г. по горячим следам краха коммунизма, окончания «холодной войны» и исторического триумфа либерально-демократического Запада [Fukuyama *The End of History...*]. Однако она заслуживает внимания. В отличие от книги 1992 г., здесь речь идет уже не о безальтернативном триумфе либеральной демократии, но о тех новых вызовах, с которыми ей пришлось столкнуться в последние десятилетия. Насколько убедительно выглядят рецепты, которые Фукуяма предлагает для преодоления кризисного состояния либерально-демократических порядков Запада, — судить читателю.

## Литература

Кожев А. Введение в чтение Гегеля / Пер. с франц. А. Г. Погоняйло. СПб. 2003.

Фукуяма Ф. Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия / Пер. с англ. М. 2019.

Шапиро И. Политика против господства. М. 2019.

Gardels N. Francis Fukuyama: Identity politics is undermining democracy // *The Washington Post*. 18.09.2018. — URL: [washingtonpost.com/news/theworldpost/wp/2018/09/18/identity-politics/](https://www.washingtonpost.com/news/theworldpost/wp/2018/09/18/identity-politics/) (date of access: 10.03.2020).

Fukuyama F. *The End of History and the Last Man*. New York. 1992.

Wolfe A. Francis Fukuyama's Shrinking Idea // *The New Republic*. 16.01.2019. — URL: [newrepublic.com/article/152668/francis-fukuyama-identity-review-collapse-theory-liberal-democracy](https://www.newrepublic.com/article/152668/francis-fukuyama-identity-review-collapse-theory-liberal-democracy) (date of access: 10.03.2020).



## Authors

**Timofey DMITRIEV** — Associate Professor, School of Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics; PhD in Philosophy; [tdmitriev@hse.ru](mailto:tdmitriev@hse.ru).

**Oksana GAMAN-GOLUTVINA** — Corresponding Member of the RAS, Professor, Head of Department of Comparative Politics, MGIMO University; President of Russian Political Science Association; President of the Political Sciences and Regional Studies Association; President of Russian Foundation for Basic Research (RFBR); member of Civic Chamber of the Russian Federation; Doctor of Political Science; [ogaman@mail.ru](mailto:ogaman@mail.ru)

**Vladimir KONDRATEV** — Head of the Center for Industrial and Investment Studies, Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) RAS; Full Professor, Doctor of Economics; [v.b.kondr@imemo.ru](mailto:v.b.kondr@imemo.ru).

**Anton KRUTIKOV** — Historian, Research and Information Project “Western Russia” (Minsk, Belarus); [bialyorzel1000@gmail.com](mailto:bialyorzel1000@gmail.com).

**Natalia TRAVKINA** — Head of the Center for Domestic Politics Studies, Institute of USA and Canada, RAS; Doctor of Political Science; [uspolitika@gmail.com](mailto:uspolitika@gmail.com).

**Vadim TRUKHACHEV** — Lecturer, Russian State University for Humanities; Ph.D. in History; [vadimvts@mail.ru](mailto:vadimvts@mail.ru).

**Petr YAKOVLEV** — Head of the Center for Iberian Studies, Institute of Latin America, RAS; Professor, Plekhanov Russian University of Economics; Doctor of Economics; [petrp.yakovlev@yandex.ru](mailto:petrp.yakovlev@yandex.ru)

**Nailya YAKOVLEVA** — Leading Researcher, the Center for Political Studies, Institute of Latin America, RAS; Ph.D. in History; [nel-yakovleva@yandex.ru](mailto:nel-yakovleva@yandex.ru).

## Abstracts and Keywords

**Timofey DMITRIEV**

**«DESIRE TO BE OBSERVED»: FRANCIS FUKUYAMA IN SEARCH OF EXPLANATION FOR THE NEW TENDENCIES IN WORLD POLITICS BOOK REVIEW: FUKUYAMA F. IDENTITY. THE DEMAND FOR DIGNITY AND THE POLITICS OF RESENTMENT. M. 2019. (IN RUSS.).**

**Abstract.** *The review article provides a critical analysis of the main points of Francis Fukuyama's latest book, which deals with the identity crisis of Western liberal democracy. The author focuses on Fukuyama's assessment of actual global developments from the perspective of struggle of nations and groups for recognition. Special attention is given to the role that a broadly understood national identity could play in stabilizing social and political processes of the modern world.*

**Keywords:** *world politics, national identity, dignity, struggle for recognition of one's identity, identity politics, group rights, partial forms of recognition, the rise of identity politics, crisis of liberal democracy.*

**Oksana GAMAN-GOLUTVINA**

**MODERN COMPARATIVE POLITICS FACING CHALLENGES OF DEVELOPMENT**

**Abstract.** *The article examines the current situation in comparative politics as part of general political science. The author concludes that the fundamental problems in this discipline are due to a simplified understanding of theory and methodology. In its theoretical dimension, political science lags behind the post-non-classical picture of the world, which combines randomness and necessity, reversibility and irreversibility, linearity and nonlinearity, dynamism and stability, and so on. At methodological level, the shortened understanding of methodology as a science of methods is prevailing, not as a way of exploring a subject by placing it in a broad meta-context. Regarding the tools, the irrelevance of opposing qualitative and quantitative methods and of reducing the whole range of quantitative methods to their specific categories is emphasized. Nevertheless, the forecast for the further development of comparative studies is positive, as diligent "laboratory" work is being done in many fields.*

**Keywords:** *political science, comparative political studies, methodology, method, quantitative and qualitative research, scientific picture of the world, scientific image of the world.*

**Vladimir KONDRATEV****ASIA AS A NEW CENTER OF ECONOMIC POWER**

**Abstract.** *The rise of Asia has been continuing for several decades, at a faster pace than expected. Asia, despite the vast diversity of its constituent countries, can be called the world's largest "regional economy". Asian consumer markets show not just impressive growth, but also profound changes in structure. The power of Asia will grow, as Asian economies integrate with one another in innovation, trade, capital and knowledge flows, confirming a new trend in globalization — regionalization. Asia is expected to shape global market trends and become the engine for the next phase of globalization, which could be rightly called the Asian Century.*

**Keywords:** *Asian Century, new economic power, diversified continent, integration and regionalization, complimentary economies.*

**Anton KRUTIKOV****THE BOLSHEVIKS AND THE TARTU PEACE TREATY OF 1920**

**Abstract.** *For the Russian Soviet Republic and Estonia, the conclusion of the Tartu Peace Treaty resolved a whole range of diplomatic, military and economic problems, which have traditionally attracted attention of historians. However, the treaty did not serve as an act of equitable ending to the Civil War and helped lay the foundations for today's disagreements between Estonians and Russians. Having gone down in history as a monument to Bolsheviks' party ambitions and early Soviet diplomacy, the treaty not only acquired the status of an important historical artifact. 100 years later, the Tartu Treaty is still an instrument of political manipulation and a matter of controversy for politicians and diplomats.*

**Keywords:** *Russian Soviet Republic, RSFSR, Estonia, Bolsheviks, Tartu Peace Treaty, Civil war, diplomacy, international relations.*

**Natalia TRAVKINA****IMPEACHMENT OF D. TRUMP: REVOLT OF THE DEEP STATE**

**Abstract.** *The article analyzes the origins, course and consequences of the impeachment process of the 45th US President D. Trump. The author points out that the efforts of Democrats in both houses of Congress to remove the President from office because of his foreign policy have been unprecedented. This case radically differs from the two previous processes of impeachment of American presidents in the last third of the XIX century and at the end of the XX century. This could have far-reaching consequences for the future of US democratic political system and American foreign policy.*

**Keywords:** *impeachment inquiry against Donald Trump, political parties in the United States, United States domestic politics, democracy in the United States, foreign policy of the United States.*

**Vadim TRUKHACHEV****CZECH REPUBLIC: AMBIGUOUS PAST AS A PART OF CURRENT POLITICS**

**Abstract.** *In 2019, the Czech Republic celebrated the 30th anniversary of the Velvet Revolution, which put an end to the 41-year socialist period in Czech history. This event, the liberation of Prague by the Red Army in 1945, and especially the suppression of the Prague Spring in 1968 largely determine the attitude of modern Czechs toward the USSR and Russia. Opinion to the deployment of Warsaw Pact troops in 1968 is clearly negative; the other two dates are causing heated debate. For instance, not only the fate of the monument to Marshal Konev and the intention to perpetuate the memory of the Vlasov army in one of Prague's districts have provoked a severe reaction in Russia, this issue has also caused a debate in Czech society. The ambiguous past still remains part of current politics in the Czech Republic.*

**Keywords:** *Czech Republic, Prague, historical memory, monument to Konev, World War II, Velvet Revolution, Prague Spring, socialism, M. Zeman, V. Klaus.*

**Petr YAKOVLEV****THE EU AFTER BREXIT: KEY GEOPOLITICAL AND GEO-ECONOMIC CHALLENGES**

**Abstract.** *The decision on Britain's secession from the European Union, taken by the British Parliament and agreed by London and Brussels, divided the Union history into "before" and "after". Not only will the remaining member states have to "digest" the political, commercial, economic and mental consequences of parting with one of the largest partners. They will also have to create a substantially new algorithm for the functioning of United Europe. On this path, the EU is confronted with many geopolitical and geo-economic challenges, which should be answered by the new leaders of the European Commission, European Council, and European Parliament.*

**Keywords:** *European Union, Brexit, new EU leadership, European and global challenges, Russian interests.*

**Nailya YAKOVLEVA****LATIN AMERICA: SOCIAL AND POLITICAL CONTEXT OF PROTEST ACTIVITY**

**Abstract.** *The article is devoted to the 2019 upsurge in mass protests in Latin America. The vast majority of actions had anti-elite character and reflected the growing discontent of the population with government economic and social policies. Latin American societies are becoming increasingly sensitive to large-scale corruption among the ruling elites. In these conditions, public confidence in government institutions, including that of presidency, is declining. As the problems of the region's countries do not have quick solutions, the rise of mass protests may extend to the current year, and the social agenda may be supplemented with a political one.*

**Keywords:** *Latin America, mass demonstration, street activism, anti-elite rhetoric, social inequality, income gap, political demands.*

*Научный сетевой журнал*

**«Перспективы. Электронный журнал»**

2020

№1 (21)

(январь — март)

***E-journal «Perspectives and prospects»***

2020

№1 (21)

(January — March)

*journal.perspektivy.info*

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС77-61061 от 5 марта 2015 г.

Дизайн обложки *Ирина Гортинская*

Дизайн-макет *Ирина Гортинская*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *Ирина Гортинская*

Фонд исторической перспективы

Центр исследований и аналитики

127051, Москва, ул. Долгоруковская, д. 33, стр. 2

тел./факс: +7(495)789 80 87